

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

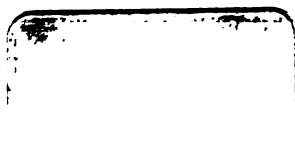
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СЛАВЯНСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

АЛМАНАХЪ И СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

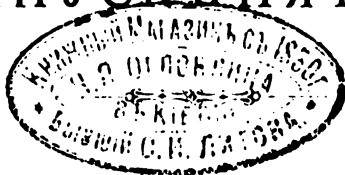
ИЗДАВАЕМЫЙ

КІЕВСКИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

подъ редакцію А. В. Стороженка.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

Цѣна 1 рубль.

КІЕВЪ.

Типографія И. и А. Давиденко. Мало-Житомирск. ул. № 3-й.

1882.

PSlav 646.15 (v.5, 1882)

~~III, 1874~~

~~Star 5-2~~

~~R Slav 646.15~~

OCT 13 1883

Дозволено цензурой. Кіевъ, 25-го Апрѣля 1882 г.

ПАМЯТИ
Александра Александровича
КОТЛЯРЕВСКАГО

благоговѣйно посвящаетъ

СОСТАВИТЕЛЬ.

Николай Петрович Задерацкій.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ.

21 іюля 1880 года скончался отъ злой грудной болѣзни, не дающей пощады своимъ жертвамъ, учитель Кіевской 2-й гимназійи и секретарь Кіевского Славянскаго Благотворительнаго Общества Николай Петровичъ Задерацкій.—И по отцу и по матери покойный былъ чистокровнымъ Малороссіяниномъ. Родословную его съ обѣихъ сторонъ можно прослѣдить довольно далеко. Дѣдъ его со стороны отца былъ сельскій священникъ Емельянъ, сынъ крестьянина. Онъ былъ уроженецъ Кіевской губерніи, но на приходѣ состоялъ не-вдалекѣ отъ Одессы въ м. Рыбнополь Херсонской губерніи. Человѣкъ это былъ отъ природы очень одаренный, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ связки писемъ его къ сыну и невѣсткѣ. О. Емельянъ значительно пережилъ своего сына Петра Емельяновича и умеръ послѣ 1858 года.

Петръ Емельяновичъ получалъ образованіе въ Херсонской семинаріи, откуда поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1843 году первымъ изъ младшихъ кандидатовъ. Въ томъ-же году онъ женился на дочери протоіерея Андрея Масенка—Варварѣ Андреевнѣ. Отъ этого брака и родился нашъ Николай Петровичъ.

Масенки были родомъ изъ села Рославичей Кіевского⁰ уѣзда. Прадѣдъ Николая Петровича Миронъ Васильевичъ кончилъ жизнь монахомъ Кіево-Печерской Лавры. Андрей

Мироновичъ былъ родоначальникомъ Кіевской, такъ сказать, линіи Маспенковъ. Первые годы юности онъ провелъ въ какой-то должности при митрополитѣ Самуилѣ Миславскомъ (былъ митрополитомъ съ 1783 по 1796 г.). Затѣмъ въ теченіе почти 52-хъ лѣтъ онъ былъ настоятелемъ старой Троицкой церкви, находившейся на Старомъ Кіевѣ почти на срединѣ пространства между Софійскимъ Соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ. Когда о. Андрей одряхлѣлъ и потерялъ возможность исполнять свои обязанности относительно прихожанъ, мѣсто его занялъ въ 1843 году зять его Петръ Емельяновичъ. Только изрѣдка о. Андрей, слѣдуя потребности души своей, служилъ Всевышнему передъ алтаремъ. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ зятемъ т. е. въ 1848 г. Отецъ Андрей не принадлежалъ къ образованнымъ людямъ, но природный умъ въ соединеніи съ грамотностью, а также любовь къ чтенію—восполняли недостатокъ образованія. Что онъ не боялся взять иногда и перо въ руки, видно изъ того, что еще въ молодые годы дѣлалъ онъ замѣтки о выдающихся событіяхъ, которыхъ ему приводилось быть свидѣтелемъ. Сохранился листокъ, относящійся къ 1786—87 гг., на которомъ записано, напимѣръ, слѣдующее:

»1786 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда вода возвысилась въ Днѣпрѣ, пришли въ Кіевъ изъ Смоленска галеры и прочія суда, присланныя для Ея Имп. Велич. Имп. Екатерины 2-ой со всѣмъ дворомъ и министрами иностранными—для путешествія въ Кременчугъ и Екатеринославъ, Херсонъ и Крымъ. И штаты въ апрѣлѣ утверждены. Отборъ отчинъ отъ монастырей. И митрополитъ Кіевскій Самуилъ—пожалованъ архимандритомъ Лавры Кіевской. И Братскій монастырь упраздненъ и Кіев. Академіи назначено: половинѣ (находиться) въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ, въ

Кієво-Печерской Лаврѣ—половинѣ (за типографією) ¹⁾. Митрополитъ просилъ синодъ—оставить по прежнесу Академію... Ректоръ архимандритъ Варлаамъ переведонъ у Кієво-Михайловскій монастырь ²⁾.

1787 генваря 29 числа Ея Импер. Велич. Екатерина II со всѣмъ дворомъ и пѣвчими 50 чел. (которые вмѣстѣ были въ Лаврѣ въ больничномъ монастырѣ, а монахи выведены по нещерамъ; князь Потемкинъ въ Лаврѣ въ архимандритскихъ келіяхъ, а духовникъ Ея Имп. Вел. синодальный членъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ въ типографскихъ келіяхъ) прибыла на 356 ... экипажахъ по 4 пары и по 3 пары—прямо въ Лавру, гдѣ сѣѣтали все духовенство кіевское; квартировала въ бывшемъ дворцѣ государевомъ. 31 генваря посѣтила митрополита Самуила, слушала литургію въ домашней церкви Воскресенской, служеніе имѣлъ коадьюторъ епископъ переяславскій, ³⁾ архимандритъ Амфилохій, бывшій межигорскаго монастыря, и духовникъ Ея Имп. Велич. И. И. Панфиловъ. Пѣвчіе—придворные и митрополитанскіе. Послѣ литургіи рѣчь говорилъ Ея Импер. Величеству Самуилъ, митрополитъ кіевскій. И была въ келіяхъ и хвалила закуску, пила вино венгерское сухогрожное.»

¹⁾ Указъ 10 апрѣля 1786 года.

²⁾ Показаніе о. Андрея расходится въ этомъ случаѣ со свѣдѣніями, собранными Аскоченскимъ. Послѣдній говоритъ, что съ упраздненіемъ въ 1786 году Братскаго монастыря Варлааму предоставленъ былъ монастырь *Кієво-Николаевскій*. См. Кієвъ съ др. его учил. ч. II, стр. 323.

³⁾ Епископомъ переяславскимъ былъ въ это время Викторъ Садковскій.

О. Андрей, какъ многіе Малороссы, обладалъ недюжиннымъ юморомъ. Одинъ анекдотъ, сохранившійся о немъ, довольно забавопъ. Какой-то генераль спросилъ отца Андрея: »А Вы, Андрей Миropовичъ, были въ Академіи«? (генераль хотѣлъ спросить, получилъ-ли о. Андрей академическое образованіе). На это о. Андрей, какъ-бы не понимая вопроса, отвѣчалъ: »И не разъ даже приходилось бывать.« (О. Андрей хотѣлъ сказать, что ему не разъ приходилось посѣщать академическое зданіе).

У о. Андрея было большое семейство. Сыновей у него было четыре: Николай, служившій въ Кіевской Консistorіи; Иванъ, настоятель Щекавицкой кладбищенской церкви; Петръ, служившій по разнымъ вѣдомствамъ, начиная съ Министерства Народнаго Просвѣщенія и оканчивая Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, и вездѣ неудачно; Федоръ, который пошелъ сначала въ военную службу, но безъ чина вышелъ въ отставку и служилъ станціоннымъ смотрителемъ подлѣ Москвы въ Воскресенсѣ, гдѣ и кости сложилъ. Дочерей было три: Александра—замужемъ за совѣтникомъ Лужинскимъ; Екатерина, умершая уже невѣстою, и Варвара—мать Николая Петровича, бывшая спутницею всей жизни покойнаго и имѣвшая несчастье пережить единственнаго и глубоко любимаго сына.

Николай Петровичъ не помнилъ дѣда своего со стороны матери о. Андрея, но домъ, въ которомъ дѣдъ жилъ, живо врѣзался ему въ память. Незадолго до смерти своей онъ случайно написалъ слѣдующую записку: »Домъ дѣдушки Андрея стоялъ на видномъ мѣстѣ Кіева—онъ былъ угловой: выходилъ на Софійскую площадь и на улицу, ведущую на Подоль, —нынѣшнюю Владимірскую приблизительно. Домъ, видно, строился въ нѣсколько пріемовъ, такъ-что былъ по-

хожъ на стаю голубей, случайно слетѣвшихся клевать зерна. Я чуть помню его—съ большимъ крыломъ, выходящимъ на Софійскую площадь. Какъ самый Кіевъ до 50-хъ годовъ напоминалъ большую деревню, такъ и дома высматривали деревенскими помѣщичьими домами и даже строились какъ-то не на городской манеръ. Такимъ-же былъ домъ дѣда Андрея. При домѣ, неизбѣжно, находился фруктовый садъ—у дѣда Андрея довольно почтенныхъ размѣровъ.» Въ этомъ домѣ родился Николай Петровичъ. Онъ такъ самъ рассказываетъ о своемъ рожденіи: »Родился я въ Кіевѣ 28 ноября 1845 года въ 12 часовъ и 40 минутъ по полудни, какъ я нашелъ записаннымъ рукою отца въ календарѣ Академіи Наукъ на 45-й годъ, въ среду, какъ говоритъ маменька. Съ ранняго дѣтства былъ, говорятъ, своеправенъ, такъ-что, когда меня отняли отъ мамки (кормила меня женщина изъ Казанской губерніи, которую я лѣтъ семи отъ роду провожалъ на родину, когда за ней пришла ее дочь, а до тѣхъ поръ она жила у насъ въ качествѣ кухарки), я речествовалъ, по выраженію маменьки, по почамъ, и мнѣ для успокоенія приготовляли вафли.« Около 1853 года домъ, въ которомъ родился Николай Петровичъ, былъ отчужденъ въ казну и затѣмъ сломанъ. Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, высится зданіе Присутственныхъ мѣстъ; заложено оно 15-го іюня 1854 года, а окончено и освящено 1-го ноября 1857 г. Въ 1858 году упразднена была и Троицкая церковь на Старомъ Городѣ, настоятелемъ которой съ 1843 по 1848 годъ былъ Петръ Емельяновичъ. Въ замѣнъ ей была заложена еще въ 1856 году, а освящена въ 1859-мъ октябрі 12, новая, тоже деревянная Троицкая церковь, находящаяся на Новомъ Строеніи.

Отецъ Николая Петровича Петръ Емельяновичъ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Преобла-

дающею чертою его была страсть къ книгамъ и къ занятіямъ литературой. Когда однажды заговорили о богатствѣ, онъ сказалъ: »Если-бы изъ двухъ смежныхъ комнатъ одна была до верху наполнена книгами, а другая—деньгами, то я вошелъ-бы въ первую и ея сокровищами предпочелъ-бы воспользоваться.« Еще въ 1840 году, только-что пріѣхавши въ Кіевъ, пробуетъ Петръ Емельяновичъ писать. Сохранилась тетрадь съ его первыми литературными опытами. Она стоитъ того, чтобы на ней остановиться.

Исходя изъ того, что »легкое важному не помѣха« (это выраженіе Петръ Емельяновичъ называетъ своимъ *девизомъ*), Петръ Емельяновичъ находитъ возможнымъ, занимаясь науками, удѣлять время и литературѣ. Замѣчательно при этомъ, что онъ не цурается и роднаго малорусскаго языка. Въ упомянутой выше тетради мы находимъ малорусское стихотвореніе Петра Емельяновича, помѣченное 23 февраля 1840 года. Если оно не отличается выдающимися поэтическими достоинствами, то за то написано чистымъ языкомъ и запечатлѣно искренностью и теплотою, которыхъ мы напрасно искали-бы во многихъ изъ теперешнихъ малорусскихъ произведеній. Вотъ оно (удерживаю правописаніе подлинника):

МЫЛОГО КЛЫЧУ.

Серденько стогне, оченьки плачуть,
Мылого не бачуть...

Дежъ ты, мій мылый, де ты блукаешъ,
Головку склоняешъ?

Чы на коневн у чыстому поли
Скачешъ ты на воли?

Чы головошкѣ й очи прыкрыла
 Чорна могила?
 Дай мыши вистку; клянчу—озвися,
 Мылый, вернися.
 Якъ же не вернесся, слізмы обилуюся,
 У слезахъ втоплюся,
 Щобъ зналы, що тебе я кохала
 И до себе ждала.
 Вернесся—серце узвеселыця
 И прасне въ очыцяхъ.

Но Петръ Емельяновичъ не ограничивается такими небольшими опытами: онъ дѣлаетъ попытку написать романъ, въ которомъ были-бы изображены бытъ и нравы чиновничьяго круга въ маленькомъ южнорусскомъ городкѣ. Романъ остался неоконченнымъ, но нѣкоторыя главы его вполне отдѣланы и представляютъ даже въ настоящее время довольно значительный интересъ, такъ какъ въ нихъ живо и отчетливо обрисовано нѣсколько провинціальныхъ типовъ 40-хъ годовъ. Вотъ одинъ такой типъ:

ПОДПОРУЧИКЪ ЖИВАНОВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ ¹⁾.

— Милостивый государь! милостивый государь мой! раздалось за перегородкой.

Воззваніе очевидно относилось ко мнѣ.

— Что прикажете?

¹⁾ Я помѣщаю здѣсь этотъ небольшой очеркъ, чтобы дать читателямъ возможность ознакомиться съ этой стороною литератур-

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Очень радъ познакомиться.

Я называлъ себя.

Я стрра—ажду, я пла-ачу!

— Хорошъ? рожа-то рожа! да вы взгляните, полюбуйтесь! хорошъ? А знаете-ли вы, впрочемъ, что? вѣдь я его выдрессировалъ — истинно вамъ говорю, выдрессировалъ! Теперь онъ у меня всѣ эти, знаете, поговорки, и всякую команду—все понимаетъ; стихи даже французскіе декламируетъ. Проща, потѣшь-ка господина!

ной дѣтельности Петра Емельяновича. Очеркъ показываетъ, что Петръ Емельяновичъ обладалъ значительнымъ талантомъ и что изъ него могъ-бы выйти замѣтный романистъ, если-бы онъ на этого рода дѣтельность направилъ свои способности. Долженъ-ли былъ этотъ очеркъ войти въ вышеупомянутый романъ или онъ представляеть нечто индѣпдентное, изъ рукописи, въ которой онъ сохранился, не видно.

творецъ Беранже! Изъ Русскихъ, я вамъ доложу, подобнаго нѣтъ! И все, знаете, насчетъ этихъ деликатныхъ обстоятельствъ бестія!

— Ну, теперь маршъ! можешь спать! да смотри, у меня не зѣвать—понимаешь?

— Извольте видѣть? сказалъ онъ мнѣ.

— Вижу.

— Ну-съ, такъ вотъ здѣсь всѣ мои капиталы!... То-есть кромѣ тѣхъ, которые хранятся вотъ въ этомъ ломбардѣ!

Онъ указалъ на голову.

— Немного-съ! всего-то тутъ на всѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ.. и это на всю, сударь, жизнь!

— А да-съ; это на всю жизнь! сказалъ онъ торжественно и съ разстановкой, почти налѣзая на меня:—это, что называется, на всю жизнь! т.е. тутъ и буаръ, и манже, и сортиръ!.. А да-съ, не красна изба углами, а, впрочемъ, и пироговъ тутъ не много найдетсѣ!... Хитро-съ!

— А ужь чего, кажется, я недѣлалъ! Тѣломъ торговалъ-съ!—вотъ какъ видите... Не вывезла! не вывезла шельма-кривал!

— Вотъ-съ хоть-бы на счетъ браку! Чѣмъ не молодецъ,—во всѣхъ статьяхъ! однако нѣтъ!... Была вдова Поползновейкина, да и та спятила: „нипъ“ говоритъ, „какія у тебя ручищи-то! такъ пожалуй усахарини, что въ могилу ляжешь!“ Ужъ и какихъ ей резоновъ не представлялъ: „это,“ говорю, „сударыня, крѣпость супружескую обозначаетъ“—такъ куда тебѣ! Вотъ и выходитъ, что только задаромъ на нее здоровье тратилъ: дала вотъ тулупчишку, да сто цѣлковыхъ на дорогу, и указала дверь. А харя-то какая, если-бъ вы знали! точно вотъ у моего Прошкп, словно Антихристъ на ней съ сотвореніи міра престолъ имѣлъ!

— А не то вотъ Топорковъ корнетъ: „слышалъ,“ говорилъ, „Сеня, Англичане милліонъ тому даютъ, кто цѣлый годъ однимъ сахаромъ будетъ питаться?“ Что-жъ, думаю, вѣдь канальская штука

будеть — миллиончикъ получить! Вѣдь это выходитъ не много — не мало, а такъ себѣ взялъ, да на пряники миллиончикъ и получилъ. А мнѣ въ ту пору смерть приходила не минучая, все проспалъ! И кромѣ того знаете, что у меня ужъ идея такая — разбогатѣть. Ну-съ и полетѣлъ я сдуру въ Питербургъ. Пріѣхалъ къ посланнику: „такъ и такъ“, говорю, „вызывались желающіе, а у меня, молъ, ваше превосходительство, желудокъ настоящий, русскій-съ..“ Что-жъ бы вы думали? перевели ему это — какъ загогочетъ басурманника: даже обидно мнѣ стало; такъ, знаете, такъ всѣ эти патріотическія чувства вдругъ и закипѣли

— Да, это дѣйствительно обидно.

— Но однакожъ, воротясь, задалъ-таки я Сашкѣ трезвону: уповательно полагать должно, помнить я теперь... Впрочемъ, и то сказать, я съ малолѣтства такой ужъ прожекторъ былъ. Голова, батюшка, горячая, съ головой сладить не могу! Это вотъ какъ въ критикахъ пишутъ, сердце съ разсудкомъ въ разладѣ — ну, какъ засядетъ что туда, никакими силами его оттуда и не вытащишь, на стѣну лѣзть готовъ!

— А теперь что-же вы располагаете дѣлать?

— Теперь? ну, теперь-то мы свои дѣлишки поправимъ! Въ Крутогорскъ, батюшка, ѣдемъ, въ Крутогорскъ! въ страну, съ позволенія сказать, антропофаговъ, страну дикую, лѣсную! Нога, сударь, человѣческая тамъ никогда не бывала, дикіе звѣри по улицамъ ходятъ! Такъ вотъ-съ мы съ вами въ какую сторонку запропастились!

— Спасибо Сашкѣ Топоркову! Спасибо! говорилъ онъ, очевидно забывая, что тотъ же Топорковъ обольстилъ его насчетъ сахара: „ступай“, говоритъ, „въ Крутогорскъ, тамъ, братецъ, есть впец!“ Ну, я, знаете, человѣкъ военный, долго не думаю: купакъ да шапку, или, какъ сказалъ мудрецъ, omnia me cum me... зарпортовался, ну да все равно! Слава Богу, теперь ужъ недалеко и до мѣста.

— Что-жъ ты, шутить что-ли, собачій сынъ, со мною вздумалъ? возопилъ Живановскій: — службу свою забылъ! Такъ я тебѣ ее припомню, ска-атина!

Онъ распростеръ свою длань и совершенно закрылъ ею лицо ополоумѣвшаго раба.

— Дратся, доложу вамъ, не люблю: это дѣло не надежное! а вотъ память, скомкать этакъ мордасы—ужъ это наше почтеніе, на томъ стоимъ-съ. У насъ, сударь, въ окологдѣ помѣщица жила, дѣвица и бездѣтнал, такъ она истинная была на эти вещи затѣйница. И тоже бить не была, а проинтрафилса у ней дѣвка, она и пошлетъ ее по деревнямъ милостыню собирать; соберетъ она тамъ куски какіе—въ застольную: и дворовые сыты, и дѣвка наказана. Вотъ это, сударь, управленіе! Это я называю управленіемъ.

— Знаете-ли, однакожъ, сказалъ онъ:—напитокъ-то вѣдь начинать забирать меня—какъ вы думаете?

— Стара стала, слаба стала! Шли мы, я помню, въ восемьсотъ четырнадцатомъ, походомъ—въ мѣсяцъ по четыре ведра на брата выходило! Ну-съ, четырежды восемь тридцать два—кажется, лопнуть можно!—такъ нѣтъ же, всѣ въ своемъ видѣ! Такал ужъ компанія веселая собралась: все ребята были теплые!

— Да вы постойте, не зѣвайте! Я вамъ расскажу, былъ со мной случай. Былъ у меня братъ, такой братъ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь—душа! Служилъ онъ, сударь, въ одномъ полку съ нѣконимъ Перетыкинымъ—такъ жалконькій былъ офицершкя. Вотъ только и поклялись они промежъ себя, въ счастье ли въ несчастье ли—вывозить другъ друга. Братъ вышелъ въ отставку, а Перетычка эта полѣзла въ гору, перешла, батюшка, къ штатскимъ дѣламъ и дослужилась тамъ до чина генеральскихъ. Въ двадцатыхъ годахъ, какъ теперь помню, пробубнилса я жесточайшимъ манеромъ,—штабсъ-капитанъ Терпишка въ пухъ обыгралъ!—натурально къ брату, вотъ и припомнилъ онъ, что есть у него другъ и пріятель Перетыкинъ: „Онъ“ говоритъ, „тебя пристроить!“ Пишетъ онъ къ нему письмо, къ Перетычкѣ-то: „помиши ли, дескать, другъ любезный, какъ мы съ тобой на пролетъ почи у метресь прокучивали, какъ ты, какъ я.... помоги

бриту!“ Являюсь я въ Петербургъ съ письмомъ этимъ прямо къ Перетыкину.

Принялъ онъ меня, впервыхъ, самымъ, то есть, безобразнѣйшимъ образомъ: ни самъ ни садится, ни мнѣ не предлагаетъ.

Прочиталъ письмо. „А кто это“, говоритъ, „этотъ господинъ, Живановскій?“ и такъ, знаете, это равнодушно, и губы у него такія тонкія,—ну, бестія, одно слово бестія!...

„Это,“ говорю, „ваше превосходительство мой братъ, а нашъ старинный другъ и пріятель!“

„А да!“ говоритъ: „теперь припоминаю! увлеченіи молодости!“ Ну доложу вамъ. Я не вытерпѣлъ.

„А вы,“ говорю, „ваше превосходительство, вѣрно и въ ту пору канальей привыкли быть!...“ Такъ и ляпнулъ. Что-жь бы вы думали? Онъ на меня въ претензіи, за чѣмъ, дескать, обозвалъ его!

И вотъ все-то я такъ маюсь по бѣлу свѣту. Куда не сунусь, вездѣ какая нибудь пакость... Ну, да слава Богу, теперь, кажется, дѣло на ладъ пойдетъ, теперь я покоенъ... Да вы то сами ужъ не изъ Крутогорска-ли?—Да. Такъ-съ; благодатная это страна! Чай, попите, бумагу переводите! Ну, и здѣсь, прибавилъ онъ, хлопая себя по карману: молагательно, полетушечка-голубушка водится!

— Ну, разумѣется.

— Такъ-съ; безъ этого нельзя-съ. Вотъ и я тоже туда ѣду; бородашекъ этихъ, знаете, всѣхъ къ рукамъ приберемъ! Руки у меня, какъ изволите видѣть, цѣпкія, а и въ писанинѣ сказано: овцы безъ пастыря — толку не будетъ. А я вамъ истинно доложу, что тѣмъ эти бороды мнѣ любезны, что съ ними просто, безъ церемоній... Позвалъ онъ тебя, напримѣръ, на обѣдъ: ну, надоѣла борода, ну и вонъ ступай.

— По крайней мѣрѣ, имѣете-ли вы къ кому-нибудь рекомендацію въ Крутогорскъ?

— Ре-ко-мен-да-цію! А за чѣмъ, смѣю васъ спросить, мнѣ ре-

комендація? Моя рекомендація вотъ гдѣ! закрпчалъ онъ, ударяя себя по лбу;—да, здѣсь она, въ житейской моей опытности!

— Приѣду въ Крутогорскъ, явлюсь къ начальству, объясню, что мнѣ нужно .. ну-съ, и дѣло въ шляпѣ... А то еще рекомендація!.. человѣкъ! эй, водки и спать! прибавилъ онъ совершенно не ожиданно.

— Однако я не могу сообразить, на что же вы разсчитываете?

— На что? какъ на что? Да вы, батюшка, не знаете, что такое Крутогорскъ! Это, я вамъ доложу, сторона! Тамъ, знаете, кунецъ—борода безобразнѣйшая, кафтанпшка на немъ оборванный, самъ нищимъ смотреть—нѣтъ, миллионщикъ, сударь вы мой, въ саногѣ миллионы носятъ! Ну, а намъ этихъ негоціантовъ, что въ кургуzychъ тамъ инджакахъ щеголяютъ, да тенерифцомъ отдѣлываются,—даромъ не надобно! Это не по нашей части! Намъ подавай этакъ бороду, такую, знаете, бороду, что бы, какъ дагнулъ ее, такъ бы старинные эти крестовики да лобанчики изъ нея и посыпались—вотъ намъ чего надобно!... А знаете, не хватитъ-ли намъ желудочной?

Я плачу, я стра-ажду.

Когда въ 1843-мъ году Петръ Емельяновичъ сдѣлался служителемъ алтаря, онъ прекратилъ свои опыты въ области беллетристики и направилъ все свои усилія на то, чтобы стать по возможности на высотѣ своего сана. Съ этого времени онъ начинать заниматься главнымъ образомъ составленіемъ проповѣдей. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ его бумагахъ: онѣ отличаются замѣчательною живостью и теплотою. Говорятъ, что онѣ производили особенное впечатлѣніе, когда о. Петръ произносилъ ихъ въ церкви. Къ этому-же времени относятся и »маленькія бесѣды къ маленькимъ дѣтямъ,« которыя о. Петръ думалъ приготовить къ печати. Вотъ одна изъ нихъ (написана 22 декабря 1844 года):

Павлуша и Анюта, братъ и сестра, всегда вставали рано, одѣвались чистенько и молились Богу, такъ что Павлуша читалъ въ слухъ молитвы, а Анюта со вниманіемъ слушала и тихонько повторяла за нимъ, или Анюта читала, а Павлуша стоялъ и слушалъ: и это чаще случалось, что Анюта читала молитвы, потому что она была старшая и любила молиться больше, чѣмъ ея маленькій братъ.

Въ одно утро, Павлуша совсѣмъ не хотѣлъ ни читать, ни слушать молитвъ. Сколько сестра ни упрямивала маленькаго упрямца—стать и помолиться съ нею Богу, Павлуша никакъ не хотѣлъ, и все уходилъ отъ сестры, когда та брала его за ручку и вела предъ св. Образа.

Подали завтракъ. Дѣти пошли—цѣловать ручки папеньки и маменьки, и сѣли за завтракъ. Но чуть лишь хотѣлъ Павлуша взять свой стаканъ молока и булку, какъ слуга взялъ съ передъ его глазъ молоко и булку.

„Богъ не велѣлъ давать сегодня вамъ ни молока, ни булки, потому что вы не молились Ему. А вѣдь это все, что я подаю вамъ кушать,—все это Богъ даетъ; коли Богъ не далъ бы, я бъ и не принесъ сюда. Только Богъ хочетъ, чтобъ мы молились Ему, просили Его, благодарили за все, что Онъ даетъ намъ, и говорили: Слава Богу! А кто не молится Богу, тому и не дастъ Богъ ничего; вотъ, сударь, и вамъ нынче Богъ не даетъ завтрака,—значить вы не молились Ему“.

— „Я могу помолиться послѣ. Маменька! велите Якову отдать мнѣ мой завтракъ“

— „Я не приказывала ему отнять у тебя твой стаканъ и булку; и я думала, что ты и сегодня молился съ сестрою, какъ всегда. Папенька твой тоже не зналъ объ этомъ и не приказывалъ Якову снять со стола твой завтракъ. Сестра твоя также не говорила. Значить, Богъ не велѣлъ дать тебѣ нынче завтракать, и потому, какъ сказываетъ Яковъ, что ты не молился Богу. И онъ

говорить правду; если не станешь молиться Богу, то ничего никогда не получишь отъ Него.“

Павлуша сталъ плакать: „позвольте мнѣ маменька сейчасъ, здѣсь же, помолиться, попросить прошенія у Бога и у васъ..“

Онъ всталъ, подошелъ къ св. Иконѣ, громко и выразительно прочиталъ всѣ утреннія молитвы, и когда кончилъ,—папенька велѣлъ ему стать на колѣни и говоритъ: „Боже милостивый! прости меня неразумнаго за то, что я сегодня не хотѣлъ принести Тебѣ молитвъ, и даруй впредъ мнѣ быть умнѣе,—молитвъ св. никогда не оставляй. Боже! помилуй меня неразумнаго!“

Вставши, онъ цѣловалъ ручки папеньки и маменьки, и просилъ прошенія у нихъ за то, что хотѣлъ ихъ обмануть

„Насъ“—сказала мать, „т.е. папеньку да меня и сестрицу ты хоть и сможешь обмануть, но никогда не можешь обмануть Бога: Богъ все видитъ, все слышитъ...“

Завтракъ былъ поданъ Павлушѣ но—уже молоко холодное и булка черствая; потому что сегодня онъ стоялъ наказанія.

Послѣ этого Павлуша никогда уже не отказывался отъ молитвы, и часто даже за очередь читать молитвы доходило у него съ Анютою до маленькихъ споровъ, чему Анюта всегда очень радовалась, потому—что это она научила маленькаго своего брата такъ цѣнить и любить молитву.

Но, занимаясь литературой, о. Петръ, согласно своему девизу не оставлялъ и науки. Въ области ея онъ интересовался двумя предметами по преимуществу: этнографіей славянскихъ племенъ и историческими судьбами Кіева. О. Петръ былъ, кажется, первымъ по времени славистомъ въ Кіевѣ. Какъ-бы радовалось его сердце, если-бы онъ могъ предугадывать, что сынъ его, котораго онъ оставилъ, умирая, такимъ малюткой, такъ много сдѣлаетъ для ознакомленія русской публики со Славянами! Результатомъ занятій

о. Петра славянствомъ является весьма интересная статья его, напечатанная въ Москвитинѣ за 1845 годъ (ч. VI, № 12, отд. 1-е, стр. 159—187),—»Болгаре, поселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи« *).

Изъ трудовъ о. Петра, касающихся исторіи Кіева, мы знаемъ только одинъ, а именно его »Записки о Старо-Кіевской церкви св. Троицы;« онъ былъ напечатанъ много лѣтъ спустя послѣ его смерти въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1864 г. (стр. 45 и 74).

Петръ Емельяновичъ былъ человѣкъ очень слабаго здоровья. Къ 1848-му году грудная болѣзнь, которою страдалъ онъ, развилась уже на столько, что не было никакой надежды на спасеніе. Тяжело было ему разставаться съ жизнью: приходилось покидать на свѣтъ молодую жену и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.. Врачи употребляли всѣ усилія, чтобы хотя нѣсколько продлить жизнь несчастнаго, но безуспѣшно. Въ сочельникъ 1848 года о. Петръ почувствовалъ себя очень дурно. Послали за врачами, пользовавшимися его, но было уже поздно: оказалось, что конецъ неизбеженъ. Врачи толковали между собою о безнадежномъ состояніи больного на французскомъ языкѣ, думая, что Петръ Емельяновичъ, какъ священникъ, не знаетъ этого языка; но о. Петръ отлично понималъ по-французски и потому, когда врачи, прощаясь съ нимъ, сказали: »до свиданья,«

*) До сихъ поръ еще мы имѣемъ такъ мало трудовъ по Болгарской этнографіи вспомнимъ труды Каравелова, Канпца, Дозона), что эта статья о. Петра и теперь сохраняетъ свою цѣну, а потому мы перепечатываемъ ее въ Славянскомъ Ежегодникѣ, думая, что не бесполезно извлечь ее изъ стараго журнала, гдѣ ею мало кто можетъ пользоваться.

онъ замѣтилъ: «нѣтъ, господа, мнѣ не прійдется уже болѣе видѣться съ вами.» Часовъ около 7 вечера Петръ Емельяновичъ потребовалъ крестъ и положилъ его себѣ на грудь. Затѣмъ онъ прочелъ молитву. Это были его послѣднія слова. Смерть послѣдовала мгновенно. Петру Емельяновичу шелъ 30-й годъ, когда Всевышній призвалъ его къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ умерло и двое младшихъ дѣтей его; на утѣху и на поддержку матери остался одинъ старшій сынъ—Коля.

Оставшись вдовою, Варвара Андреевна впала въ крайнюю нужду и съ трудомъ перебивалась изо дня въ день. Средства къ жизни добывала она себѣ главнымъ образомъ содержаніемъ на квартирѣ воспитанниковъ духовнаго училища и семинаріи.

Выше замѣчено было, что около 1853 года усадьба о. Андрея была отчуждена въ казну. Изъ выплаченныхъ за нее денегъ часть досталась Варварѣ Андреевнѣ. На эти-то средства она купила себѣ небольшую усадьбу по Стрѣлецкой улицѣ, столь памятную всѣмъ друзьямъ и пріятелямъ покойнаго Н. П. Задерацкаго. Только благодаря тому, что не приходилось шататься по наемнымъ квартирамъ, могла она кое-какъ содержать себя и воспитывать сына.

11 августа 1856 года Николай Петровичъ поступилъ въ Кіевскую Вторую Гимназію. Съ этихъ поръ положеніе матери его нѣсколько улучшилось: она выхлопотала себѣ разрѣшеніе устроить у себя въ домѣ ученическую квартиру и при помощи ученическихъ взносовъ содержала себя и сына. Будучи въ 4-мъ классѣ, Николай Петровичъ началъ заниматься репетиціями и такимъ образомъ увеличивалъ

скудные средства къ жизни. Усиленные занятія выучиваніемъ уроковъ и репетиціями не могли однако заглушить всѣхъ порывовъ юности и въ 7-мъ классѣ молодой Задерацкій едва не сбился съ дороги: ученіе пошло плохо, обнаружилась нравственная расшатанность. Но тутъ явился на помощь нѣкто г. Л.; онъ вовремя поддержалъ даровитаго, но не сдержаннаго юношу и вновь направилъ его на путь истины. Николай Петровичъ въ своемъ дневникѣ говорить объ этомъ обстоятельстве слѣдующее:

• 1863 годъ. Генварь. Вторникъ. 1-е число. Новый годъ! Что же я такое въ этомъ новомъ году? Мнѣ кажется, такой же, какъ былъ прежде; развѣ только исправился немножко послѣ паденія въ августъ и сентябрь мѣсяцахъ. Да и пачудилъ же я въ эти мѣсяцы, даже самому вспомнить совѣстно. Я уже погибалъ тогда и если бы не нашелся одинъ доброжелатель И. И. Л., то навѣрное погибъ-бы безвозвратно; но я однакожъ не совсѣмъ еще съ испорченной нравственностью: въ семъ свидѣтельствуєтъ мое скорое исправленіе. Прошлый годъ я прокороталъ довольно удовлетворительно, но этотъ желательно бы лучше. Во мнѣ мало юношескаго, да и не отъ чего мнѣ развернуться! •

Въ іюнѣ 1863 года Николай Петровичъ кончилъ гимназическій курсъ и получилъ изъ гимназіи слѣдующій аттестатъ за № 877:

Предъявитель сего Николай Задерацкій, сынъ священника Петра Задерацкаго, вѣроисповѣданія православнаго, имѣющій отъ роду семнадцать лѣтъ, поступилъ въ Кіевскую Вторую или Губернскую Гимназію изъ дому родителей 1856 года, августа 11-го дня и во время нахожденія его въ сей гимназіи по 7-е іюня мѣ-

сяца 1863 года, при поведеніи отличномъ, обучался всѣмъ предметамъ, положеннымъ по Уставу Гимназій и Училищъ 1828 года, декабря 8 го дня. Успѣхи оказалъ въ Законѣ Божиѣмъ весьма удовлетворительные, Русскомъ и Славянскомъ языкахъ весьма удовлетвор., Русской Словесности весьма удовлетвор., въ Латинскомъ яз. удовлетворительные; въ Греческ. яз. удовлетворит., въ Нѣмецкомъ яз. весьма удовлетворит., во Французск. яз. весьма удовлетвор., въ Исторіи Всеобщей—удовлетвор., въ Исторіи Россійской—удовлетворительные, Географіи Всеобщей весьма удовлетворительные, Географіи Россійской удовлетворительные; въ Арифметикѣ весьма удовлетворительные; въ Алгебрѣ весьма удовлетвор.; въ Геометріи удовлетворит.; въ Тригонометріи весьма удовлетвор.; въ Физикѣ весьма удовлет. и въ Математической и Физич. Географіи весьма удовлетворительные. Послику же онъ, Николай Задерогскій, окончилъ курсъ ученія вообще съ удовлетворительнымъ успѣхомъ, то данъ ему сей аттестатъ отъ Педагогическаго совѣта Кіевской Второй Гимназіи, съ предоставленіемъ ему преимуществъ, изображенныхъ въ § 234 устава Гимназій и Училищъ 1828 года декабря 8-го дня, признавъ его при томъ способнымъ къ Университетскому ученію, за подлежащею подписью и съ приложеніемъ казенной печати. 12 іюня 1863 года. Г. Кіевъ.

Изъ двухъ записей въ дневникѣ видно, какъ Николай Петровичъ провелъ промежутокъ времени между гимназіей и университетомъ: 15 іюля 1863 года. Виповать и тысячу разъ виповать предъ своею личностью, что столько времени не велъ дневника, хотя были вакаціи и времени вообще было довольно; но за то теперь постараюсь затушевать сдѣланный пробѣлъ. 7-й классъ конченъ удовлетворительно и съ 31-го мая у меня начались вакаціи. 8 и 9 іюня я былъ на Куреневкѣ, гдѣ провелъ время безъ особенной пріятности. Послѣ того до 22 іюня я былъ въ Кіе-

въ и 22 выѣхалъ ... въ Юрово, гдѣ пробылъ до 11 іюля. Время прошло не очень то весело, но сытно, спокойно и беззаботно. — 16 августа. Приѣхавши въ Кіевъ, и до 6 августа былъ занятъ репетиціей.... 8 числа выѣхалъ въ Васильковъ, гдѣ пробылъ до 11 числа и провелъ время удовлетворительно. Сегодня—въ 10-мъ часу пошелъ въ Университетъ, гдѣ мы (поступающіе) писали сочиненіе. Мнѣ попалось изложеніе одной изъ поэмъ Пушкина.*

Въ августѣ 1863 года Николай Петровичъ былъ принятъ въ число студентовъ Университета св. Владиміра по историко-филологическому факультету. Ему пришлось поступить въ Университетъ въ весьма знаменательное время—тотчасъ послѣ польской смуты и введенія новаго университетскаго устава. Ректоромъ тогда былъ П. Д. Иваншевъ *). Что думалъ и дѣлалъ молодой студентъ Задерацкій въ первый годъ пребыванія своего въ Университетѣ, мы не знаемъ; но изъ бумагъ покойнаго видно, что уже со втораго года онъ сдѣлалъ славянскую филологію предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій. Кто направилъ его мысли на славянство и внушилъ ему любовь къ братьямъ-славянамъ, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ не проф. Яроцкій. Этотъ послѣдній скорѣе въ состояніи былъ отпугнуть всякаго студента отъ славянскихъ занятій, нежели привлечь къ нимъ. Правдоподобнѣе объясненіе автора некролога покойнаго въ «Кіевлянинѣ» (№ 167 за 1880 г.), который говоритъ, »что славянская дѣятельность П. П. бы-

*) См. А. В. Романовича-Славятинскаго. Жизнь и дѣятельность П. Д. Иваншова, 1876, стр. 173—199.

ла не случайна, но вытекала изъ всего склада его ума и характера. Покойный глубоко любилъ Россію и въ частности свой родной край, но его критическій умъ искалъ серьезныхъ задачъ и идеаловъ. Онъ не могъ увлечься нѣкоторыми мѣстными тенденціями, которыя казались ему слишкомъ узкими и безцѣльными; за то болѣе широкая славянская идея нашла въ покойномъ горячаго приверженца, не только на словахъ, но и на дѣлѣ.»

Во время пребыванія своего въ Университетѣ Николай Петровичъ написалъ слѣдующія работы:

- 1) Патріархъ Никонъ (на пособіе).
- 2) Чтеніе о сравнительномъ славянскомъ языкознаніи Ф. В. Челяковского. Перев. съ чешскаго.
- 3) Амосъ Коменскій по Шмидту и Раумеру (на пособіе).
- 4) Исторія чешскаго королевства Томка. Переводъ съ чешскаго.
- 5) Біографія Челяковского. Перев. изъ «Словника Научнаго».
- 6) Ам. Коменскій—Палацкаго. Перев. съ чешскаго.
- 7) Сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ Эйхгофа. Переводъ съ французскаго.
- 8) Дѣятельность важнѣйшихъ чешскихъ литераторовъ по «Словнику Научному».
- 9) Исторія чешскаго театра.

Въ 1868 году Николай Петровичъ кончилъ Университетскій курсъ. 14 іюня онъ подавъ Попечителю слѣдующее прошеніе:

Окончивъ курсъ наукъ въ Университетѣ, по славяно-русскому отдѣленію историко-филологическаго факультета, съ званіемъ дѣйствительнаго студента и правомъ получить степень кандидата, по представленіи въ срокъ удовлетворительной диссертации, я желаю поступить на службу по вѣренномъ Вашему Превосходительству округѣ. Отдѣлъ, по которому я окончилъ курсъ наукъ, можетъ служить указаніемъ предмета, могущаго быть порученнымъ мнѣ для преподаванія. Служить, по домашнимъ обстоятельствамъ, я могу только въ Кіевѣ, такъ какъ моя старая больная мать, которую ни оставлять, ни перевозить въ другое мѣсто, я не считаю себя въ правѣ, имѣть здѣсь свою небольшую ошѣдность. Другая, не менѣе важная причина, привязывающая меня къ Кіеву—желаніе продолжать спеціальныя занятія по предметамъ отдѣленія факультета, по которому я окончилъ, для чего нуженъ Университетъ.

По время шло, а мѣста Задерацкій не получалъ. Въ дневникѣ его подъ 20 октября 1868 г. записано слѣдующее:

»То, что было нѣсколько разъ предпринимаемо и потомъ бросаемо вслѣдствіе лѣни, я намѣренъ теперь съ большою противъ нрежняго твердостью не оставлять: я разумѣю дневникъ. Дневникъ будетъ довѣреннымъ неодушевленнымъ лицомъ, которому я буду повѣрять все. И такъ къ дѣлу! Здоровье физическое плоховато: капляю—особенно по ночамъ. А когда ѣздилъ 12 числа въ Бровары на перекладной, то замѣтилъ, что правый бокъ дурно всѣя себя—нечень не въ порядкѣ. Вотъ—причина моей раздражительности, за которую почасъ краснѣешь. Раздраженія подбавляютъ еще и другія причины: безденежье, неполученіе до сихъ поръ мѣста, отсутствіе вслѣдствіе этого всякой возможности развлечься. Дни мои теперь крайне схожи другъ съ другомъ: съ утра за перепиской дис-

сертациі, отъ часу до двухъ гуляю, послѣ обѣда отъ 3 до 4-хъ тоже, затѣмъ читаю въ публичной библіотекѣ, вечеромъ дома читаю—не долго впрочемъ. Съ 12 октября явилась нѣкоторая перемѣна: посѣщаю уроки латинскаго яз. въ обѣихъ гимназіяхъ; слушалъ Сѣнинскаго, Иванова, Чернявскаго, Гонфа, Шульженка. Но отъ слушанья не легче. Драгомановъ звалъ къ себѣ, чтобы посоветовать поступать въ стипендіаты по славянскоіи филологіи. Боюсь: здоровье, незнаніе нѣмецкаго языка, отсутствіе пособій и, особливо, руководители на первый разъ и, въ концѣ концовъ, малая субсидія. Благо-бы еслибъ дали мѣсто учителя въ Кіевѣ. Хоть-бы сколько-нибудь пожить по-людски. Сегодня съ утра даже курить было нечего и я послѣ церкви заходилъ зайти къ П. Заемъ совершила маменька у Г и я въ часъ курилъ уже. Въ 6 ч. былъ у Р. Скука. На пробномъ урокѣ, который былъ 12 октября, меня страшно озлобилъ доцентъ Скворцовъ (по философін) своими замѣчаніями во время самой процедуры. Можетъ быть, я былъ и не правъ, но все не нужно было такъ поступать человѣку, сколько нибудь порядочному. Вся эта штука больно отозвалась на мнѣ.»

Окончивши диссертацию подъ заглавіемъ: »Русь Галицкая до 1386 года« и получивши степень кандидата, Николай Петровичъ подалъ въ факультетъ прошеніе слѣдующаго содержанія:

Со втораго года пребыванія моего въ Университетѣ я избралъ предметомъ моихъ спеціальныхъ занятій отдѣлъ славяно-русской филологіи, и желаю не оставлять ихъ. Разсчитывал не обременять У—тъ затратой денегъ мнѣ на субсидію, я искалъ получить мѣсто по М. И. Пр., но именно—въ Кіевѣ, чтобы имѣть

возможность пользоваться библиотекой и руководством специалистов Университета. Это мнѣ не удалось. И я поставленъ въ необходимость утруждать факультетъ просьбой о приѣмѣ меня въ стипендіаты по отдѣлу славяно-русской филологіи. Если ф—тъ не найдетъ возможнымъ назначить мнѣ пособія по неизвѣстной вакантной стипендіи, то я имѣю честь покорнѣйше просить предоставить мнѣ хотя права стипендіата, безъ субсидіи.

Неизвѣстно, данъ-ли былъ ходъ этому прошенію; вѣроятно же, что нѣтъ, потому что Николай Петровичъ продолжалъ хлопотать о мѣстѣ и 23 августа 1869 онъ былъ опредѣленъ «учителемъ параллельныхъ классовъ Кіевской 2-й Гимназіи для преподаванія латинскаго языка.» Въ этой должности покойный оставался до самой своей смерти въ теченіе 11 лѣтъ. Во все время своей службы при гимназіи онъ не покидалъ мысли проникнуть когда-нибудь въ качества преподавателя въ высшее учебное заведеніе; но ему не суждено было достигнуть этой цѣли: 7 февраля 1871 года Николай Петровичъ представилъ въ Кіевскую Духовную Академію свою кандидатскую диссертацию въ исправленномъ и дополненномъ видѣ—для полученія званія приватъ-доцента, но 16 апрѣля того-же года Академія увѣдомила его, что диссертация не признана удовлетворяющей требованіямъ; для полученія званія приватъ-доцента въ Университетѣ покойный много лѣтъ подготавлилъ сочиненіе «Народные праздники у Славянъ,» но оно такъ и осталось не оконченнымъ. Такъ часто бываетъ у насъ на Руси: есть у человѣка и способности и трудолюбіе, могъ-бы онъ много сдѣлать для отечественной науки и въ качествѣ писателя и въ качествѣ профессора, а между тѣмъ жизнь складывается столь неблагоприятно, что всѣ силы уходятъ на борь-

бу за существованіе и результаты ученой дѣятельности являются далеко не такими значительными, какими они могли-бы оказаться при лучшихъ условіяхъ жизни.

Что касается собственно Николая Петровича, то мало кому изъ учителей удастся сдѣлать столько для науки, сколько сдѣлалъ онъ. Авторъ некролога покойнаго въ »Кіевлянинѣ« справедливо говоритъ, что »добросовѣстно исполняемыя учительскія обязанности не поглотили всѣхъ его силъ. Отличаясь выдающимся трудолюбіемъ и не отвлекаемый семейными обязанностями (покойный не былъ женатъ), онъ находилъ свободное время для ученыхъ и литературныхъ занятій. Николай Петровичъ былъ дѣятельнымъ членомъ историческаго общества Лѣтописца Нестора, въ которомъ не разъ выступалъ со своими докладами и постоянно работалъ въ »Кіевлянинѣ« по различнымъ отдѣламъ; по наибольше времени и труда онъ посвятилъ славянскому дѣлу... Избранный секретаремъ Кіевского отдѣленія славянскаго комитета, а затѣмъ славянскаго благотворительнаго общества, Николай Петровичъ не мало потрудился для славянскаго дѣла и былъ главной рабочей силой въ знаменательный періодъ, пережитый Кіевомъ вмѣстѣ съ остальной Россіей передъ восточной войной. Но дѣятельность Николая Петровича не ограничилась секретарскими его обязанностями, въ то время весьма хлопотливыми. Исходя изъ той мысли, что прочный союзъ западнаго славянства съ Россіей не можетъ быть достигнутъ одними матеріальными пожертвованіями, какъ бы велики они ни были; что для блага всего славянства необходимо закрѣпить этотъ союзъ постояннымъ духовнымъ общеніемъ, Николай Петровичъ приня-

ся въ 1876 г. за изданіе «Славянскаго Ежегодника.»—Настоящимъ *пятымъ* выпускомъ «Ежегодника» мы продолжаемъ по мѣрѣ силъ своихъ дѣло, начатое покойнымъ...

До начала изданія «Ежегодниковъ» Николай Петровичъ выпустилъ слѣдующіе труды:

- 1) Палацкій. Очеркъ исторіи Чешскаго народа.
- 2) Косово поле. Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сербіи турками П. Хохолушка.
- 3) Іосифъ Юнгманъ. Очеркъ изъ исторіи Чешской литературы XIX в.
- 4) Павелъ І. Шафарикъ. Очеркъ изъ исторіи Чешской литературы XIX в.
- 5) Воцель Я. Э. Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности.

Чтобы закончить настоящій коротенькій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго П. П. Задерацкаго, необходимо упомянуть еще, что для ближайшаго ознакомленія со Славянами и для установленія сношеній съ нѣкоторыми представителями у нихъ науки и литературы, онъ нѣсколько разъ, пользуясь ваканціями, ѣздилъ въ австрійскія славянскія земли.

Въ заключеніе приводимъ рѣчи, сказанныя на могилѣ покойнаго близко стоявшими къ нему лицами и прекрасно его характеризующія. (См. Кіевлянинъ, 1880, № 168).

Рѣчи надъ гробомъ Николая Петровича Задерацкаго.

Во время отпѣванія тѣла покойнаго Николая Петровича въ Стрѣтенской церкви, которое совершали соборно четыре священ-

ника, было произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ мы приводимъ сущность. Первымъ говорилъ А. И. Линниченко, обрисовавшій покойнаго, какъ человѣка и педагога. Вотъ что между прочимъ было сказано имъ:

„Если смерть старца, пропедшаго всѣ стадіи земной жизни, совершившаго все, что было возможно для дарованныхъ ему Провидѣніемъ талантовъ, вызываетъ слезы и скорби, то какъ по скорбѣти и не плакать при видѣ смерти, только что вступившаго въ полную зрѣлость, благороднаго, честнаго, надѣленнаго благими дарами духа, неутомимаго, полнаго энергіи и ревности труженника на поприщѣ скромномъ, но слишкомъ дорогомъ и высокомъ для всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить значеніе людей, полагающихъ основы умственнаго и нравственнаго образованія нашего юношества!.. Да, тяжела утрата, въ особенности для того заведенія, которому посвящены были силы усопшаго!.. Она не менѣе тяжела для насъ, связанныхъ съ усопшимъ многими нитями духовнаго родства. Вторая гимназія намъ родная: она дала и намъ образованіе. Усопшій былъ нашимъ ученикомъ, а потомъ сослуживцемъ и по одной изъ кievскихъ женскихъ гимназій, и по славянскому благотворительному обществу; онъ наконецъ нашъ согражданинъ-кievлянинъ по рожденію! И если грустно провожать въ могилу своихъ наставниковъ, то еще печальнѣе напутствовать въ вѣчность нашихъ учениковъ, въ особенности такихъ, какимъ былъ покоиційся въ этомъ гробѣ!..

Ни знатность рода, ни высокій санъ, ни почести или богатство не отличали тебя, усопшій. братъ о Христѣ, братъ по роднящей насъ наукѣ и по общности служенія ближнимъ!!! Что же привлекло къ твоему гробу столь многихъ, стремящихся со слезами отдать тебѣ послѣдній долгъ, сказать послѣднее на землѣ *прости?!..* Твое сердце, доброе, чистое сердце, твоя душа благородная, исполненная честныхъ стремленій къ благу ближняго, твоя христіанская человѣчность, всегда готовая съ рѣдкимъ безкорыстнымъ усердіемъ дѣлательно отозваться на всякое святое, доброе и прекрасное дѣло для пользы ближняго. Кто изъ окружаю-

щихъ твой гробъ не знаетъ, сколько обязаны твоему усердію, твоему дѣятельному участию многіи дѣла благотворенія и въ скромной средѣ твоего служенія—въ образованіи разныхъ стипендій, въ вспоможеніи недостаточнымъ питомцамъ того заведенія, которому посвящены были твои умственныя силы и твои знанія, и въ дѣлѣ общественной благотворительности братьямъ-славянамъ!“

Въ концѣ своего слова А. И. Линниченко указалъ на отношенія покойнаго къ матери, съ которой его связывала безпредѣльная сыновняя любовь.

С. И. Бехъ, сослуживецъ Н. П. Задерацкаго, посвятилъ свое слово педагогической дѣятельности покойнаго и его отношеніямъ къ товарищамъ по службѣ:

„Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду смерть покидаетъ кого нибудь изъ членовъ кievской 2-й гимназiи. И теперь мы собрались для совершенія послѣдняго прощальнаго обряда надъ преждевременно покинутымъ смертію товарищемъ нашимъ, преподавателемъ кievской 2-й гимназiи, Николаемъ Петровичемъ Задерацкимъ.

Чѣмъ же облегчимъ мы наши встревоженные скорбью души? Воспоминаніе о томъ добромъ, что ты сдѣлалъ, какъ преподаватель, какъ товарищъ и какъ человѣкъ, изображеніе симпатичныхъ качествъ твоей души—вотъ лучшее наше утѣшеніе въ эти прощальныя, со скорбью переживаемыя нами минуты.

Въ своемъ слабомъ тѣлѣ ты носилъ душу, всегда чутко отзывавшуюся на все честное, высокое, благородное. Эти отличительныя качества твоей души прежде всего проявлялись въ твоей служебной дѣятельности въ качествахъ преподавателя и воспитателя юношества и приобрѣли тебѣ, въ теченіе твоей болѣе чѣмъ 10-ти лѣтней учительской дѣятельности въ одномъ и томъ же заведеніи репутацію не только честнаго, добросовѣстнаго и знающаго свое дѣло учителя, но и друга воспитывающагося юношества. Эта дѣятельность твои была, такъ сказать, постояннымъ и нагляднымъ доказательствомъ той идеи, что серьезное отношеніе къ дѣлу преподаванія не только не идетъ въ разрѣзъ, но необходимо должно

соединяться съ гуманностію и мягкостію отношенія къ воспитанникамъ, даже въ тѣхъ классахъ, гдѣ дисциплинарная строгость, повидимому, должна бы быть необходимою принадлежностію преподавателя. Всеобщая и самая искренняя любовь воспитанниковъ къ Н. П. не только какъ къ хорошему преподавателю, но и какъ къ доброму, ласковому и внимательному къ нуждамъ дѣтей чело-вѣку, была вполнѣ заслуженнымъ съ ихъ стороны отвѣтомъ на такое отношеніе твое къ дѣлу обученія и воспитанія.

Мягкость и деликатность, стремленіе относиться съ полнымъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, хотя бы оно было и несогласно съ твоимъ, и наконецъ, свойственная тебѣ общительность, умѣнье поддерживать и оживить разговоръ, придать ему серьезное направ-леніе, сдѣлать его интереснымъ, были твоими отличительными чертами въ твоихъ сношеніяхъ съ товарищами по службѣ. Очень естественно, что ты всегда былъ въ товарищескомъ кружкѣ гимназій однимъ изъ самыхъ любимыхъ и желанныхъ его членовъ, и такія отношенія къ тебѣ товарищей не нарушались даже въ томъ случаѣ, когда ты, расходясь въ чемъ-нибудь съ мнѣніями ихъ, въ то же время считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ по-стоять за свое мнѣніе и отстаивать его.

Какъ истинный патріотъ, ты считалъ честное и добросовѣст-ное служеніе русскому народу на избранномъ тобою, хотя и скромномъ, но безспорно важномъ общественномъ поприщѣ, самую первую и самую священную для себя обязанностію, по вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей общественной дѣятельности ты руководился и дру-гимъ не менѣе высокимъ убѣжденіемъ, что русскій чело-вѣкъ, слу-жа своему народу и отечеству, въ то же время можетъ и долженъ удѣлять вѣдѣстную долю своего труда на пользу своихъ едино-племенниковъ: служа Россіи, ты въ то же время считалъ своею обязанностію служить и славянству. Мы не будемъ касаться твоей дѣятельности на этомъ послѣднемъ поприщѣ; скажемъ только то, что однимъ изъ самыхъ полезныхъ членовъ *киевского славянскаго благодѣлительнаго общества*, а вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ са-мыхъ видныхъ въ городѣ Кіевѣ и извѣстныхъ въ славянскомъ мірѣ

дѣятелей на пользу славянства былъ учитель гимназій, Н. П. За-
дѣрацкій.

Трудясь по мѣрѣ своихъ силъ, какъ русскій гражданинъ, для
дѣла воспитанія русскаго юношества; трудясь, какъ славянинъ,
для дѣла славянства, ты не любилъ говорить не только о своихъ
заслугахъ, но и о трудахъ своихъ, а тѣмъ болѣе величаться ими.
Скромность была одной изъ отличительныхъ чертъ твоего харак-
тера, скромность, благодаря которой многое, что должно бы быть
замѣчено и по достоинству оцѣнено, остается до сихъ поръ не
только не оцѣненнымъ, но и незамѣченнымъ.“

Затѣмъ ученикъ покойнаго В. В. Патапѣевъ обрисовалъ от-
ношеніе покойнаго къ своимъ ученикамъ, у которыхъ онъ вызы-
валъ глубокое уваженіе и искреннюю признательность. Вспоминая
доброту Николая Петровича, его мягкость и задумчивость обращенія,
его искреннюю, вызывающую дѣтское довѣріе рѣчь, г. Патапѣевъ
сказалъ: „Николай Петровичъ искренно любилъ своихъ учениковъ,
въ школѣ онъ хотѣлъ видѣть идеалъ семьи, идеалъ, оживленный
и согрѣтый горячей привязанностью къ Н. П. его матери“. Гово-
ря далѣе, что ученикамъ 2-й гимназій не забыть живаго и прав-
диваго слова честнаго труженика, хорошаго учителя и добраго
человѣка, г. Патапѣевъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими слова-
ми: „Ты такъ горячо любилъ насъ, твоихъ учениковъ, ты было
такъ трудолюбивъ, такъ правдивъ, такъ строгъ къ самому себѣ,
ты, наконецъ, такъ мало жилъ и такъ много страдалъ, что твое
мѣсто въ лучшемъ, болѣе свѣтломъ мірѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ земной
юдоли и скорби. Прощай, дорогой учитель!“

А. Ѳ. Андріашевъ очертилъ дѣятельность покойнаго по сла-
вянскому дѣлу.

Съ юныхъ лѣтъ онъ, проникнувшись любовью къ многостра-
дальному славянскому народу, всю свою жизнь положилъ на слу-
женіе славянству. Съ университетской скамьи онъ начинается свою
неустанную работу. Мы живо помнимъ то время, когда Николай
Петровичъ, еще молодымъ студентомъ, пришелъ къ намъ съ сво-

имъ первымъ трудомъ по славяновѣдѣнію. Живо припоминаемъ, съ какимъ воодушевленіемъ говорилъ онъ о своемъ трудѣ, какъ любовь къ своему предмету свѣтилась въ его глазахъ. И это было, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ Кіевѣ идея славянской взаимности мерцала отдаленной звѣздочкой, звѣздочкой то сверкавшей, то скрывавшейся въ темномъ облакѣ будущаго, привлекая къ себѣ немногихъ дѣятелей; когда мы знали о славянскомъ вопросе кое-что изъ отрывочной исторіи московскаго славянофильства, и когда о практическомъ приложеніи любви къ славянству не было и рѣчи. И въ это-то время нашъ дорогой сотрудникъ выступаетъ на поприще славяновѣдѣнія. Почти одиноко и безвѣстно, въ тиши кабинета трудится онъ надъ переводами на русскій языкъ славянскихъ авторовъ и работаетъ для славянской идеи.

Но скоро настала иная пора! На долю Николая Петровича выпала болѣе широкая роль. На его глазахъ занялась заря гражданской свободы на востокъ и скоро заблестала лучезарной надеждой. Встрепенулись вѣковые узники на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ одинъ человѣкъ, подъ руководствомъ своего Державнаго Вождя-Освободителя, русскій народъ сталъ за угнетенныхъ братьевъ. Въ это знаменательное время Николай Петровичъ, кабинетный работникъ идеи славянства, ощутилъ въ своей родной сферѣ, сталъ можно сказать въ центрѣ славянскаго движенія въ Кіевѣ; онъ радовался, что настала пора—воплотить давно желанные идеалы. Еще до борьбы за славянскую свободу, онъ принимаетъ на себя должность секретари кіевского отдѣла московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. И нужно было видѣть его въ это время, нужно было посмотрѣть на его оживленные, энергическіе черты, когда онъ вышелъ на поприще практической дѣятельности, когда явился онъ служить дѣлу славянства въ должности сначала предъ войною секретари кіевского отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, а затѣмъ во время самой борьбы, въ должности секретари славянскаго благотворительнаго общества. Не щадя своего слабаго здоровья, онъ предался практической дѣятельности по множеству дѣлъ, возникшихъ въ это бурное время.

Высылка добровольцевъ, пріютъ бѣглецовъ, пособіе черногорцамъ, все это дѣлалось при его живомъ участіи. Но и въ пору самой кипучей дѣятельности, неустанно продолжалъ онъ работать въ области научной. Предпринималъ поѣздки для изученія славянскихъ нарѣчій, изучалъ славянскія литературы, завязывалъ сношенія съ представителями славянской науки, и въ то же время выступилъ въ Кіевѣ первымъ дѣятелемъ специальной славянской литературы, предпринявъ изданіе періодическаго труда—„Славянскаго Ежегодника,“ для ознакомленія русской публики со славянствомъ. Здѣсь не мѣсто и не время перечислять всѣ труды, останавливаться надъ оцѣнкою заслугъ усопшаго. Будущіе труженики славянскаго дѣла выяснятъ значеніе его плодотворной дѣятельности. Скажемъ только: труды усопшаго были велики, но еще больше его заслуга, что посвятилъ онъ себя безраздѣльно святому дѣлу братской любви. Смерть вырвала изъ среды нашей этого честнаго дѣятеля, такъ сказать, на полпути; но духъ его останется жить съ нами. Онъ оставилъ намъ живой загѣтъ любви ко всему славянству. У скорбнаго гроба, въ эту тяжелую минуту разлуки на вѣки, мы имѣемъ единственное утѣшеніе въ сознаніи, что идея, которой такъ беззавѣтно былъ преданъ усопшій, никогда не умретъ. Живъ Богъ, жива душа наша. Да живетъ-же идея славянской взаимности, это древо жизни славянства, да живетъ на славу могучей славянской народности, могучей славянской любви.“

При опущеніи гроба въ могилу товарищъ Николай Петровича по гимназін и университету, И. М. Хижняковъ въ задуманныхъ словахъ указалъ на то, что покойный съ первыхъ-же классовъ гимназій самъ содержалъ не только себя, но и мать. Но notwithstanding, чрезвычайная работа не сдѣлала его нечеловѣкомъ и озлобленнымъ челоуѣкомъ, а напротивъ, Николай Петровичъ былъ въ высшей степени общителенъ и горячо интересовался вопросами общественными. Ораторъ съ слезами въ голосъ закончилъ свою рѣчь изображеніемъ глубокой симпатичности и рѣдкой честности и правдивости покойнаго.

При опущеніи гроба—въ могилу было положено множество вѣнковъ и цвѣтовъ.

Послѣднимъ говорилъ во второй разъ В. В. Патаѣвъ. Бросая въ могилу горсть земли, онъ между прочимъ сказалъ:

„Мнѣ приходятъ на память слова поэта: „довольно; о жизни поконченъ вопросъ. Мы слышали отъ нѣсколькихъ людей правдивую характеристику Николая Петровича. Онъ былъ намъ дорогъ, какъ человекъ труда, человекъ идеи, живаго и честнаго слова. Онъ былъ намъ дорогъ потому, что всѣми своими духовными интересами онъ принадлежалъ намъ. Неужели же мы не позаботимся о тѣхъ, кто былъ дорогъ ему, о тѣхъ, кому онъ не могъ удѣлить своей энергіи, своего труда, потраченныхъ имъ на пользу общественную? Мы вѣримъ въ духовную и нравственную связь окружающихъ эту могилу съ опущеннымъ въ нее; мы вѣримъ, что мысль позаботиться о томъ, что было дорого Николаю Петровичу не намъ однимъ пришла въ голову, а всѣмъ друзьямъ покойнаго.“

І. ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЙ.

ГОРНЫЕ РАВНИНЫ

Алоиса Приска; перев. съ чешскаго А. Степановича

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемые чешскіе рассказы должны, по мнѣнію переводчика, послужить болѣе живому и, такъ сказать, непосредственному ознакомленію русскаго общества съ бытомъ и нравами того слоя чешской народности, который еще не очень тронуть внимательствомъ нѣмецкаго элемента и болѣе или менѣе можетъ служить интереснымъ предметомъ наблюденія для всякаго славянина особенно важнымъ для русскаго въ частности. Намъ такъ нужно, настоятельно нужно скорое и дѣйствительное знакомство съ родственными намъ племенами, что всякая попытка содѣйствовать такому знакомству не можетъ быть названа лишней. Намъ всегда казалось, что ознакомленіе русскаго общества съ славянами можетъ быть сдѣлано гораздо дѣйствительнѣе и цѣлесообразнѣе путемъ художественнаго изображенія жизни, нежели путемъ ученыхъ изслѣдованій и изложеній, мало интересныхъ и не всегда доступныхъ для нашей публики вообще. Эта мысль и побудила насъ предпринять переводъ нѣсколькихъ новѣйшихъ чешскихъ новѣстей, знакомящихъ съ бытомъ сырой чешской массы. Ничего осо-

бенно выдающагося, поразительнаго читатель въ нихъ не иѣдетъ, равно какъ и явленій, болѣзненно увлекающихъ фантазію или съ другой стороны охватывающихъ широкіе интересы просвѣщенія и цивилизованной борьбы; но за то сѣренъкая простота дѣйствительности средняго чешскаго гражданина, его помыслы, стремленія и идеалы изображены довольно рельефно и бросаютъ достаточно свѣта на умственную и нравственную фязіономію чешской массы. Рядъ новѣстей, удачно изображающихъ бытѣзную жизнь чеховъ, могъ бы, если и не въ подлинникѣ, то хоть въ переводѣ, показывать намъ пылѣннхъ чеховъ, какъ они есть, безъ идеализаціи и прикрасъ, перѣдко сквознищихъ въ ученыхъ работахъ людей, связанныхъ личнымъ симпатіямъ съ разными представителями чешскаго общества и увлекаемыхъ страстною любовью къ славянамъ. Намъ теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, слѣдуетъ остерегаться отъ увлеченій, за которыя обыкновенно приходится горько расплачиваться. Вотъ почему намъ болѣе всего теперь необходимо возможно широкое распространеніе въ нашей публикѣ знакомства съ Чехами, Сербами, Волгарами и пр., а это удобнѣе всего можетъ быть достигнуто путемъ ознакомленія ея съ художественно-реальной литературой этихъ племенъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что даже такое скромное желаніе у насъ довольно затруднительно, за недостаточнымъ (къ стыду нашему!) количествомъ людей, хотя бы теоретически знакомыхъ съ славянскими нарѣчіямъ. Правда, они изучаются у насъ на филологическихъ факультетахъ, но лишь студентами славянскаго отдѣленія, обыкновенно очень малочисленными; да и изъ нихъ лишь немногіе посвящаютъ себя *спеціально* славяновѣдѣнію. Изъ этого можно видѣть, что у насъ въ людяхъ ощущается недостатокъ даже въ этой области знанія. Но все таки, на обязанности и этихъ не многихъ у насъ славяновѣдовъ лежитъ—не только заниматься разными вопросами грамматики, древностей и пр., но и переносить на родную почву лучшія поэтическія и художественно-реальныя произведенія славянскихъ литературъ, гдѣ вѣрное изображеніе дѣйствительности и типовъ народныхъ можетъ сослужить хорошую службу обществу.

Руководствуясь этой же обязанностью, приносимъ и мы въ сокровищницу родной литературы свою ленту—съ пламеннымъ желаніемъ быть полезнымъ въ дѣлѣ сближенія русскаго общества со славянами. Если позволятъ время и обстоятельства, мы надѣемся продолжать нашъ трудъ и не только въ области чешской литературы, но и въ области другихъ славянскихъ литературъ, напр. сербской.

Что касается перевода, то мы старались по возможности сочетать требованія правильности и чистоты русской рѣчи съ особенностями и характернымъ типомъ чешской. Вотъ почему рассказы въ нашемъ переводѣ покажутся, быть можетъ, русскому читателю не всегда гладкими. Заранѣе просимъ снисхожденія просвѣщенной публики, сознавая, что трудъ—далеко не вездѣ соответствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы сами поставили.

ПРУТОВСКІЙ.

Около третьяго часа по полуночи у Прутовскаго выскользнулъ пѣзъ рукъ бокалъ, и упала на руки отяжелѣвшая голова. Онъ уснулъ. Когда онъ проснулся, лампочка, мерцавшая надъ нимъ на потолокъ, погасла. Комната была пуста, и въ ней царилъ полнѣйшій беспорядокъ. На столѣ передъ нашимъ героемъ стояли и лежали пустые стаканы; стулья, словно подививши, опирались о столъ. На грязномъ полу еще не засохъ разлитый напитокъ. Душный воздухъ сбиралъ грудь нашего героя; волосы его были всклокочены, глаза покраснѣли, на лбу были видны красивые рубцы — слѣдствіе снанья на рукахъ.

— „Эй, хозяинъ!“ вскрикнулъ онъ вдругъ, стукнуть стаканомъ о столъ.

Черезъ минуту вошелъ полуодѣтый трактирщикъ.

— „Желаете затракаты? Прійдется повременить: жена только растапливаетъ печь.“

Прутовскій выругался. — „Пуншу дай, да покрѣпче!“

— „Сейчасъ, сейчасъ“, пробормоталъ трактирщикъ и вошелъ въ комнату отворить окно.

Запустивши руки въ волосы, Прутовскій вилло смотрѣлъ на столъ. Небольшаго роста, брюнетъ, онъ былъ одѣтъ очень неряшливо; рубаха около шеи была разстегнута.

Въ комнатѣ было тихо. Только въ сосѣднемъ покоѣ раздавался трескъ лопавшихъ сучьевъ и огня, и слышались — неясный

разговоръ хозяйши и распоряженія его жены. Черезъ открытое окно проникалъ въ душную комнату колеблющійся лучъ весенняго солнца, рисуя золотыя черты на грязномъ полу. Прохладный ранній воздухъ обвѣвалъ горячее тѣло Прутовскаго. Его глаза были теперь устремлены на темный сумрачный лѣсокъ, таившійся по небольшой отлогости вблизи гостиницы. Недалеко блестя рѣка, подобно серебру, разлитому между темными, все еще безлиственными ольхами и красноватой лозой вербы, которую прежде всего пробудила весна отъ зимняго сна.

Около Прутовскаго раздались нѣжныя дѣтскія пріятныя дѣтскихъ голосковъ:

„Несу вамъ вѣтку
Изъ зеленого лѣсу;
Гдѣ ее видѣла,
Ножичкомъ рѣзала,
И это на память
О садѣ Геосимаѣн,
Гдѣ Христосъ потѣлъ
За наше спасеніе.“

Въ дверяхъ стояли двѣ дѣвочки, вертѣвшія «литомъ», т. е. верхушкой молодого елового деревца, обернутой разноцвѣтными лентами.

Старшая, лѣтъ шести, была въ свѣтломъ, а младшая, лѣтъ пяти,—въ розовомъ ситцевомъ платьицѣ съ приколотыми густо цвѣтами. Яркій свѣтъ падалъ на ихъ полныя дѣтскія личика, на чистые бѣлые лобки, подъ которыми такъ и бѣгали быстрые глазки.

Пѣсня кончилась. Дѣвочки ждали даянія, для чего еще дома цвѣязали имъ на лѣвыя руки по узелку. Прутовскій стоялъ нѣсколько времени молча и неподвижно; наконецъ, проведши правой рукой по лбу, пробормоталъ: «ага, «литовница»; нынче зеленая педѣля. Гимъ—а я и забылъ. Вотъ,

возьмите.“ Съ этими словами онъ далъ каждой по серебряной монетѣ. Дѣвочки удивленно палили глаза на щедрый подарокъ.

— „Да награди́тъ васъ Богъ!“ закричала старшая, а за ней испскливымъ голосомъ и младшая ся подруга; затѣмъ онѣ бросились вонъ.

Тутъ вошелъ въ комнату трактирщикъ съ дымящимся напиткомъ въ рукѣ. Прутовскій поднялъ высоко стаканъ и важно выпилъ его. Между тѣмъ изоры трактирщика устремлены были въ открытое окно, предъ которымъ маленькія „лптовницы“ остановились, показывая другъ другу и сравнивая съ радостными личками щедрый даръ.

— „Знаете ли вы ихъ?“ спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени Прутовскаго, и его широкій ротъ раскрылся для удивительнаго смѣха.

— „Кого?“

— „Вотъ эту маленькую дѣвочку въ розовомъ платьицѣ—“

— „Э, какое мнѣ дѣло до щенка!“

— „Вотъ прекрасный отецъ—не знаетъ своей дочери.“ Прутовскій выпалилъ на него глаза.

— „Вѣдь вы еще, конечно, помните Барушку. Видите, какая у васъ славная, пригожая дочка! Дали ли вы приличный подарокъ? Барушка, какъ можетъ, печется о ней и могла бы уже дважды выйти замужъ, но не идетъ—ради этого ребенка.“

Прутовскій не сказалъ ничего. Задумчиво смотрѣлъ онъ чрезъ окно въ кусты, между которыми мелькали еще бѣлое и розовое платьица. Изъ селенія донесся протяжный звонъ колокола, призывающій къ ранней службѣ. Словно пробудившись отъ сна, вздохнулъ Прутовскій и потянулся къ пуншу. Онъ опорожнялъ стаканъ за стаканомъ. Лицо и шея его побагровѣли, глаза блистали дивнымъ огнемъ. Скоро разнеслось по селенію, что Прутовскій опять загулялъ, не смотря на зеленую недѣлю. Пріятель его не одобрялъ этого, но все же сошелся къ нему и не преминули вы-

нить на его счетъ, послушать его брани и военныхъ разсказовъ. Трактирщикъ наливалъ усердно, но выѣстъ увеличивалъ и счетъ на черной доскѣ многочисленными значками. Влетѣла птчка въ клѣтку—слѣдуетъ ее порядочно ошипать. Не онъ сдѣлаетъ, такъ другой! Вѣдь и безъ того никто уже не исправитъ Прутовскаго. Такъ ужъ ему, вѣрно, суждено; отъ роду не было въ немъ доброй жилки! Имѣлъ прекрасное наслѣдство, могъ жениться на богатой. И не только не устерегъ ничего этого, но еще и бѣдную дѣвушку, Барушку, сдѣлалъ несчастной. Покойный отецъ ея выгналъ ее изъ дому; много вытерпѣла она за свою любовь. Обольститель ея отправился на войну. Понадобились ему деньги—онъ продалъ домъ и поле, оставилъ лишь незначительную часть; но и ее спустилъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ возвратился домой. Теперѣ онъ кутить два дня и двѣ ночи, а на третій день, прежде чѣмъ зайдетъ солнце, онъ не будетъ имѣть ни денегъ, ни пріятелей. О Барушкѣ онъ и не вспоминалъ...

Трактирщикъ хорошо зналъ, сколько онъ можетъ еще налить Прутовскому. Когда зазвенѣла на столѣ послѣдняя серебряная конета, онъ прехладнокровно объявлялъ гулякѣ, что болѣе не намѣренъ отпускать пуншу, что онъ, Прутовскій, допилъ уже послѣдній стаканъ. Прутовскій разсвирѣбѣлъ и бросился на трактирщика. Пріятели гуляки также пзмѣнили свою тактику съ перемѣною обстоятельствъ: они приняли сторону хозяина. Произошла драка, и послѣ короткой веровой борьбы Прутовскій очутился предъ трактиромъ и стиралъ рукою кровь струившуюся по лицу. Съ громкими проклятіями онъ чрезъ нѣсколько времени невѣрными шагами убрался оттуда. Безсознательно, перейдя дорогу, онъ направился прямо къ водѣ находившейся вблизи рѣки, и на одномъ пригоркѣ упалъ на землю. Весенняя вода шумомъ быстрого теченія звучала ему колыбельной пѣсней, а безпестые кусты закрывали его лицо. Ротъ былъ полуоткрытъ, и на немъ запеклась кровь; изъ груди подымалось тяжелое дыханіе. Долго спалъ герой нашъ.

Рѣка все болѣе и болѣе шумѣла у него подъ ногами, и отъ

ярости ея бушеванія пробудился Прутовскій. Выняливъ глаза, смѣтрѣлъ онъ оцепенѣлымъ взоромъ впередъ. Онъ слышалъ неясный гулъ, видѣлъ темное небо. Онъ думалъ, что это сумерки. Сѣлъ и началъ протирать глаза. Но нѣтъ—это не сумерки: небо заволокло темнымъ, тяжелымъ млящемъ и грозило бурей. Вотъ—вотъ начнется ливень... А тутъ подъ ноги лѣзетъ мутная волна. „Половодье!“—Промелькнуло въ умѣ Прутовскаго.

Увеличенная горными водами, рѣка выступила уже изъ береговъ. Быстро поднявшись, Прутовскій избрался на самый верхъ холма и осмотрѣлся кругомъ. Вотъ вербы и ольхи, стояція на берегу рѣки, уже находятся въ водѣ; вотъ вода затопила уже садъ по той сторонѣ рѣки. Внизу холма несется могучій потокъ и куда ни посмотри, волны его сливаются съ буйными водами рѣки. Вотъ за потокомъ бѣлѣтъ на возвышеніи хижинка а за ней косогоръ, поросшій лѣсомъ, и надъ нимъ выдается огромная туча и точно съ угрозой наклоняется надъ долиной. Тихо; нигдѣ и слѣда человѣка. Уже холмъ окруженъ водой. Досадная ночь—и быть посреди воды!... А что, если вода подымется выше? Гмъ .

Но что это? Подъ кустомъ въ рѣдкой травкѣ лежитъ дремлющее дитя. На немъ розовое ситцевое платьице; свѣтлые полосы заплетены въ маленькія коски, и платокъ сползъ съ нихъ. Тутъ-же лежитъ узелокъ, изъ котораго выглядываютъ куски булокъ и пряниковъ—все дары „литованья“. Въ правой ручкѣ букетъ раннихъ бѣлыхъ подснежниковъ, собранныхъ ребенкомъ на лугу.

Но вѣдь это—его дитя! И какъ это оно усмѣхается! Невольно Прутовскій палъ на колѣни и засмотрѣлся на спящую дѣвочку. Предъ его глазами промелькнуло бѣлое строеніе между темными ольхами, смѣющееся дѣвичье лицо—воспоминаніе о добромъ старомъ времени. Онъ почувствовалъ въ груди первые уколы, но болѣзненные. Вросился было облобызать дитя, но вдругъ повѣявъ вѣтерокъ въ сторону куста, и Прутовскій отскочилъ, какъ

преступникъ, пойманный на мѣстѣ. Дитя пробудилось. Голубые глаза испуганно всматривались въ мрачное лицо, на губахъ котораго краснѣла запекаяся кровь. Дѣвочка стала плакать Прутовскій, недолго думая, выломалъ себѣ длинную палку и, поднявши панталоны, ваялъ на руки плачущаго ребенка. Пошелъ дождь, и стемнѣло. Прутовскій окуталъ заботливо кафтаномъ драгоценную пошу и пустился впередъ. Дѣвочка обняла шею неизвестнаго ей отца и, переставъ плакать, испуганно смотрѣла въ мутную воду.

Пока онъ шелъ по лугу, то не имѣлъ большихъ затрудненій. Онъ направился къ хижинѣ за потокомъ. Съ озъ шумъ ливня до ушей Прутовскаго доносился гулъ потока, теченіе котораго онъ уже ощущалъ своими ногами. Вѣлая хижинка исчезла изъ очей; замѣтны были только темныя очертанія ольхъ. Прутовскій остановился, чтобы осмотрѣться. Вонъ тамъ промелькнулъ огонекъ... Туда нужно донести дитя, снасти отъ бѣды: масса темной воды сильно напирала, и приходилось крѣпче опираться на сухоматую палку.

Вотъ ужъ онъ добрелъ до ольхъ, о стволы которыхъ разбивалась съ шумомъ вода. Только перейти потокъ, и дитя будетъ спасено. Онъ оперся о стволъ старой ольхи, убаюкивая ребенка. Онъ зналъ, что противоположный берегъ крутъ, и что нелегко будетъ вскарабкаться на него чрезъ густые кусты, крыльцо же хижинки было покрыто водой.

— „Позову маму, не бойся!“

И онъ сильно въ темнотѣ и при вѣтрѣ закричалъ, такъ что ребенокъ затрясся:

— „Огня, огня!“

Съ минуту было тихо, только дождь шумѣлъ въ ольхахъ и плескалъ по мутной водѣ. Прутовскій закричалъ снова: „огня! поспѣйте на лѣстничку! Я на другомъ берегу; несу вамъ дитя!“

За ручьемъ отозвался болѣзненный возгласъ, и скоро послѣ

этого замѣлкалъ въ темнотѣ красный огонь, двигаясь къ низу. При свѣтѣ онъ увидѣлъ двухъ женщинъ въ платкахъ. Младшая держа огонь надъ головой, нагнулась къ водѣ, а старшая, бабушка ребенка, остановилась на первой ступени. Обѣ думали, что ребенокъ остался у тети, съ дочерью которой онъ ходилъ „литовать.“ Тѣмъ тоскливѣе смотрѣли онѣ теперь въ темноту. Прутовскій поглядѣлъ на нихъ прпстально.. То стоитъ Барушка, которая когда то ожидала его у этихъ самыхъ ступеней когда онъ вечеромъ направился къ ней чрезъ ясную воду тихаго потока.

Вотъ она, блѣдная, тоскливо смотритъ на дитя; какъ она дрожить за него, за котораго такъ много выстрадала.

И онъ—Прутовскій чрезъ мпнуту долженъ разстаться съ ребенкомъ!... Странное, не бывалое еще, ощущеніе овладѣло имъ: чрезъ море онъ перенесъ бы его, чтобы возратить непременно. Тѣснѣе прижалъ онъ малютку къ груди, а шумящія волны уже разбивались о его тѣло, и ноги скользили по камнямъ. Смотри впередъ на женщину подъ деревьями, онъ бодро брелъ далѣе. Вдругъ раздался слабый возгласъ. Свѣтъ озарилъ раненое лицо Прутовскаго, его промокшіе и всклокоченные волосы, надавшіе на самый лобъ, и пзмокшую одежду на тѣлѣ. Она узнала его ..

Уже близко, уже онъ взомель на первую ступень, погруженную въ воду, уже Барушка спѣшитъ съ огнемъ. Прутовскій не могъ удержаться и, подавая ребенка старухѣ, горячо поцѣловалъ его.

— „Прости, Барушка!“ крикнулъ онъ и, соскочивши со ступеньки, бросился въ воду. Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ его поднятую руку потащила вверхъ судорожно чья то другая рука.

— „Петръ, ради Бога... что ты дѣлаешь! Вѣдь ты утонешь!“ кричала надъ нимъ Барушка.

— „Что же дѣлать?“ отвѣчалъ мрачно Прутовскій, оставаясь въ водѣ: „для меня уже не зацѣтеть вновь счастье!“

— „Петръ, останься! Хочешь, будемъ опять жить вмѣстѣ?“

— „Ты меня простишь? Хочешь быть моей навсегда?“ закричалъ радостно Прутовскій

На рукахъ у бабушки заплакалъ ребенокъ.

— „Слышишь, дитя зоветъ насъ!“

Онъ взмогъ на берегъ.

АНЧАРЪ.

I.

Неудачи съ дѣтства преслѣдовали г. Драбоня, и несчастье было постояннымъ его спутникомъ. Его милую выдали за другого, и только, когда умеръ его соперникъ, повелъ онъ къ алтарю молодую вдову. Тогда впервые повеселѣлъ онъ душой. Съ какой радостью спѣлплъ онъ вечеромъ въ далекаго лѣса, гдѣ рубилъ онъ деревья, въ свою хижину! Прежде онъ почевывалъ и прямо подъ зеленымъ деревомъ, но теперь его ждала жена и маленькая дочка. Но недолго пришлось бѣдняку порадоваться на свое счастье. Черезъ три года отвезла жену его на каменной дорожкѣ внизъ на деревенское кладбище. Такая ужъ была судьба его! Онъ словно бы тонулъ въ рѣкѣ и ухватился за откосъ скалы, а тотъ выскочилъ съ нимъ рухнуть въ воду...

Теперь онъ уже не ходилъ, какъ бывало прежде, изъ лѣсу вечеромъ домой, а почевалъ опять подъ шумящими верхушками деревень. Впрочемъ ему уже не было такъ скучно, какъ въ былое время: вонъ въ чащѣ промелькнуло голубенькое платьице, вѣтви куста раздвинулись, и у пылающаго огня очутилась дочка Драбоня. Вонъ она опять убѣжала... она блуждала бы по лѣсу до самаго вечера, если бы ее не позвалъ отецъ:

„Поди сюда, Аночка, поди, сядь здѣсь.“

И старикъ выпиналъ ей изъ огня спеченный картофель, намазывалъ хлѣбъ масломъ, а самъ ѣлъ сухой хлѣбъ или только помазанный творогомъ. Было ему и такъ хорошо: вѣдь ужъ онъ никого болѣе не имѣлъ на свѣтѣ! Дочкѣ его, Анчикѣ, какъ онъ звалъ ее, было 12 лѣтъ, но, увидя ее, никто не сказалъ бы этого: она была высока ростомъ и сильна, какъ дѣвочка лѣтъ 15-ти, а

дѣла, какъ мальчикъ. И не удивительно—лѣтъ она выросла, словно лѣсное дерево.

Въ то время, какъ отецъ рубилъ бун и другія деревья въ лѣсу, дочка бѣгала всюду, гдѣ хотѣла: заглядывала на пасѣку, встрѣчалась съ пастухами и рѣзнялась съ ними. Пѣсенъ она знала множество, слышавшіеся отъ дровосѣковъ. А когда они садились устатье, она рассказывала имъ тѣмъ всякихъ исторій, такъ что ея любили; говорила обо всемъ, что слышала отъ отца: о «полединцахъ», «клеканцахъ», о «гастрманѣхъ» (юдяномъ), о «выжлятахъ», пробѣгающихъ лѣтомъ, и пр. существахъ. Ихъ, по ея словамъ, видѣлъ ея отецъ, когда онъ шелъ однажды въ лунную ночь Витовой долиной; они проводили его до самаго дома. Даже, когда онъ выглянулъ изъ окна, то увидѣлъ, что весь дворъ кипитъ имъ. Маленькія собачки прыгали вокругъ дома и лаяли.

— „Вотъ я васъ!“ подумалъ старый Матушекъ и выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья. Утромъ нашъ его безъ чувствъ и должны были освѣжить его.

— „А вы не бонтесь, что они придутъ къ вамъ, когда почуете въ лѣсу?“

— „А что они могли бы намъ сдѣлать? Прежде чѣмъ мы заснемъ, отецъ сдѣлаетъ на бревнѣ, что у насъ подъ головами, три креста—и уже выжлята не имѣютъ никакой силы“.

Вдругъ занумѣло въ тѣлѣ, и что то промелькнуло между камнями. Испуганные парни вскочили.

— „Гадова напенка!“ (змѣиная дѣла).

Личичка засмѣялась, побѣжала за ящерицей, ловко схватила ее и опять пустила. Парни только отплеивались.

Въ школу немного ходитъ наша дѣвочка. Съ весны до зимы была она на поляхъ и въ лѣсу, и лишь зимой оставалась съ отцомъ подъ досчатой кровлей бѣдной лачуги. Уговаривали Драбоня люди отдать дочь въ другое село, говорили, что, если дочь вѣчно будетъ съ нимъ и такъ балуясь, то одичаетъ.

Но Драбонь не могъ разстаться со своей любимницей, единственной дочкой. Онъ все дѣлалъ для нея, каждый грошъ заработан-

ный сготижкимъ трудомъ, былъ ея, да и самой Анчикѣ не хотѣлось очень въ селеніе. Однако же имъ пришлось разлучиться.

Однажды—дѣло было осенью, какъ разъ передъ храмовымъ праздникомъ—спдѣла Анна у колодезя съ одной деревенской дѣвочкой, своей подругой, и разсуждала о наступающемъ торжественномъ днѣ. Вдругъ вбѣжалъ запыхавшійся Смарчекъ, работавшій съ Драбопомъ, и, закричавши: »Вѣгн поскорѣй, Анна, къ отцу,« снѣшилъ далѣе чрезъ кусты. Анна посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но затѣмъ, словно лань, бросилась къ мѣсту работы отца. Вѣдний лежалъ окровавленный на колѣнѣ товарища и еще дышалъ. Очи его блеснули, когда онъ увидѣлъ свою Анюту; онъ хотѣлъ что-то промолвить, но изо рта вдругъ хлынулъ потокъ крови и почтеннаго Драбона не стало. Смерть приключилась ему отъ неудачнаго паденія срубаннаго бука. Горемычная Аннушка поблѣднѣла и упала подлѣ мертваго отца. Скоро пришелъ Смарчекъ съ людьми.

II.

Вѣдняжка должна была разлучиться съ лѣсамъ, съ горами... Уже некому было тѣшить ее разсказами у пылающаго огня, выбирать картофели и намазывать хлѣбъ масломъ...

Анна рада была радехонька куску хлѣба простаго: Суханекъ и самъ не наѣдался досыта, чтобы кормить такого щенка... Вѣдь онъ взялъ къ себѣ Анну изъ милости и сожалѣнія, какъ далекій родственникъ, и говорилъ, что имѣетъ съ ней хлопоты. Отъ него ушла дѣвушка, которую онъ держалъ въ домѣ. Цѣлый день продержался онъ съ женою такимъ образомъ, а ее все-таки не могъ найти.

Анна должна была нянчить дѣтей, пріестъ, прибирать комнаты, а когда подросла, работать въ хлѣвѣ и на полѣ. За это она имѣла достаточно пищи, кое какое платье и въ прибавку—брашъ, потому что угодить голодному Суханку было чрезвычайно мудрено. Вѣдную спотку никто уже не называлъ „Анчикой“ Жена Суханкова звала ее: „Анка“, а мужъ ея сухо-

парный кричалъ на нее: „Ты, Анчарь!“ Это ими такъ и осталось за ней.

Противно было все это Аннѣ сначала, но, Боже мой, къ чему не привыкнетъ человѣкъ! А между тѣмъ какая дѣвушка вынесла бы столько бѣдствій, сколько Анчарь! Съ утра до вечера была она словно на конѣ—а все таки посмотрѣли бы вы на нее Выросла, словно стройная сль, здоровал, ловкая, съ смуглымъ лицомъ и черными волосами; прекрасно выгнутой черныя брови почти срослись вмѣстѣ. Говорить, такіе люди злы, но объ Аннѣ это сказать—было бы грубой ошибкой. Веселѣе всего она чувствовала себя, когда пасла корову и козъ; тогда она напоминала собой птичку, вылетѣвшую изъ клѣтки, и къ ней, казалось, возвращалось ея дѣтство. Она пѣла, рѣзвилась, и когда съ холма раздавались ея возгласы:

„Юва—ляува—ляува—у!“

настухи слышали ее за самымъ лѣсомъ.

„А, Анчарь пасеть на Гомольцѣ,“ говорили они. Тутъ она забывала о всѣхъ неудобствахъ житья у Суханка, тутъ освобождалась отъ всѣхъ заботъ. Перебѣвши всѣ пѣсни, она слагала и свои:

„Тен стары харанат (хричь)
Не хтѣл ниц (ничего) дома жрат.
Шел за Махов,
Шел до Лыготы,
Секрал козу и с кузматы
Тен стары харанат!“

Содержаніе пѣсни относилось къ Суханку, который на храмовой праздникъ охотнѣе шелъ къ пріятелямъ въ Лыготу, гдѣ также было празднество, чтобы ничего не утруждать у себя. Кто-то слышалъ эту пѣсню, и скоро она пришла гулять по всему селу; всѣ смѣялись надъ Суханкомъ, который словно вѣкъ, былъ постоянно голоденъ. За это Анчарь была бита имъ, но не потеряла своего веселья.. Ей было 19 лѣтъ, и даромъ хлѣба она не

ѣла. Она заботилась обо всемъ въ домѣ вмѣсто Суханковой жены, больной и работавшей мало. Суханекъ поставилъ другой станокъ, за которымъ работала Анчаръ. На свои малыя средства она однако обзавелась платьемъ, которое очень шло къ ней. Парни и не думали, что изъ нея выйдетъ такая красивая дѣвушка. Теперь опять, что до пляски — всѣ любовались, какъ она искусно плясала въ хороводѣ. Кавалеровъ было у нея предостаточно; нѣкоторые стали было серьезно прѣдлагать за ней, но она отлично осмѣляла всѣхъ ихъ и отпирала острыми своимъ язычкомъ. И кто бы могъ ожидать этого отъ дѣвушки, выросшей въ лѣсу! Къ музыкѣ она постоянно уходила чрезъ окно, что бы не видѣлъ Суханекъ. Врани хватило бы и на весь слѣдующій день: и ничего то она не дѣлала ради музыки, и платье то порветъ и пр

Передъ Пасхой Суханкова слегла. Ей было хуже день ото дня. Суханекъ негодовалъ и издѣвался стороной надъ этой болезнью. Онъ мало жалѣлъ жену, но твердилъ, что много потеряетъ. Анчаръ должна была работать за двоихъ. Если бы ей не было, худо было бы для Суханковой. Болезнь усиливалась. Лѣвара мужъ не хотѣлъ позвать, хотя Анчаръ и вызвалась пойти за нимъ. „Это такъ всегда бываетъ — выбросятъ деньги доктору и въ аптеку, и ничего не поможется“, говорилъ онъ. Анчаръ должна была приготавливать домашнія средства, какое кто присовѣтуетъ.

Пришла соседка и посоветовала то и то коренье. Вросился по цѣлой деревнѣ, но нигдѣ его не было: оно было рѣдко и росло подъ самой Синьжой. „Если его нѣтъ у старой Мразковой, что умѣетъ отгонять сухотку и загонивать зубную боль, такъ нѣтъ нигдѣ.“

— „И пойду за этимъ кореньемъ“ — вызвалась Анчаръ.

— „Подождемъ до утра!“ сказалъ Суханекъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Анчаръ до вечера кончила работу на станкѣ. Суханкова стонала, хотя была терпѣлива и довольно перемогала себя.

— „Итъ, я пойду!“ сказала рѣшительно дѣвушка.

— „Ну какъ знаешь!“ Суханка раздражалъ стонъ жены. Смеркалось, и тѣнь отъ деревенскаго сада сползла въ одну большую.

Анчаръ взяла платокъ и вышла, но на порогѣ остановилась. Она увидѣла сіяющую вечернюю звѣзду надъ темнымъ лѣсомъ. Небо было чистое и ясное. Но до Махова былъ порядочный кусъ дороги къ старой Мразковой. Другая призадумалась бы надъ такимъ путемъ, ночью, одной, лѣсомъ, но Анна ничего не боялась. Лѣса и пущи были ея хорошіе пріатели, а звѣзды—самые лучшіе. Она пѣла себѣ нѣсни, которые ей повторяли горы. Было уже поздно, когда она добралась до старухи. Та ворчала, расспрашивала, кто и что, но дала кореньевъ и посовѣтовала, какъ быть съ ними; сказала, что завтра сама будетъ у Суханковъ. Анчаръ спѣшила домой и потому не пошла обычной дорогой, а своротила на тропинку, шедшую къ полю; она прошла темный лѣсъ и была уже на краю его. Предъ ней въ ночной тиши дремалъ лугъ, отовсюду окруженный темнымъ лѣсомъ. На немъ уже показывалась травка и при свѣтѣ мѣсяца бѣлѣла ранняя «воловыи очи», здѣсь и тамъ покрывавшая цѣлыя большія пространства. Было тихо; лишь потокъ журчалъ, или изъ лѣсу. Дѣло было весной, въ самый разгаръ возрожденія природы. Темныя ольхи, стояція тамъ и сямъ по берегу, клонили низко свои, все еще не начинавшія зеленѣть, верхушки, словно бы еще дремали зимней дремотой. Анчаръ остановилась на минуту. Это мѣсто въ такой священной тишинѣ было очаровательно при блѣдномъ свѣтѣ луны. Сюда она частенько забѣгала въ дѣтствѣ, такъ какъ тутъ были самые ранніе цвѣты, и не одинъ разъ отдыхала на ступенькахъ каменной статуи, стоящей направо въ тиши, на окраинѣ лѣса. Это мѣсто называли «у каплички». Анчаръ опять посѣщила и была уже у потока «Лайчкы», который былъ переполненъ весенней водой. Потокъ былъ довольно широко, но дѣвушка не раздумывала долго. Она отступила нѣсколько назадъ, чтобы разбѣжаться и перепрыгнуть.

— „Что, не перескочишь?! Подожди, я помогу тебѣ!“ донеслось изъ лѣсу. Анчаръ вздрогнула и оборотилась. На ступеняхъ каплички показался мушкетеръ, который отдыхалъ въ ней, и котораго дѣвушка не примѣтила.

— „Подожди!“ закричалъ онъ еще разъ уже ближе. Но дѣву-

шка разбѣжалась, платье развѣялось, секунда—и она уже была на другомъ берегу. Пригнула, словно олень. Она видѣла, что незнакомецъ тоже разбѣгается, прыгнувъ и... нога скользнула по мокрой землѣ, и онъ упалъ на колѣни предъ Анчаромъ. Шапка его слетѣла съ головы. Лучъ мѣсяца упалъ на его лицо, обращенное къ дѣвушкѣ, оно было прекрасно. Черные кудрявые волосы ниспадали на лобъ, подъ бровями блестѣли темныя очи и на губахъ чернѣли усики. Онъ былъ въ военномъ плащѣ. Вышло такъ, какъ бы онъ палъ въ удивленіи предъ Анчаромъ, что дѣйствительно и выражалось на его лицѣ. А дѣвушка стояла предъ нимъ какъ бы въ оцѣпенѣніи. Смѣхъ, явившійся было на ея устахъ, замеръ. Взглядъ ея словно прикованъ былъ къ юношѣ и тоже выражалъ удивленіе. Платокъ слетѣлъ съ головы и богатые черныя кольца волосъ падали на ея плечи. Она была очень хороша въ это мгновеніе. Черезъ луну плыло облако, и стало темнѣе.

Они очнулись. Воинъ засмѣялся. „Ты выиграла. Но мнѣ это не досадно!“ Анчаръ улыбнулась. „Ты идешь къ Бездѣковъ? Пойдемъ вмѣстѣ.“ И они пошли. Познакомились. Военный оказался Иосифомъ Борновымъ, седьмой годъ на службѣ, и съ тѣхъ поръ не бывшій на родинѣ. Прибывши изъ Италіи въ Чехію, онъ рѣшился пробыть нѣкоторое время дома. Дорогой онъ зашелъ къ родственнику въ Маховѣ и тамъ заночдалъ.

Военная одежда очень шла къ нему, высокому и стройному, словно молодой букъ. Онъ постоянно что нибуде говорилъ, рассказывалъ и какъ хорошо! Анчаръ еще не слышала ничего подобнаго. Онъ взялъ ее за руку; она истрепенулась. Онъ не выпустилъ ея руки и когда стиснулъ ее, Анчаръ почувствовала, что ея сердце забило тревогу, что ей захватило духъ; поэтому она принуждена была усмѣхнуться, устремивши на него свои блестящія глаза, но застыдилась и опустила глаза внизъ. Она чувствовала, что ея щеки пылаютъ, что ее покинули прежнія смѣлость и рѣзвость. Скоро они пришли къ дому, гдѣ жили родители юноши; домикъ стоялъ въ уединеніи подъ лѣсомъ. Молодой человѣкъ шепнулъ

ей, что въ понедѣльникъ »бинованіе« (даютъ насхальные подарки) и что она должна впередъ подарить ему »биннованнаго.«

— „Что жъ бы я могла дать тебѣ?“ спросила она его съ усмѣшкой.

— „Поцѣлуй!“ — и онъ обнялъ ее около пояса и запечатлѣлъ горячій поцѣлуй на ея устахъ. На Анну нашло въ это время что то вродѣ головокруженія; она не могла выговорить ни слова, кровь прилиwała къ головѣ. Она вырвалась и уже убѣжала къ деревнѣ. Остановилась уже только у хвѣщны. Сердце все еще громко билось. Окончательно разстроенная, приготовила она коренья Суханковой, и, когда больная уснула, не могла сама сомкнуть глазъ: все ей видѣлось прекрасное лицо, озаренное мѣсяцемъ, а на губахъ еще теплѣлъ горячій поцѣлуй. Іосифъ сказалъ ей: „ты выиграла!“, а мнѣ кажется, Анчаръ проиграла. И вѣрно. Она утратила свою неселость; всѣ ея мысли сосредоточились на Іосифѣ. Прежде она смѣялась, когда говорили, что тотъ либо другой ухаживаетъ за ней, что хотѣлъ бы обладать ею. А теперь! Бушевало сердце, кровь разгоралась у ней, когда она видѣла Іосифа. Говорила она съ нимъ мало, такъ какъ не могла выходить, пока больной стонала. Но когда случалось поговорить съ нимъ, она цѣлую ночь только и думала о томъ и извѣщивала каждое словцо. Въ Свѣтлое Воскресенье была впервые музыка на селѣ. Анчаръ слышала доносившіеся въ домъ звуки музыки, и въ ней трепетала каждая жилка. Пурпуромъ заалѣло все ея лицо, сильнѣе забилося сердце, когда она подумала, какъ бы то хорошо было сегодня потанцовать въ объятіяхъ Іосифа.

Въ полночь, когда у Суханковъ уснули, Анчаръ рѣшила воспользоваться этимъ. „Дай, на минутку лишь выскочу,“ сказала сама себѣ. Взявши башмаки въ руку, она выпрыгнула изъ окна и упала... въ объятія Іосифа. Она вскрикнула отъ радости.

— „Я долго ждалъ тебя на музыку. Тебя не было, и меня ничто не всселило. Затѣмъ то я и пришелъ, чтобы узнать, отчего ты не идешь“, шепталъ Іосифъ и тиснулъ Анну, упоенную радостью. Они пошли. Времени не наблюдали: Анчаръ хотѣла воз-

вратиться какъ можно скорѣе, но Іосифу не пришлось долго отговаривать ее. Лицо, глаза ея горѣли среди пляски; кружилась и вертѣлась она съ Іосифомъ такъ быстро и горячо, что у зрителей шла голова кругомъ. „Тото припли дна чулака; подобралсь другъ къ другу!“ слышались тамъ и сямъ восклицанія.

Пирни острили и посмѣивались, дѣвушки завидовали Аннѣ изъ-за ея статнаго, красиваго кавалера. Было далеко за полночь, когда Анчаръ возвращалась домой, сопровождаемая Іосифомъ, который шелъ, свободно обвиняя ея шею руками, и все шепталъ про любовь. Попробовалъ бы прежде кто нибудь другой сдѣлать это съ ней.

Ночью Суханкова пробудилась, но напрасно искала глазами Анны: она стояла въ саду подъ яблоней съ своимъ милымъ и уже не защищалась, когда онъ цѣловалъ ее. Съ гулянья доносились смѣшанные звуки нѣсенъ—преlestная ночь...

О Анчаръ, Анчары!..

Дни шли. Дѣвушка жила, словно во снѣ. Днемъ за работой она часто задумывалась и блуждала своими взорами. Богъ знаетъ гдѣ. „Анчаръ! глупая, оглашенная! Что опять разинула роты!“ пробуждалъ ее къ дѣйствительности Суханекъ суровымъ голосомъ.

Каждый вечеръ являлся Іосифъ на конецъ сада, гдѣ стоялъ старый согнутый бузокъ, а около были густые кусты. Тамъ ждала уже его Анчаръ. Онъ цѣловалъ ее, напентывалъ страстные слова. Увы, это простое сердце, пылающее кипучей страстью, какъ оно слабо!

Черезъ нѣсколько времени Іосифъ долженъ былъ отправляться снова на войну. Онъ утѣшалъ плачущую милую, что раньше года еще возвратится домой, и что...

Послѣдняя ночь такъ полна счастья и страданья! Когда Анчаръ осталась одна, ея сердце оковала темная боязнь. Долго она не спала, а когда уснула, видѣла во снѣ Іосифа; съ этихъ поръ перѣдко ей являлся въ сновидѣніяхъ и покойный отецъ.

III.

Іосифъ обѣщалъ Аннѣ писать. Минула недѣля, а письма не было. Если бъ слышала она, что рассказывалъ ей милый своимъ товарищамъ! Скоро до нея стали доходить различныя извѣстія объ Іосифѣ, отъ которыхъ сердце ея обливалось кровью: „Пашелъ себѣ богатую невесту. Женится и возвратится съ молодой женой. Отецъ уступитъ ему домъ.“—Вотъ что приходилось ей слышать, но она не хотѣла вѣрить. Бѣднажка не знала, что Іосифъ толкался между людьми, семь лѣтъ былъ въ военной службѣ и потерялъ чистоту натуры, былъ неискрененъ и искалъ лишь удовлетворенія страстямъ. Онъ видѣлъ много такихъ примѣровъ на свѣтѣ и не считалъ такого поведенія дурнымъ. А Анчаръ такъ поѣхрипала ему! Онъ столько ей обѣщалъ, а теперь даже не пишетъ. Ей было очень тяжело. Но когда завѣрное узнала, что есть другая.., она поблѣднѣла и почти безъ чувствъ упала на стулъ.

Рано утромъ встрѣтила она сосѣдку Маренку. Та сказала ей ѣдко: „А знаешь, что Іосифъ женится? Вчера прислалъ домой письмо и ждетъ благословенія.“ Анчаръ задрожала, и все предъ ней покрылось туманомъ. Она думала, что умереть въ тоже мгновеніе. Едва она удержалась на ногахъ. А на селѣ уже узнали о ея положеніи.... Суханекъ разъярился и выгналъ ее. Напрасно за нее говорила его жена, которая уже выздоровѣла. „Еще этого не доставало—кормить чужое племя!“ Анчаръ пошла... Она ничего не знала, смотрѣла въ землю и не видѣла усмѣшекъ людей. Ее тяготила измѣна Іосифа. Подъ вечеръ она стала на лугу у потока. Лѣсъ вокругъ дремалъ: лишь шумъ потока доходилъ до ушей Анчара, словно слабое эхо того, что стучало у нея въ головѣ. Она засмотрѣлась въ волны потока, вспоминая бывшее. Боль давила ея сердце. Ей такъ необходимо было въ чемъ нибудь выразить свою тоску. „Іосифы!“ крикнула она, и за ней лѣса повторили слабымъ откликомъ: „Іосифы!“ Затихло эхо: она напрасно кричала. Направилась къ часовнѣ и упала на тѣже ступени, гдѣ

впервые увидѣла Іосифа. Она молилась, чтобы Богъ переимѣнилъ его мысли или же чтобы ее избавилъ... Рано утромъ вѣтеръ, будя деревья, напелъ страдальцу бодрствующей и игралъ ей черными волосами.

Одинъ добрый обитатель хижины предложилъ бѣдняжкѣ убѣжище. У нея уже былъ мальчикъ, когда Іосифъ долженъ былъ возвратиться—съ молодой женой „съ низу.“ Отецъ его уѣхалъ къ нему на свадьбу.

Анчаръ совѣтъ переимѣнилась; похудѣла, потеряла съ лица румянецъ и свѣжесть и бродила, словно тѣнь.

Іосифъ дѣйствительно привезъ себѣ молодую жену. Она была слабая, неособенно хороша, но имѣла приличное приданное. Анчаръ не пошла къ нимъ въ домъ, какъ это часто дѣлають оболыщенныя дѣвушки,—браниться, плодить раздоры, просить денегъ, а то даже и просто покннуть тамъ своего ребенка. Нѣтъ, она сидѣла въ углу, упорно глядя на младенца и нерѣдко горько плача: онъ былъ вылитый Іосифъ. И пѣсни не шли ей на умъ; лишь колыбельную пѣсню тихо пѣла она надъ своимъ ребенкомъ. Часто пробирала ее дрожь, и глаза свѣтились такъ холодно... Разъ вечеромъ закутала она своего сына, прокралась нѣтъ хижины и пошла въ село, гдѣ былъ Іосифовъ домъ. Голова ея горѣла, въ вискахъ стучало. Подойди къ окну, она увидѣла Іосифа, сидящаго съ женою за столомъ, говорящаго съ ней, смѣющагося...

— „Видишь, дитя, вотъ твой тата, видишь, тата!“ го зрела она, трясаясь всѣмъ тѣломъ. Голова у нея закружилась, предъ глазами завертѣлись круги, и она, крикнувши, упала на сѣнѣ. Дитя заплакало. Когда она опаматовалась, деревья опять были зелены. Горючка надолго было приковала ее къ постели. Первое ея слово было: „мое дитя?“ Ей сказали, что оно у Іосифа въ домѣ: онъ оставилъ его у себя, когда она упала безъ чувствъ около его дома, а ее приказалъ сюда отнести. Она хотѣла было выскочить и бѣжать за сыномъ; но была все еще очень слаба. Когда она уже болѣе или менѣе почувствовала себя хорошо, она не дала болѣе удерживать себя

и упала. Дѣло было подѣ вечерѣ. Скоро пришла она къ лѣску, за которыми былъ домъ. Усталая, она должна была отдохнуть. Вдругъ она подняла испуганные глаза, и страшный блескъ поразилъ ее: багряное зарево входило въ лѣсъ и окрашивало деревья. Анчаръ вскочила и, словно совсѣмъ здоровая, бросилась лѣсомъ впередъ.

На краю лѣса она перенесла духъ и оперлась о пенъ. „Горить“ вырвалось у нея. Въ пламени была Иосифова хижина. Старый отецъ его мчался въ село, откуда было ушелъ. Жена вопила и вытаскивала вещи на ближайшую поляну. Вѣтеръ дулъ отъ лѣса и раздувалъ огонь, все болѣе и болѣе усиливавшійся. Лѣсъ и небо окрасились краснымъ заревомъ. Густой дымъ, въ которомъ дикимъ танцемъ проскакивали искры, столбомъ валилъ къ почному небу. Въ селѣ звонилъ тревогу набатный колоколъ; голосъ его звучалъ страшно жалобно, пронизывающе. Пожаръ произошелъ по неосторожности хозяйки.

— „Мое дитя, мое дитя!“ кричала Анчаръ, и уже вихремъ помчалась къ дому. „Гдѣ мое дитя?“ кричала она къ женѣ Иосифа, одурѣлой отъ ужаса: та испугалась блѣдной, яростной матери. „Дитя мое, дитя мое!“ кричала Анчаръ.

— „Тамъ!“ указала Иосифова ошарашавшись. Въ страхѣ и переполохѣ она забыла о ребенкѣ. Еще не успѣла она опустить руки, а ужъ Анчаръ, словно безумная, мчалась прямо въ огонь. Она вскочила въ низкое окно комнаты, еще разъ промелькнула ея одежда, и наконецъ блѣдняжка исчезла въ дыму. Остолбенѣлая Иосифова смотрѣла на окно. Прошла минута и показалась ей цѣлой вѣчностью. Врѣвна съ трескомъ надали и падъ ними среди дыма неслась въ вышнюю масса пскоръ. Изъ села доносились звуки набатнаго колокола. Вотъ-вотъ Анчаръ, простоволосая, стоять на окнѣ, держа ребенка въ объятіяхъ, вотъ скачетъ—о Боже—бревно загрохотало, посыпались искры, и несчастная упала на землю. „Помощи, помощи!“ кричала къ Иосифу жена его. Иосифъ бросился туда и черезъ минуту несъ Анну и ребенка на своихъ рукахъ. Онъ положилъ ихъ во мху на окраинѣ лѣса.

— „Воды, воды сюда!“ кричалъ онъ, весь поблѣднѣвъ. Люди тушили огонь, выносили, что можно было. Иосифъ приводилъ Анчаръ въ чувство. Наконецъ открылись ея большіе черные глаза.

— „Мое дитя!“ шептала она.

— „Здѣсь оно, здѣсь у твоего сердца!..“

Она хотѣла встать, но голова ея опять упала.

— „Анчаръ, Анчаръ“ кричалъ Иосифъ, схвативши ее за блѣдное лицо, которое когда то цѣловалъ такъ жарко.

— „Иосифъ—мое дитя..“ только и могла она проговорить; страдальца закрыла очи навсегда. Зарено огня освѣщало ея блѣдное лицо.

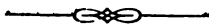
Донеслись послѣдніе звуки набатнаго колокола. Дитя было мертво; оно задохлось въ дыму.

Суханкова, безъ вѣдома мужа, устроила Анчару и ея ребенку приличное погребеніе. По ясному воздуху разнесся громкій звукъ колокола, свидѣтельствующъ, что усоншихъ несутъ уже въ тихое пристанище.

На черныхъ обгорѣлыхъ бревнахъ сидѣлъ Иосифъ. Услышавъ колокольный звонъ, онъ сложилъ молитвенно руки. Должно быть просилъ прощенія своего тяжкаго грѣха? На погребеніе онъ совѣстился идти.

Возлѣ него сидѣла жена „съ низу,“ и безучастно смотрѣла впередъ.

Священникъ молился надъ гробомъ той, которая такъ сильно и горячо любила, и которой искренняя, безкорыстная любовь вырыла эту могилу. Страдальца простили всѣ, даже тѣ, которые прежде порочили ее, жалѣя бѣднаго спротивнаго ребенка и чистое сердце Анчара.

Повѣсть „За наслѣдіе отцевъ“ выдается между другими повѣстями нашего автора бѣльшей обрисовкой типовъ; въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нихъ обозначены довольно рельефно, нерѣдко очень яркими штрихами. Среди такихъ выпуклыхъ фигуръ однако много блѣдныхъ, неопредѣленныхъ личностей, обрисованныхъ авторомъ, очевидно, съ меньшей тщательностью. Таковы, на примѣръ, самъ старый Залѣсскій, дочь его Аполена, Іоза Кубина и пр. Зато мстительная личность энергичнаго контрабандиста Желизка, суетная Залѣсская съ ея глупымъ чванствомъ, загнанная и безотвѣтная Кубиниха, въ которой однако бьется горячо любящее материнское сердце, и, наконецъ, самъ Кубина, настойчивый въ достиженіи своей идеи до самозабвенія и пренебреженія всѣми настоящими требованіями и нуждами семьи и обратившійся въ слѣдствіе беззавѣтной преданности этой идеѣ въ отвратительно суроваго скрягу, недоступнаго для самыхъ непосредственныхъ пѣжныхъ чувствованій — эти личности очерчены яркими красками и встаютъ въ воображеніи читателя, какъ живыя. Повѣсть читается съ большимъ интересомъ и переноситъ насъ въ тѣсный кругъ мелкихъ интересовъ чешскаго села, среди которыхъ, однако, разыгрывается сильная страсть и ключемъ кипитъ жизнь, хотя и невидная, муравьиная. Среди этой житейской борьбы и суетности чрезвычайно успокоительно и миротворно дѣйствуютъ на читателя такіа, на первый взглядъ, не вид-

ныя, личности, какъ кроткая, спокойная Машенька Кубипова или кипящій юношескими силами, молодой Іепикъ Залѣсскій, безграничный въ горѣ и радости. Личности эти—второстепенныя, однако схвачены и показаны довольно мѣтко. Наконецъ, чисто чешскія—среда и условія быта придаютъ повѣсти особый, чрезвычайно характерный, отпечатокъ; сильный мѣстный, чешсконародный колоритъ ея ярко сквозитъ на каждой страницѣ... а это намъ особенно и нужно.

За наслѣдіе отцевъ.

I.

Залѣсскіе говорили о своемъ домѣ »замокъ« и до извѣстной степени справедливо. Въ цѣлой деревнѣ не было такого обширнаго каменнаго дома; противъ него черезъ дворъ паходился меньшій для пайма. Между ними ворота аркой, предъ которыми шумѣли дѣлъ могучія липы. Сзади огибалъ зданіе огромный овчій, крытый черепицей, съ пристроеннымъ сараемъ.

Фасадъ окрашеннаго желтой краской строенія, обдѣланнаго полувыпуклыми гладкими колоннами, горделиво озиралъ долину и ея скромныя хижинны. Въ щитѣ дома утверждена была черная доска. Когда на ней играли лучи утренняго солнца, обнаруживались вызолоченныя буквы ея и гласны, что зданіе построилъ Вячеславъ Кубина съ супругой Маріей.

Построили Кубины, да не они утвердились въ своемъ гнѣздѣ. Дѣдъ еще владѣлъ »замкомъ«, а впукъ долженъ былъ довольствоваться малымъ домикомъ недалеко, на вершинѣ горы и обиталъ такимъ образомъ, какъ говорили, »подъ гѣтромъ«.

Снѣгъ покрывалъ долины и горы; при блескѣ солнеч-

ныхъ лучей отливало отъ него хрусталемъ и драгоценными камнями. Воздухъ былъ ясный, густая завѣса тучъ исчезла, и обнаружилась снѣжныя верхушки горъ и темныя лѣса. Хрустѣлъ снѣгъ подъ санями, ватившимися по гладкой дорожкѣ, то и дѣло звенѣли колокольчики. Залѣсская тоже захотѣла покататься на саняхъ, поѣхать на прижѹ къ сестрѣ, выданной въ сосѣднее село. Хлопецъ запретъ въ прекрасныя зеленныя сани пару молодыхъ гнѣдыхъ въ «нанской» сбруѣ, надѣлъ имъ на спинны блестящія бубенчики, прикрѣпивъ ихъ къ красному сукну, спадавшему по бокамъ. Возгордилась старая Залѣсская. Возлѣ нея усѣлась дочь ея Аполена. Ноги прикрыли пестрымъ покрываломъ и концы его закрѣпили около головъ. Старый Залѣсскій садитъ на козлы, беретъ бичъ и возжи въ руки и повторлетъ приказанія сыну Яну остающемуся на полѣ-дня хозяиномъ. Слуга отперъ ворота, бубенчики зазвучали, и помчались сани со двора. Красиво наклоняютъ кони свои головы, развѣваются кисти бубенчиковъ. Твердой рукой править Залѣсскій; вотъ онъ поѣхалъ уже по горной дорогѣ, ведущей внизъ. Аполенка посмотрѣла вверхъ на «шиплекъ» и увидѣла на приспѣ двухъ мужчинъ, слѣдившихъ за ѣхавшими. Узнала ихъ. Одинъ небольшой, въ темномъ полушубкѣ, былъ старый Кубина, а около него справа, стоялъ стройный сынъ его отъ первой жены Вячеславъ. Она хотѣла еще разъ оглянуться, но темный домикъ исчезъ, а съ нимъ и его хозяинъ. На лѣво видѣлась бѣлая стѣна снѣгу, направо разстилалась равнина, одѣтая бѣлоблестящей исленой. Старый Кубина стоя на приспѣ, долго смотрѣлъ въ ту сторону, куда исчезли сани. Лицо его было темнаго цвѣта, морщинистое. Изъ подъ черной баранковой шапки выбивались сѣдые волосы. Надъ малыми, сѣдыми глазами шли дугой густыя сѣдыя брови. Носъ былъ нѣсколько великъ и согнутъ. Скрылись сани, пропала вдали в звукъ бубенчиковъ, а старый Кубина все еще стоялъ на приспѣ. Онъ упорно смотрѣлъ на стоищій ниже прекрасный домъ сосѣдей. Брови старика наморщились, на изможденномъ лбу прибавилось нѣсколько морщинокъ.

Подулъ холодный вѣтеръ, застонали голыя вѣтви деревьевъ. Тутъ кто-то положилъ старцу руку на плечо. Этотъ встрепенулся и испуганно осмотрѣлся, словно бы застигнутъ былъ на какомъ нибудь преступленіи. Увидѣвши кума Желизку, длиннаго и сухаго человѣка, онъ спросилъ его мрачно:

— „Съ какой вѣстью пришелъ?“

— „Ничего можемъ ѣхать.“

— „Павѣрно?“

— „Почти такъ. Но пойдѣмъ въ свѣтлицу. Эти молодцы бродятъ постоянно на дворѣ и если бы увидѣли меня здѣсь, этого было бы достаточно для нихъ.“

— „Есть кто у васъ?“

— „Нѣту, только одна жена. Идемъ!“

Желизко, согнувшись, нырнулъ въ мрачныя стѣны. За нимъ вошелъ Кубина, осмотрѣвшись по двору и на гумно. откуда долетали звучные удары цѣповъ. Гумно было малое. Таково же было и то строеніе, гдѣ помѣщалась семья Кубины. Соломенная крыша была покрыта мхомъ, деревянныя стѣны покривились. Оконъ было мало, стѣны темныя, грязныя, безъ полу. Въ самой комнатѣ люди еле не ударялись головой о черный потолокъ. Стѣны были когда-то побѣлены, но извѣсть почти вся облѣзла, а если гдѣ и осталась, то потемнѣла отъ дыму и грязи. Вдоль стѣнъ ткнулись низкія скамьи. Деревяннаго полу не было; онъ состоялъ изъ плотно убитой глины, какъ въ овинѣ. Направо отъ двери находились полки, гдѣ стояла миска, нѣсколько глиняныхъ тарелокъ и два стакана. Въ углу надъ стариннымъ столомъ висѣли три рисованныя на стеклѣ иконы. Вездѣ видна была бѣдность и грязь.

— „Не годилось бы вамъ жить, словно въ псарнѣ!“ говорили на селѣ хозяйки. „Да чтожъ этотъ старый хрычъ! Подумаешь, убавится всего, когда хоть немного помогутъ и приберутъ. Словно каменная стѣна сдѣлался онъ отъ такой жадности!“

О немъ рассказывали удивительныя вещи. Ничего не добивался ни для себя, ни для дѣтей. Кромѣ сына Вацлава отъ первой жены, онъ имѣлъ еще сына и дочь отъ второй. Всѣ должны

были работать съ утра до вечера—и при всемъ томъ не имѣли никакихъ удовольствій, даже порядочнаго платія. Да и самъ онъ выглядывалъ не лучше; лѣтомъ совсѣмъ не обувался, и отъ работы даже сгорбился. Только въ воскресенье, идя къ обѣднѣ, несъ обувь въ рукахъ и надѣвалъ ее лишь предъ мѣстечкомъ. Свѣчи никто не видѣлъ у Кубинъ. Зимними вечерами зажигали лучину, а лѣтомъ совсѣмъ ничего не зажигали, развѣ ужъ въ страшную бурю горѣла въ темной избѣ тонкая страстная свѣчка. Пища ихъ была скудная: убитымъ зимой вепремъ они питались, но слухамъ, до самой Пасхи. О подаркахъ, на что у Залѣскихъ шла цѣлая свинья, не было и рѣчи.

Старый Кубина вошелъ съ Желизкомъ въ сѣни. Жена его сидѣла у станка, за которымъ шла работа зимой у Кубинъ, иногда при участіи и сыновей. Черезъ минуту тайнаго разговора Желизко ушелъ, а Кубина сказалъ женѣ: „приготовь поскорѣе ужинъ, передъ сумерками поѣдемъ.“ На гумнѣ, по уходѣ хозяина съ Желизкомъ, молотили свободнѣе. Старшій сынъ Вацлавъ былъ, какъ говорили на селѣ, въ дѣда. Веселый, бойкій, онъ не уступилъ бы и въ суетности дѣду, если бы младѣлъ *замкомъ.*

Подобно ему, не получалъ денегъ отъ отца и младшій его братъ, Іоза, но все таки умѣлъ ими кое какъ заводить. Іоза и сестра его Марія были въ мать. Они уступали во всемъ своему неродному брату и больше, чѣмъ онъ, боялись отца.

Возвратившись въ ригу, Вацлавъ сказалъ: „Залѣсская съ Анноленой поѣхала куда то“. Іоза быстрѣй колотилъ по жити и болѣе наклонился.

— „Ихъ Іеникъ повезъ?“ спросилъ онъ чрезъ минуту.

— „Нѣтъ, старшій“—Марія боязливо посмотрѣла на братьевъ.

— „Поѣхали къ Л. на масляную. У сестры Залѣской будетъ также и Антонинъ Боровскій. Старая Залѣсская охотно бы заманила его въ замокъ. Да онъ имѣетъ въ Маховѣ другую невѣсту. Получить домъ и массу денегъ. А тутъ онъ имѣлъ бы имѣніе съ

долгами“ и Вацлавъ засмѣялся. Юза и Марія были спокойны. На дворѣ раздался сухой кашель. »Отецъ идетъ«—и дѣти поспѣшно опять бросились къ житу.

Въ дверяхъ показалась согнутая фигура въ сѣромъ тулупѣ съ чернымъ баранковымъ воротникомъ: „Вацлавъ! ступай, накорми лошадей; а ты, Юза, приладь тяжелыя сани. Марка, покончи здѣсь и иди помочь матери.“ Затѣмъ повернувшись онъ вышелъ; симовья за нимъ. Марія, взявши грабли испуганно, оглянулась. Она была небольшого роста, на головѣ имѣла старый платочекъ, далеко не закрывавшій ея блѣднаго лица. Голубыя очи были полны доброты и спокойствія.

Нагнувшись къ щели стѣны, сквозь которую проникалъ морозный воздухъ зимы, дѣвушка посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ была видна крыша »замка,« надъ которымъ раскидисто возносились голыя верхушки липъ.

Повѣсилъ холодный вѣтеръ и погналъ передъ собой бѣлые вихри рыхлаго снѣгу. Марія одѣтая очень легко, вдрогнула и вздохнувши стала грестъ. Вацлавъ засмѣялся, найдя въ сѣняхъ отпѣренную порцію лошадамъ. „Старая лисица!“ подумалъ онъ: никого не впустить на верхъ—да ошибся!“ Кубинова варила картофель. Темнѣло. Небо не багрилось на западѣ: солнце заходило въ тучахъ. Скоро выросла одна, огромная и сѣдая, и вѣщала мятель. На чердакѣ бродилъ старый Кубина. Онъ заперъ всѣ двери и сундуки, возвращался и пробовалъ, хорошо ли заперто, боязливо осматривался, словно трусъ, либо воръ, шупалъ у печи и стропила и отдохнувши сталъ прокрадываться по лѣстницѣ внизъ.

Марія стояла у плиты и грѣла себѣ руки. Услышавъ въ сѣняхъ знакомые шаги, она сѣла и тотчасъ же стала прятать на веретенѣ прозябшими руками нитки.

Пожинавши всталъ вмѣстѣ съ прочими и Кубина и выглянулъ на дворъ. „Чертова погода—по такъ лучше“, сообразилъ онъ. „Выведи лошадей, Вацлавъ; Юза, сядь за станокъ и работай. Смотри мнѣ за ними, старая, да не балуй!“ Послѣ этого онъ

затворилъ двери сѣней, обведя домашнихъ блуждающимъ взоромъ, и, взявши палку, вышелъ вонъ. Осмотрѣвши еще разъ двери хлѣва и риги, онъ сѣлъ въ низкія сани. Вацлавъ тряхнулъ вожжами и пара сильныхъ коней выѣхали со двора. Снѣгъ падалъ густой. Кубинова смотрѣла въ окно. Мужъ съ сыномъ быстро исчезли во мракъ заирюхи, лишь издали звенѣлъ впопокъ, пока и онъ не умолкъ.

У Кубинъ отдохнули...

II.

Іеникъ Залѣскій не слишкомъ стѣснялся хозяйничаньемъ. Родители и сестра уѣхали на масляную: почему бы и ему не воспользоваться длими веселья? Только что исчезли сани отцовскія и пересталъ доноситься звукъ звонковъ, онъ сошелъ внизъ, чтобы позабавиться до вечера въ корчмѣ. Трактирщикъ охотно встрѣчалъ его, такъ какъ Іеникъ умѣлъ погулять, какъ гуляла молодежь встарь. А если бы и не заплатилъ тотчасъ же—что за бѣда! .. Вѣдь у отца достаточно хлѣба... И нынче Іеникъ загулялъ порядочно, и лишь сумерки принудили его уйти. Онъ не желалъ, чтобы отецъ зналъ о посѣщеніи имъ трактира: до отъѣзда онъ былъ въ мрачномъ настроеніи и все твердилъ о легкомысліи, что, молъ, къ добру оно не приведетъ. Поэтому сынъ возвращался другой дорогой. Вѣтеръ гналъ ему въ глаза густой снѣгъ, но разгоряченный молодой человѣкъ не замѣчалъ этого. Онъ заранее утѣшался при мысли, какъ вынылять у Кубинъ глаза при его посѣщеніи, чрезвычайно рѣдкомъ. Онъ слышалъ отъ Тонды Калачнаго, что изъ Маріи Кубиновой вышла прекрасная дѣвушка. Живи по сосѣдству съ нею, онъ тѣмъ не менѣе мало зналъ ее: она никуда, даже на музыку, не смѣла выйти, а въ деревню въ воскресенье либо въ церковь стыдилась. И эта единственная дочь человѣка, владѣвшаго домкомъ, и, какъ говорили, достаточнымъ количествомъ денегъ, не имѣла сколько нибудь порядочной одежды!

Иеникъ натянулъ барашковую шапку на уши, такъ какъ на горѣ вѣтеръ былъ гораздо рѣзче, чѣмъ внизу. Сквозь занавѣску и мракъ мелькалъ свѣтъ въ окнахъ Кубинова дома. Цѣпная собака отчаянно начала лаять. Калитка отворилась, и удивленный Іоза ввелъ путника въ свѣтлицу. У печи пріала Кубинова. Скоро посреди избы стоялъ чернѣйшій деревянный подсвѣчникъ съ горящей лучиной. Словно ошеломленный, остановился Иеникъ у входа.

Около лучины стояла Марья. Спѣе платье ея спускалось ниже косточки босой ноги, не закрывая бѣлыхъ рукъ; плечи прикрывались короткими рукавами рубахи, далеко не изъ тонкихъ. Изъ правой руки она держала гребень. Длинные, за поясъ, волосы темнокаштановаго цвѣта были расплетены и ниспадали свободно на плечи. Она остановила свои большіе глаза на дверяхъ. Была прекрасна она въ этомъ красномъ свѣтѣ сосновой лучины. Марія испугалась, увидѣвъ Иеника. Минуту они стояли молча другъ противъ друга. Покраснѣвши, какъ роза, дѣвушка откинула гребень на скамью и закрыла голову платкомъ. Она воспользовалась отсутствіемъ отца, чтобы зачесать и заплести въ кольца свои богатые волосы. Кубинова и Іоза привѣтствовали гостя и стали съ нимъ разговаривать. Пошли распросы, отвѣты, и при этой бесѣдѣ взоръ Иеника частенько останавливался на прядущей Марьѣ. Она сидѣла, опустивши очи и лишь украдкой подымала ихъ на прішельца изъ «замка». Уходя онъ посмотрѣлъ еще разъ на Марью, и взоры ихъ встрѣтились. Онъ чуть было снова не смутился, какъ во время прихода.

Юноша спѣшилъ прямо домой быстрымъ шагомъ, не разбирая дороги. Онъ былъ золъ на себя. И снова видѣлъ онъ прекрасныя очи Кубиновой дочери и слышалъ ея слова „едва ли Иеникъ“ въ отвѣтъ на его вопросъ, придетъ ли она на послѣднюю предъ постомъ музыку. Верхушки стонали, дворъ былъ пустъ, родители еще не возвратились.—

День былъ ясный. Залѣсская вообще очень стояла за поѣздъ къ сестрѣ. Теперь же, при возвращеніи, когда такъ сильно мело и дулъ такой вѣтеръ, она желала поскорѣй быть

дома въ натоиленной комнатѣ. По этой причинѣ Залѣсскій усердно гналъ лошадей домой. Выѣхала изъ лѣсу и уже мчались низомъ, какъ вдругъ вѣтеръ донесъ глухой звукъ звонковъ, тоскливо раздававшійся въ этотъ темный, непривлекательный вечеръ.

„Ктобы это ѣхалъ въ такую непогоду?“ мелькнуло у всѣхъ. Поѣхали тише, чтобы не столкнуться на узкой дорогѣ. Скоро показались большія сани, везомыя парой здоровыхъ коней. На саняхъ видѣлись три темныя фигуры. Залѣсскій напрягалъ усиленно свои зрачки, чтобы разсмотрѣть позднихъ путниковъ. Онъ узналъ ихъ, лишь проѣхавши нѣкоторое пространство, по знакомому смѣху Кубины, фантастически раздававшемуся во мракѣ ночи. „Черти!“ прогремѣлъ Залѣсскій и сильно ударилъ по лошадямъ, такъ что онѣ, дико подскочивши, понеслись, словно въ обгонку съ вѣтромъ. Женщины на саняхъ вскрикнули, и Залѣсская стала кричать къ мужу, но тотъ ничего не слышалъ, и кони неслись по прежнему, пока фыркая не остановились у воротъ «замка» Чернымъ лѣсомъ, на которомъ падающій снѣгъ образовывалъ все болѣе и болѣе густую кровлю, ѣхалъ быстро Кубина съ сыномъ Вацлавомъ и Желнзкомъ, который ожидалъ его за селомъ у старой ели. Хотѣли, чтобы въ селѣ не знали, куда ѣдетъ Кубина. Всякій, увидавъ Желнзка на саняхъ стараго Кубины, догадался бы, что они ѣдутъ въ Пруссію, чтобы провезти въ Чехію контрабанду: Желнзко былъ извѣстнѣйшій въ окрестности контрабандистъ, которому были знакомы всѣ лѣсныя и горныя тропинки, тайные ходы и уловки сторожей.

Кубина недавно взялся за это опасное ремесло. Сначала онъ былъ лишь извозчикомъ и провозилъ счастливо при помощи Желнзка товары для кушца изъ сосѣдняго мѣстечка. Послѣ и самъ сталъ покупать. Чрезвычайные барыши закрывали ему глаза на всѣ опасности.

Онъ уже давно имѣлъ цѣль, которой хотѣлъ достигнуть при жизни. Онъ много работалъ, состарился и увидѣлъ, что все еще далеко до цѣли, и что такъ, пожалуй, и не достигнешь ея... Нужно было много денегъ... Тутъ явился Желнзко и указалъ, какъ

ихъ добыть. Немало дивились сосѣди, что Кубина продалъ своихъ коньковъ и купилъ пару статныхъ воронцовъ. Сразу догадались, въ чемъ дѣло, но никто не выдалъ старика сторожамъ, хотя и не очень долюбивали его. Селяне тогда были себѣ на умѣ, а зеленые пташки, пограничные сторожа, рады были пропустить мимо очей... Покуда Кубинѣ везло.

На горахъ шумѣлъ вѣтеръ, но въ лѣсу по дорогѣ было спокойно. Вдругъ Желзко схватилъ Вацлава за руку и прошепталъ: „Стой!—я слышалъ свистъ.“ Затѣмъ, выскочивши изъ саней, онъ пошелъ впередъ нѣсколько шаговъ. По вѣтру раздался сильный свистъ, на который кто-то со стороны отвѣчалъ такимъ же образомъ. Желзко воротившись постоялъ у лошадей, затѣмъ вскочилъ въ сани и приказалъ ѣхать. Коней пустили рысцей, звонки были спрятаны въ карманъ длиннаго Желзка. Скоро показались двѣ темныя фигуры съ огромными мѣшками на спинахъ. „Наши. Вѣрно. Ну, ѣды!“ Вацлавъ хлопнулъ бичемъ, и воронцы помчались по ровной дорожкѣ, словно стрѣлы.

Одѣтый въ сѣрый тулупъ, поднявши баранковый воротникъ до самыхъ ушей, сидѣлъ старый Кубина, опираясь о рѣшетку саней, и смотрѣлъ упорно въ темноту, не обращая вниманія на свѣтъ и вѣтеръ. Его мысли блуждали дома, въ коморкѣ: тамъ онъ считалъ чистую иручку и на гербовомъ листѣ усыѣхаясь вписывалъ нѣсколько цифръ. словно видѣнія, исчезали въ глубинѣ лѣса кони. Въ «замкѣ» еще свѣтилось.

Хозяйка раздѣвалась, и на рукахъ у ней былъ весь праздничный уборъ: широкій шелковый фартухъ съ чудными цвѣтками, дорогое платье, черная кацавейка, шелковые платки и много другихъ дорогихъ вещей. Все блестѣло, шелестѣло—но на лицѣ ея видно было неудовольствіе. Старый Залѣсскій, полураздѣтый, сидѣлъ у стола, опираясь лицомъ на руку. И онъ былъ пасмуренъ. Напрасно устроила Залѣсская выѣздъ дочери, напрасно высчитывала, что за ней уже наготовлено: женихъ, на котораго она рассчитывала, ухаживалъ уже, какъ справедливо сказалъ Вацлавъ, за другой и былъ уже помолвленъ съ нею

Но большаѣ забота тяготила Залѣскаго; жена начала упрекать его, но онъ мало внималъ ей.

— „Вѣдь ты ни на что не обращаешь вниманія“, говорила она: „даже на родное дѣтище. Вѣдь пора уже позаботиться о ней.“

Онъ усмѣхнулся странно: „Да, да, пока еще мы здѣсь, чтобы можно было отправить свадьбу еще въ «замкѣ».“ И опъ посмотрѣлъ на жену, которая выпялила на него удивленные глаза. „Удивляешься? Вотъ видишь—не заботишься о хозяйствѣ, въ головѣ у тебя другія вещи. Я бы и не поѣхалъ съ вами, да думалъ, что шуринъ ссудитъ мнѣ кое какія деньги. А онъ или не имѣлъ, или не хотѣлъ.“

— „Ужель такъ далеко зашло?“ пропентала Залѣсская, сложивши руки, словно ошеломленная.

— „Да, далеко. Послѣзавтра понадобятся шестьсотъ.“ Онъ замолчалъ. Чрезъ минуту продолжалъ: „Я знаю одно средство помочь намъ. Іеникъ долженъ выгодно жениться, найти невѣсту съ деньгами, а такая есть..“

— „Гдѣ?“

— „У того, кто насъ почти на половину пмѣетъ въ своей горсти—у Кубины“. Выговоривши это имя, Залѣскій склонилъ голову и вздохнулъ.

— „Кубина—Кубина!“

Жена его была огорчена, смертельно ранена въ своей гордости. Ея сынъ долженъ былъ взять невѣсту изъ бѣдной хижинны, изъ того нищаго гнѣзда?! Ея сыну приходится стать зятемъ того алчнаго, старосвѣтскаго Кубины?!

— „Вотъ то будетъ, какъ нашъ Іеникъ не найдетъ другой невѣсты!“ промолвила она наконецъ. „Пусть себѣ ищетъ!“ процѣдилъ Залѣскій съ горечью.

Онъ замолчалъ. Она склонила голову...

У Кубины уже не свѣтилось. Кругомъ ветхой хижинны гулялъ вѣтеръ, нагоняя снѣгъ къ окнамъ и къ порогу. Всѣ спали. Марія не слышала буйства стихій. Она забыла о трудной дѣй-

ствительности. Сонъ все перемѣнилъ. Ей казалось, что она сидитъ за строеніями въ ольховомъ лѣску. Вѣтеръ развѣиваетъ ея длинныя темныя полосы. Вотъ подкрался къ ней Іеникъ и, склоняся надъ ней, гладитъ ея кудри. .

III.

Послѣ бурной ночи насталъ ясный день. Уже къ полудню возвратился Кубина съ сыномъ. Задолго еще до села Желизко исчезъ въ поляхъ, навѣсивъ предварительно лошадамъ звонки. Марья, сидѣвшая у окна, первая услышала звукъ знакомыхъ звонокъ. Выбѣжавши, она молча помогала брату отпирать лошадей. Въ семьѣ Кубиновъ было не принято много говорить. Сердечное слово рѣдко когда произносилось тамъ.

Морщинистое холодное лицо отца было словно туча, которой избѣгалъ каждый лучъ радости. Лишь когда отошелъ этотъ суровый старикъ, всѣ въ домѣ отдохнули, и мать пустилась въ разговоръ съ дѣтьми.

Вошелъ въ комнату Кубина. Жена тотчасъ же испытующе посмотрѣла на его лицо.

Всякій другой, знавшій Кубину, сказалъ бы, что на лицѣ его не видно было никакой перемѣны: тоже лѣдяное спокойствіе и строгость, какъ и въ другое время. Но Кубинова мгновенно примѣтила, что его густыя брови дальше другъ отъ друга, чѣмъ обыкновенно, что губы не такъ крѣпко сомкнуты. Она догадалась, что ему была удача въ дѣлахъ. Говорилъ онъ менѣе отрывисто и коротко. Да отчего бы и нѣтъ! Товаръ счастливо привезенъ въ мѣстечко; въ полѣ старикаго селянина находилась кругленькая сумма за провозъ и за товаръ, отчасти и имъ самимъ купленный. Прежде чѣмъ хозяйка подала на столъ кушанье, и дѣти воротились со двора, Кубина привелъ въ порядокъ денежные счета въ коморкѣ, и деньги исчезли изъ пояса. Только что Кубина успѣлъ поѣсть съ Вацлавомъ, отворились двери, и въ свѣтелку вошелъ Залѣсскій. Нечего говорить, что Кубинова и дѣти ея удивились этому посѣщенію не менѣе, чѣмъ и вчерашнему Іеника.

Кубина спокойно поворотилъ голову къ дверямъ. Никто не замѣтилъ, да и не могъ замѣтить, какъ блеснули его глаза подъ сѣдыми бровями. Мигалъ, и затѣмъ опять смотрѣлъ, какъ и всегда холодно, но пронзительно. Онъ привѣтствовалъ сосѣда, и дивная усмѣшка обнаружилась при этомъ на мадоразговорчивыхъ устахъ его. Говорилъ Залѣсскій о томъ и о семъ: о погодѣ, о полхѣ, о вѣдѣ; наконецъ объявилъ, что желаетъ поговорить съ Кубиной съ глазу на глазъ. Ушли въ комнату. Кубинова и дѣти смотрѣли другъ на друга вопросительно и удивленно. Соображали, что привело къ нимъ сосѣда, и конечно лишь вполонину вѣрно.

Въ темной комнатѣ, освѣщаемой лишь скромнымъ свѣтомъ чрезъ грязное окошечко, сидѣли Кубина въ темномъ тулупѣ и Залѣсскій. Этотъ послѣдній теперь не представлялъ изъ себя богатаго помѣщика пѣзъ «замка», всюду занимавшаго первенствующее мѣсто. Онъ сидѣлъ здѣсь, словно пришибленный. Было видно, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не зналъ, какъ приступить. Наконецъ, послѣ разныхъ околесицъ онъ высказался: спросилъ Кубину, отдастъ ли тотъ свою дочь Марію за Існика.

Услышавши это, Кубина измѣнился нѣсколько въ лицѣ, чего съ нимъ давно не бывало. Старый лисъ провелъ нѣсколько разъ рукой по сѣдымъ волосамъ и затѣмъ началъ говорить, да какъ! Каждое слово его было, словно ножъ, словно обито медомъ, а сверху засыпано жгучимъ перцемъ. Старый Кубина мстилъ, мстилъ за все! За презрительное отношеніе обитателей «замка» къ нему и его семьѣ, за насмѣшки гордой помѣщицы и ея дѣтей. Ко всему тому онъ питалъ сильную зависть къ Залѣсскому, какъ обладателю «замка», когда то принадлежавшаго Кубинамъ. Наругавшись вдоволь надъ сосѣдомъ, онъ объявилъ, что Марія еще молода, что она нужна его женѣ въ хозяйствѣ, что, наконецъ, вообще, нѣмѣсть еще довольно времени для выхода замужъ.

— „Но не сердись, сосѣдъ—я очень хорошо понимаю... Все еще можетъ случиться и лучше будетъ, если такое дѣло будетъ обдумано, какъ слѣдуетъ. А потому будемъ, какъ всегда, хорошіи другъ съ другомъ!“

И Кубина усмѣхался сладко и вмѣстѣ дьявольски и подавалъ Залѣсскому руку. Но тотъ не видѣлъ ея. Его словно облили горячей водой. Жгло его между глазами, подступала къ головѣ кровь. Кубина сіялъ. Собесѣдникъ его всталъ, посмотрѣлъ проницательно въ лицо сосѣда и, когда замѣтилъ эту усмѣшку, тотъ блескъ запавшихъ очей, сжалъ кулаки. Въ немъ пробудились старая гордость и злость. Но затѣмъ промелькнула у него мысль о долгѣ, который ему приходилось непременно заплатить. „Хоть бы это сдѣлалъ старый скряга,“ думалъ Залѣсскій, „хоть бы съ этой стороны облегчилъ... Нѣтъ—нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ, да если бы и ..“

— „Знаю, понялъ я васъ теперь,“ сказалъ Залѣсскій мрачно и бросилъ еще одинъ взглядъ на согбеннаго старика, стоявшаго передъ нимъ и бросающаго блестящіе взоры; а тотъ старикъ такъ тѣшился его униженіемъ! Залѣсскій ушелъ быстро. Кубина посиѣднлъ за нимъ, сталъ въ сѣняхъ у дверей и смотрѣлъ въѣдъ за сосѣдомъ, пока тотъ не исчезъ въ воротахъ своего дома. И снова появилась усмѣшка на устахъ стараго вора, и очи его свѣтились чуднымъ блескомъ, какъ очи кота, загрызающаго съ мышью. „Нѣтъ, ты такъ не уйдешь отъ меня, и еще спадетъ твоя гордость!“ шепталъ онъ. А воротившись въ избу и ставши около жены, сказалъ: „ну, старая, были у насъ сговоры, а ты не спекла бабки, не принесла доброй горѣлки! Тутъ всѣ еще болѣе удивились, нежели раньше, когда пришелъ Залѣсскій. Точно свѣтъ переверотился. Скорѣ старая ольха за дожомъ позеленѣла бы зной, чѣмъ Кубина сказалъ бы что на вѣтеръ. Это не возможно! Но неужели же Залѣсскій и всаправду считалъ Марью за сына?! Въ эту минуту всѣ были точно во снѣ. Лишь Марьино сердце забилося въ сладостномъ предчувствіи. Краска покрыла ея блѣдное личико. Она словно увидѣла въ сухой пустынѣ прекрасный цвѣтокъ, словно услышала нѣжные звуки въ мертвой, давящей тишинѣ. Кубина съ минуту смотрѣлъ на всѣхъ, затѣмъ сказалъ: „Видѣли, какъ уходилъ онъ? Онъ думалъ, сомлѣю отъ радости. Очень благодаренъ за такую честь. За моей дочерью должны

явиться иные женихи, а не то, что Іеникъ изъ »замка.« И старый селянинъ выпрямился.

Наступило гробовое молчаніе. Всѣ смотрѣли на пзмѣнившася главу семьи. Только Марьица склонилась къ веретену, словно бы хотѣла протянуть перервавшуюся нить. Круги ходили у нея предъ глазами, не видѣла она ни веретена, ни нити. Ударъ о полъ всѣхъ пробудилъ. То уняло веретено на черный полъ, и Марьица шатаясь, смертельно блѣдная, ушла изъ избы.

IV.

Въ »замкѣ« было настоящее Божье попушеніе. Гордой помѣщицѣ ужасно досадно было, что мужъ долженъ былъ отправляться въ хижину за невѣстой сыну. Видъ она представляла себя ее богатой красивой дочерью изъ какого нибудь дворца; а теперь должна была хозяйничать въ домѣ такая ничтожная дѣвушка, что не имѣла даже порядочнаго платья! Но она окончательно вышла изъ себя, когда узнала отъ мужа, что изъ всего дѣла ничего не будетъ, что Кубина не желаетъ ниѣтъ затемъ Іеника. Оправившись нѣсколько отъ этого погрома и пзливши весь гнѣвъ на Кубину и его семью цѣлымъ потокомъ язвительныхъ словъ, она набросилась на мужа, зачѣмъ онъ шелъ туда, зачѣмъ дался въ обиду старому хрычу. Залѣсскій съ своей стороны винилъ жену во всемъ, приводилъ ей пеховяекъ, беззаботныхъ женщинъ въ прииѣръ того, что она думала только о блескѣ, шикѣ и нарядяхъ, что убирала дочь, словно принцессу какую, что подвела сына подъ утрату. Словомъ, оказывалась обоюдная вина: мужъ не заботился, жена мотала...

Для Іеника это была тяжелая рана въ сердце. Въ душу его глубоко запалъ образъ Марин, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ съ распущенными волосами, озаренную краснымъ огнемъ лучины. Онъ зналъ, что Марья—дѣвушка добрая и тихая и была бы для него хорошей женой. Онъ представлялъ ее себѣ живущею въ »замкѣ«, хорошо одѣтой, неуступающей въ красотѣ никому изъ знакомыхъ ему дѣвушекъ. Теперь же все пропало.

Масляница клонилась къ концу. Въ это веселое время Залѣсскій долженъ былъ побывать въ трехъ мѣстахъ, гдѣ были богатые невѣсты, и отовсюду воротился ни съ чѣмъ. Въ окрестности уже знали его намѣренія, а въ родномъ селѣ онъ никуда не смѣлъ отважиться. Время проходило, наступилъ конецъ масляной. Сани то и дѣло летали, цѣлый день звенѣли колокольчики, бубенчики, и раздавались веселые звуки шарманокъ.

Показались маски, медвѣдь съ горохового поля, жидъ и прочія глупыя фигуры съ причудливыми инструментами. А въ замкѣ было тихо. Хозяинъ прохаживался по комнатѣ, опустивше голову. Часто останавливался онъ у окна и смотрѣлъ задумчиво вдаль. Брови его были сдвинуты, глаза смотрѣли тускло. Въ это короткое время онъ сильно подался и много постарѣлъ.

Въ одну недѣлю вышло двѣ жалобы и два отказа. Хозяйка сердилась. Она слышала звонки, музыку, смѣхъ; въ прежнія годы и въ замкѣ было очень весело—нынѣ же тихо, какъ въ гробу.

Прошелъ день, наступили сумерки. Въ комнатѣ, глядя въ окно, наполовину покрытое лдяными цвѣтами, сидѣла Аполонка и плакала. Въ деревнѣ звучали веселыя пѣсни, гремѣли музыканты предъ трактиромъ. Въ трактирѣ бумсѣмалъ Іенникъ—въ послѣдній разъ. Съ напускной веселостью онъ танцевалъ и ликовалъ. Онъ чувствовалъ, что все было бы иначе, если бы Марыцца была его. Онъ пилъ назлость и то и дѣло требовалъ музыки. Въ этотъ день и Кубина далъ своимъ сыновьямъ денегъ на музыку, чему не мало всѣ дивились, а Марію взялъ съ собой. Жена его рано улеглась. Жаръ въ печи потухъ.

Кубина пошелъ въ коморку и зажечь тонкую салютную свѣчку. Онъ осмотрѣлся кругомъ. Ничего, кромѣ стѣнъ узкой и темной комнатки, когда то давно уже бѣлennыхъ, а теперь почернѣвшихъ и пожелтѣвшихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ лишены были и штукатурки. Пламя свѣчки падало на замерзшее окно, на которомъ сверкали лдяные цвѣты. Кубина усѣлся у маленькаго стараго столика, стоявшаго предъ окномъ. Вытанувъ изъ за пояса маленькій ключъ и тихонько отперши ящикъ стола,

онъ наклонился надъ нимъ. Тамъ лежали долговья записи и черниый кожаный мѣшечекъ. Долше всѣхъ просматривалъ Кубина записи Залѣскаго Затѣмъ, выложивъ изъ мѣшечка деньги, онъ сталъ считать ихъ, при чемъ тусклые обыкновенно глаза его и цѣлое лицо, всегда такое холодное и строгое, оживились. Вставши онъ еще разъ пересчиталъ деньги и задумался. Что то фантастическое было изъ его фигурѣ, облаченной въ темный тулупъ съ чернымъ баранковымъ воротникомъ, до половины закрывавшимъ затылокъ. Сѣдые волосы ниспадали на морщинистый лобъ. Онъ былъ въ глубокой задумчивости. Здѣсь на столѣ лежали плоды его муравьиного старанія—деньги, которыхъ такъ не доставало его предкамъ, которыя такъ связывали обитателей замка. Ради этихъ бумажекъ онъ урывалъ кусокъ у своего рта, не позволялъ себѣ никакихъ удовольствій, хлопоталъ съ ранняго утра до поздней ночи. Ради ихъ онъ избѣгалъ людей, сдѣлался скрыгой; его не любили, не уважали, насмѣхались, а нѣкоторые боялись. Но зато Залѣсскіе скоро пойдутъ по той дорогѣ, по которой шелъ онъ со своимъ отцемъ, когда «замокъ» былъ проданъ за долги. Все достояніе владѣтеля «замка» должно быть продано вскорости. Кубина зналъ это и считалъ, что будутъ требовать за него. Долговая записи и деньги на столѣ—и не многого не хватаетъ. Еще одна поѣздка въ Пруссію, и ему будетъ возможно выложить деньги за «замокъ» до послѣдняго крейцера. И онъ опять будетъ владѣть тамъ, гдѣ владѣли его предки, умереть подъ той кровлей, подъ которой и родился.

Въ темнотѣ ночи доносились снизу звуки веселой музыки. Кубина ихъ не слышалъ; его сердце давно умерло для этихъ звуковъ, не веселилось ими, не имѣло потребности въ юношескихъ увеселеніяхъ. Но вотъ—вотъ подойдетъ время, и онъ гордо взглянетъ внизъ съ высоты замка.

Кубина очнулся отъ своихъ думъ. Собравши бумаги, онъ снова заперъ ихъ. Ключъ спряталъ за поясъ и, поставивъ свѣчку въ старый кучерской фонарь, стоявшій на полу около стола, проскользнулъ въ сѣни. Въ комнатѣ онъ остановился и освѣтилъ

постель, гдѣ спала его жена. Вѣднѣжка, какъ она изстрадалась и постарѣла! Но онъ словно пропустилъ это безъ вниманія. Онъ прокрался въ сѣни, свѣти фонаремъ. Сойдя по убогимъ деревяннымъ ступенькамъ во дворъ, онъ исчезъ въ темнотѣ. Было за полночь. Онъ возвратился поздно. Только что онъ поднялся въ сѣни, раздался стукъ въ двери, заставившій Кубину вздрогнуть. Онъ потушилъ огонь и отперъ. То Иоза съ Марьицей возвращалась съ музыки, далеко не веселые и не возбужденные. За то Вацлавъ, котораго сердце было полно, словно жаворонокъ въ воздушной силетѣ, еще веселился внизу.

Въ домѣ, кромѣ Кубиновой, никто не спалъ.

На другой день къ вечеру Кубина запретъ лошадей въ сани и уѣхалъ съ Вацлавомъ. Никогда еще онъ не прилаживалъ всего такъ старательно, такъ усердно не осматривалъ саней и упряжи: это было послѣдняя поѣздка. Уѣхалъ. За деревней ожидалъ его опять Желизко. Теперь они выбрали иную дорогу. Высоко воздымавшійся сосновый лѣсъ скрывалъ свое чело въ туманѣ. Вѣтеръ гулялъ по лѣсу и полямъ, покрытымъ снѣгомъ. Мѣстность была пустынная, словно вымерла. Уже и вороны дремали на голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ.

Насталъ вечеръ, и запылали въ домахъ огни. Въ домѣ у Кубинъ было какъ то свободнѣе, и мать могла волюнѣе поговорить съ дѣтьми и отдохнуть нѣсколько. Она разспрашивала Марьину, какъ было въ трактирѣ и какъ велъ себя Іеникъ. Дѣвушка певольно вздохнула. Она стала разсказывать, какъ онъ веселился и хлопоталъ. „Іеникъ не танцевалъ съ тобой?“ спросила мать.

— „Нѣтъ сердится“—проговорила дѣвушка тихо и потушила глаза; затѣмъ добавила громче: „Аиолены тамъ не было и старыхъ.“

— „Жаль, что нашъ отецъ—Богъ его знаетъ, что влѣзло ему въ голову! Тебѣ нравится Іеникъ!“ Дочь покраснѣла и молчала. Мать вздохнула. Иоза сидѣлъ за станкомъ, опершись головой о стѣну, и смотрѣлъ въ потолокъ. Услышавъ имя дочери Залѣскаго, онъ вдругъ погналъ челнокъ и энергично схватился за работу. Характеръ его былъ тихій, материнскій. Ростомъ былъ высокъ; ста-

тепѣ; на лобѣ ниспадали мелкія кольца черныхъ кудрей. И онѣ тоже страдали отъ униженія Залѣскаго! Теперь же нечего болѣе и разсчитывать на Аноленку. А веселое это существо съ блестящими глазенками оставило такъ зазнобу въ его сердцѣ. Случалось ли ему встрѣчать ее у музыки, онѣ не отрывалъ глазъ отъ нея. Словно вѣтеръ кружилась она, а онѣ точно боялся подступити къ ней. А тутъ еще старый Кубина никогда не разщедрится: Юза не могъ иной разъ сыгнать деньгами, какъ другіе парни. Ему казалось, что Аноленка не обращаетъ на него никакого вниманія. Напрасно: она частенько засматривалась на него, невидимо грустила по немъ и съ любовью о немъ думала. Да и какъ было не думать: не было на селѣ другаго парня красивѣе и статнѣе Юзы Кубинова, хотя онѣ и не имѣлъ кафтана изъ дорогаго сукна, шелковаго платка на шею и вышитой рубахи, какъ прочіе! А между тѣмъ онѣ нерѣдко думалъ, что ему и мечтать нечего о такой неслѣстѣ, что ей пара—другіе, а не онѣ. Но когда онѣ узналъ что Залѣскимъ не везетъ на женховѣ, что у нихъ лишь паниф блескъ и мишура, надежда утвердилась въ его сердцѣ. Отецъ своимъ отказомъ окончательно унижилъ Залѣскаго.

За то теперь дорога отъ Залѣскихъ къ Кубинамъ и прежде мало проторенная, должна была окончательно зарости. А тамъ прости все, о чемъ такъ часто думалъ и тужилъ Юза!

V.

Багряная заря разлилась на востокѣ надъ снѣжными горами и окрасила тучи, разложившіяся по небу, словно яркія, чудовищныя метлы. Чѣмъ скорѣе приближалась минута, когда должно было солнце поднятись надъ горизонтомъ, тѣмъ болѣе блѣднѣла заря надъ горами и въ облакахъ, и исчезалъ мѣсяцъ на западѣ. У Кубинъ уже встали, и мать затопила печь. Вдругъ послышался у воротъ топотъ ковей и визгъ саней; всѣ бросились къ окну узнать, кто такъ рано пріѣхалъ. Отца не ждали, такъ какъ онѣ обыкновенно возвращался лишь къ полудню.

Но прїѣхалъ именно Кубина. Всѣ испугались...

Сани непрежденъ, отъ вспотѣвшихъ лошадей валилъ густой паръ, а у рта бѣлѣла пѣна. У самаго Кубины сморщенное лицо было словно черная, буреносная туча. Онъ бросился въ комнату. Марьяна съ матерью дрожали отъ страха. Онъ накинудся на нихъ, почему не идутъ отпиргать. Дочь была и рада, что могла улизнуть изъ избы. На дворѣ она узнала обо всемъ.

Возвращаясь съ товарами, они уже счастливо переѣхали границу и были уже почти внѣ опасности. Но вдругъ острый глазъ Желызка увидѣлъ двухъ стражниковъ. Онъ хотѣлъ было своротить на другую дорогу, но стражники замѣтили это и, крича, чтобы сани остановились, мчались за ними. Вацлавъ погналъ лошадей; чтобы ихъ облегчить, пришлось выкинуть весь товаръ. Только такимъ образомъ удалось спастись, но товаръ пропалъ. Потери были и вообще не мала, но для Кубины въ данномъ случаѣ особенно чувствительна: все, что онъ везъ, принадлежало ему. А онъ думалъ выручить знатную сумму.

Онъ бросился за столъ и, упорно смотря на полъ, долго сидѣлъ такъ. Едва ужъ надумался поѣсть. Никто не рѣшился словечка промолвить. Старый плутъ ушелъ въ коморку и заперся. Въ комнатѣ слышали среди тишины, какъ онъ прохаживался. Усѣвшись за столъ и сложивши руки, онъ сталъ считать... Тяжело ему было. Онъ зналъ, что пора продажи «замка» не очень заставитъ себя ждать. Нынѣшняя утрата лишила его изрядной суммы. Ужели все должно пропасть? Ужели отъ него уйдетъ домъ, ради котораго онъ всю жизнь терпѣлъ и работалъ? Нѣтъ, онъ долженъ обладать имъ, хотя бы пришлось исѣмъ пожертвовать. Что разъ не удалось, удастся въ другой—но все же этого не должно было случиться—такія тяжело заработанныя деньги! И Кубина терялся въ размысленіи, сердился, и его голова падала на грудь.

Пришелъ Желызко, но не съ добромъ ушелъ онъ изъ коморки!... Подозрительный вообще и недоувѣрчивый никому, Кубина здѣсь исплившись повредилъ себѣ окончательно. Онъ выразилъ

недовѣріе Желпзку, п тотъ, разобиженный, побагровѣлъ—и начали ругня. Съ страшными угрозами ушелъ онъ. Для домашнихъ Кубина настала тяжелая пора. Онъ былъ постоянно серждтъ, и ничѣмъ нельзя было угодить ему. Часто ходилъ онъ по комнатѣ или коморкѣ подолгу и въ глубокомъ размысленіи. Что то онъ соображалъ, къ чему то готовился, но какъ-то нерѣшительно. Такъ проходили дни за днями.

Между тѣмъ Залѣскій напрасно боролся съ бѣдой, грозившей ему и его семьѣ и уже приближавшейся. Онъ слышалъ глухой ея гулъ; словно бурная рѣка, всюду проникала она—вотъ-вотъ нахлынетъ въ самыя двери. Публичннй торгъ на имущество Залѣскаго, назначенный въ самомъ скоромъ времени, подѣйствовалъ на Кубину, словно электрическій ударъ. Правда, онъ зналъ, что такъ и случится, но все таки былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ словно проснулся, и кровь быстрѣе потекла въ жилахъ, и оживилось лицо. „Наконецъ таки!“ подумалъ онъ и добавилъ: „И лишь я... О, деньги эти! Проклятая неудача! проклятые люди!“ И онъ задумался. Вдругъ, поднявъ голову, онъ крикнулъ Вацлава въ коморку. Стали уговариваться относительно новой поѣздки и рѣшили се.

На третій день послѣ этого, почти за день до срока торговъ, приготовилъ Вацлавъ сани и запрегъ коней. Кубина давалъ распоряженія на счетъ завтрашняго дня. „Но только молчите! Мы ѣдемъ въ Пруссію за углемъ!“ и его большіе глаза строго смѣрили жену и дѣтей.

— „Послушай, мужъ“, осмѣлилась обратиться къ нему нетвердымъ голосомъ жена: „страшныя предчувствія сегодня не даютъ мнѣ покою; не ѣздите сегодня. У меня отъ ужаса волосы становятся дыбомъ “

— „Глуная баба!“ загремѣлъ Кубина и отойдя сдѣлалъ впутовнщемъ три креста на снѣгу предъ лошадьми: на счастье. Подошелъ Вацлавъ. „Приготовьте, мама, чтонибудь хорошее на зубъ. Будетъ намъ порядочная работа. Съ Богомъ!“

— „Съ Богомъ!“ шептала тоскливо женщины. Сани тронулись. Лошади неохотно шли со двора.

VI.

Полночь давно прошла. На востокѣ еще не было видно ясной полосы, и небо было кругомъ затянуто; падалъ частый снѣгъ. Въ густомъ лѣсу на чешской границѣ было еще темно. Кусты и деревья покрыты были снѣгомъ, такъ что вѣтви, напоминавшія собой оленьи рога, гибли подъ тяжестью снѣга. А его все прибывало. На узкой дорожкѣ, идущей чрезъ лѣсъ, стояло четыре человекъ. Хотя они и стояли подъ деревьями, но все таки не защитили себя отъ снѣга, который покрылъ ихъ съ головы до ногъ и забѣлалъ шапки, лисьи воротники, усы и сѣрые плащи. Это были пограничные стражники. Они стояли, переминяясь съ ноги на ногу, изрѣдка дѣлая нѣсколько шаговъ по глубокому снѣгу. „Дураками, что-ли, считаетъ насъ этотъ старшій лисъ...“ началъ одинъ изъ нихъ и не договорилъ. Всѣ внимательно слушали. „На мѣста!“ приказалъ одинъ изъ нихъ потихоньку, и всѣ четверо разбѣжались по два на края лѣсной дороги. Ихъ не было видно. Наступила тишина, лишь изъ глубины лѣса завывалъ вѣтеръ и гналъ передъ собой комья снѣгу, которые задерживались у игольчатыхъ ивей. Скоро листвеино слышалось фырканье лошадей и визгъ саней. Въ темнотѣ обнаружились очертанія пары лошадей. На одной сидѣлъ мужчина въ темномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ. У саней шелъ другой, осторожно осматриваясь. Это возвращались оба Кубины съ богатымъ товаромъ. Вдругъ Вацлавъ остановился, но лишь на минуту. Затѣмъ пошелъ медленнѣе и, подойдя къ отцу, потянулъ его за тулупъ: „Вытащите оружіе—они здѣсь. Я видѣлъ за сосной поднятый краснымъ воротникъ—скорѣй!“ И Вацлавъ вскочилъ въ сани. Кубина выпалилъ глаза. Однако во мгновеніе онъ опомнился и уже собирался погнать лошадей, что бы пробиться. Но стражники выскочили изъ своихъ пріютовъ съ громкимъ крикомъ. Кубина свылся съ мыслью, что эта поѣздка должна удаться: онъ такъ все высчиталъ и сообразилъ; а теперь,

видя, что путь ему преграждетъ, онъ посмотрѣлъ на богатства, которыя везъ, — и голова его закружилась. Обыкновенно холодный, разсчитливый, онъ въ эту минуту лишился способности соображать. За то Вацлавъ, не потерявшій присутствія духа, прежде чѣмъ стражники успѣли набѣжать, успѣлъ перерѣзать постромки того коня, на которомъ сидѣлъ отецъ и отрѣзать возжи. Сильный конь, начавшій въ испугѣ отъ разныхъ криковъ подыматься на дыбы, почувствовалъ себя на волѣ и прежде нежели Кубина успѣлъ опомниться, скакнулъ, да и былъ таковъ. Тутъ только Кубина пришелъ въ себя. „Вацлавъ!“ крикнулъ онъ оробѣвши и оглянулся, не обращая вниманія на стражниковъ, которые хотѣли броситься на него. Два изъ нихъ отскочили предъ дикимъ, разъярившимся конемъ, опрокинувшимся въ снѣгъ третьяго, осмѣливагося ухватить его за узду. Четвертый погнался за Вацлавою, кото́рый воспользовался бѣгствомъ отца, чтобы освободить другаго коня и вскочить на него. Конь Кубины вихремъ мчался по темному лѣсу, и ѣздоку, пригнувшемуся къ его шее, не было надобности побуждать его къ бѣгу. Снѣгъ хлесталъ ему прямо въ лицо. Вѣтеръ вылъ и свистѣлъ. Цѣпка у хомута неустанно била коня въ грудь, безъ надобности подгоняя его. Хомутъ и ремни колотились около тѣла, постромки, мотаясь по сторонамъ, волочились по снѣгу. Вдругъ Кубина услышалъ выстрѣлъ. Нехорошее предчувствіе молніей освѣтило его душу. Онъ крѣпко схватилъ въ руку ремень, стараясь сдержать коня и прибѣгая для этого къ крикамъ. Но тщетно: испуганное животное подымаясь мчалось сильнѣйшимъ галопомъ. Кубина видѣлъ, что всѣ старанія его тщетны, что слабѣющія руки уже не въ силахъ сдержать коня, который на бѣгу выбрасывалъ копытами цѣлыя горы сыпучаго снѣгу, подымавшагося въ вышину, словно бѣлое облако. Скоро густой лѣсъ остался позади. У Кубины стало слабѣть дыханіе. Вѣтеръ все сильнѣе налеталъ на всадника, нагоняя снѣгъ въ глаза. Онъ закрылъ ихъ. Вуйный конь мчался все дальше. Нерѣдко онъ попадалъ въ снѣгъ по самую шею, но собравшись съ новыми силами, летѣлъ далѣе. Кубинѣ показалось, что кто-то схватилъ

его за плечи, что разомъ хочетъ сорвать съ него тулупъ. Онъ открылъ глаза, но затѣмъ, опустивъ голову, закрылъ ихъ. Онъ увидѣлъ себя въ чистомъ полѣ, гдѣ дико разгуливалъ вѣтеръ и растопырилъ ему тулупъ, который, словно черное крыло, мелькалъ за нимъ. Кругомъ все бѣло. Когда порѣдѣлъ снѣгъ, темнота прояснилась, и стали видны темныя очертанія деревьевъ; но лишь на мгновеніе. Опять завылъ вѣтеръ, поднялись хлопья снѣгу, и не стало ничего видно—кромѣ обширной бѣлизны полей. Лицо Кубины побагровѣло; наставшій на брови снѣгъ оледенѣлъ. Онъ чувствовалъ сначала ледяной холодъ, а затѣмъ болѣзненный жаръ. Руки, державшія поводья, цѣпенѣли и багровѣли. Онъ пересталъ мыслить. Сгибался все болѣе и болѣе и ощущалъ холодъ, проникавшій ему во всѣ члены. Конь снова влѣзъ въ снѣгъ, мгновенно выбрался изъ него и мчался далѣе. Тутъ словно кто схватилъ Кубину за голову. Онъ ощутилъ ледъ и холодныя иглы, лѣзшія ему въ морщинистое лицо. Черная шапка промелькнула въ воздухѣ и исчезла въ снѣгу. Сѣдины на головѣ стараго плута развѣялись, словно трава, колеблемая вѣтромъ. На минуту Кубина лишился чувствъ. Онъ попытался было осмотрѣться, но какія то оледенѣлыя вѣтки закрыли ему глаза. Онъ ничего не увидѣлъ и не узналъ. Конь мчался съ горы внизъ.

Рано утромъ проснулись у Кубины въ домѣ. Странная мысль была и у нихъ и не дала спать. Снѣгъ валилъ въ окна, затемняя все такъ, что подчасъ не было видно даже риги. Деревья сильно скрипѣли, сильный вѣтеръ чуть не спесь самого домка. Обитатели его въ тоскливомъ настроеніи, полные смутныхъ предчувствій, вспоминали объ отсутствующихъ.

Наконецъ вѣтеръ утихъ. Снѣгъ однако не переставалъ падать довольно густо. Кубиниха начала топить печь. Иоса сѣлся за станокъ. Вдругъ Марьяца, услышавъ на дворѣ конское ржаніе, подскочила къ окну, поблѣднѣла и въ ужасѣ крикнула: „Исусъ Марія!“ Мать и сынъ подбѣжали къ окну и увидѣли ужасное зрѣлище. На дворикъ въѣзжалъ ѣздокъ въ такомъ необычайномъ видѣ, что, не будь высокаго воронаго коня, онъ не былъ

бы узнавъ. Конь былъ весь въ снѣгу, а всадникъ словно торчалъ изъ снѣга, скорчившись надъ хомутомъ. „Тата!“ вскрикнули всѣ въ одинъ голосъ, и Іоза побѣждалъ отворить дверь, которую затворили, чтобы не палетѣло снѣгу въ сѣни. Всѣ ужаснулись, увидѣвъ отца въ такомъ положеніи. Онъ весь оцѣпенѣлъ отъ холода. Непокрытая голова и лицо были въ снѣгу, волосы въ беспорядкѣ падали на лобъ и щеки.

Іоза ссадилъ его съ коня и снесъ въ комнату. Марья распрягла трясущуюся лошадь и отвела въ конюшню. Кубина упалъ на скамью, спустивши голову на грудь. Глаза его упорно смотрѣли на чернѣйшій полъ. Дочь отирала на лицѣ и глазахъ его таившіи снѣгъ, осушивала его сѣдины. Жена готовила похлебку. Нѣсколько времени никто не осмѣливался заговорить. Наконецъ Кубиниха, неся кушанье, спросила, гдѣ остался Вацлавъ. Кубина застоналъ, вскочилъ, словно хотѣлъ бѣжать куда то, но снова упалъ на грубо отесанную скамью, вопя: „Мой товаръ, мой товаръ!“

— „А Вацлавъ?“ осмѣлилась повторить вопросъ жена. „Вацлавъ!? Вы еще здѣсь? Идите, теперь же, искать... въ Домашевомъ лѣсу... Вацлавъ и мое богатство!“ И Кубина снова застоналъ и погрузился опять въ болѣзненное раздумье. Онъ словно замеръ.

Іоза съ Марьей, приодѣвшейся въ кофту, выбѣжали искать брата. Кубинихѣ было очень тяжело. Шла минута за минутой и каждая минулась мучительно, цѣлымъ часомъ. Бѣдная мать выбѣгала часто за ригу, посмотреть, не возвращаются ли дѣти. Ихъ не было.

Кубина словно не видѣлъ ничего и не слышалъ. Какъ и прежде, онъ все время спѣлъ на скамьѣ и все смотрѣлъ въ одну точку, выпиливъ странно горѣвшіе глаза. У жены выступили слезы на глазахъ. „Опомнись, мужъ!“ говорила она: „приключилось несчастье, старайся отвлечь другое Придутъ, захотятъ наказать тебя и возьмутъ деньги, какія найдутся.“ Слова эти подѣйствовали. Кубина, вставши, сознательно осмотрѣлся. Шатаясь, онъ направился

въ комнату. Скоро послышались голоса. Отворились двери, и Иоза съ двумя мужчинами внесъ на рукахъ въ комнату Вацлава, блѣднаго и окровавленнаго. Онъ былъ смертельно раненъ пулей стражника. Желизко отомстилъ страшно: онъ донесъ стражникамъ о поѣздкѣ Кубины. Кубиниха, увидѣвъ умирающаго пасынка, отчаянно вскрикнула и стала ломать руки. Самъ Кубина повернулъ, недоходя до комнаты, дрожалъ и стоялъ съ полуоткрытыми устами и палькой въ рукѣ.

Вацлава положили на постель въ углу у печи. Черезъ минуту Кубина медленно подошелъ къ сыну. Ужасъ видѣлся на лицѣ старика, одѣтаго въ темный тулупъ. Блѣдное лицо его осунулось, запавшіе глаза, словно стеклянные, смотрѣли на жертву алчности.

Тутъ отворились двери. Одинъ изъ сосѣдей кричалъ еще въ дверяхъ, не зная, что дѣлается въ углу у печки: „Что дѣлаешь, Кубина? Тебя ждали. Матѣйка купилъ «замокъ» за бездѣлицу. Говорили, что ты бы могъ...“ Онъ недоговорилъ, такъ какъ услышалъ грузное паденіе чего то. Выйдя на средину комнаты, онъ увидѣлъ въ углу лежащаго на землѣ Кубину. Старый плутъ, услышавъ, что «замокъ» проданъ уже съ торговъ, упалъ безъ чувствъ на землю и умеръ отъ удара. Послалъ было за священникомъ и фельдшеромъ, но тѣ пришли уже слишкомъ поздно... Тотъ день въ деревнѣ звонили за упокой двухъ скончавшихъ жизненное поприще.. На третій день сани повезли со двора два гроба. Иоза сѣлъ верхомъ на копя и вывезъ отца и брата. На рѣшеткѣ сапей колотилась деревянная лопата для отбрасыванія снѣга, заваливашаго дорогу до городка. Мать и сестра съ сосѣдями шли сзади. Изъ Валтѣскихъ не было никого видно. Похоронили умершихъ въ большой могилѣ. Всѣ оплакивали бѣднаго, веселаго Вацлава; но никто не жалѣлъ стараго мошенника, доведшаго своей алчностью и себя и бѣднаго юношу до гроба; лишь жена и дѣти лили обильныя слезы надъ гробомъ суроваго отца.

VII.

Въ тотъ же день, съ котораго въ хижинѣ Кубинѣ поселялась печаль, раздавался и въ «замкѣ» горькій плачь. Достояніе Залѣскихъ было продано. Сама хозяйка никогда въ жизни не допустила бы мысли, что ей, почти какъ нищей, придется выбраться изъ дома, въ которомъ она столько лѣтъ и такъ славно хозяйничала, устроила столько пировъ и угощеній... Аносна горевала съ матерью. Отецъ молчалъ и все глядѣлъ въ землю. Онъ постидѣлъ въ эти нѣсколько недѣль. Онъ не плакалъ, не проклиналъ судьбы; лишь изрѣдка глубокій и тяжкій вздохъ вырывался у него изъ стѣсненной груди. Онъ увидѣлъ свою ошибку и свое безсиліе, да было уже поздно.

Спокойнѣе всѣхъ въ семьѣ былъ Існикъ. Его тоже немало угнетала утрата «замка», но онъ видѣлъ, что ничего не подѣлаешь, и старался какъ-бы хоть что нибудь уберечь, чтобы не пришлось выбираться съ пустыми руками.

Перебрались въ хижину въ долину. Утѣшались одной надеждой, что отъ «замка» останется имъ хоть нѣсколько сотъ золотыхъ.

Залѣсская ушла изъ «замка» поздно вечеромъ: она пропала бы отъ стыда, если бы кто нибудь увидѣлъ ее выбирающеюся изъ того самаго дома, по двору котораго она прохаживалась такой павой. Она была совсѣмъ уничтожена и у воротъ подъ вѣтвистыми лианами заплалась такимъ плачемъ, что удивительно, какъ не разжалобились надъ ней эти старыя великолѣпныя деревья.

Іоза сдѣлался хозяйномъ отцовской хижины и привелъ въ порядокъ всѣ дѣла послѣ отца. Онъ осмотрѣлъ съ матерью все строеніе, обшарилъ вслдѣ, но денегъ не нашелъ.

— „Знаю, что деньги были“, говорила Кубинка: „но куда онъ спряталъ ихъ“!? Въ коморкѣ нашли лишь нѣсколько записей. Смерть Кубины была такъ мгновенна, что онъ не успѣлъ промолвить ни слова. Наконецъ, утѣшились, что современемъ на-

ткнутся на деньги; а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, можетъ быть отецъ употребилъ ихъ на товаръ, который у него отпили. Впрочемъ, много не горевали объ этомъ. Всѣмъ было проторно въ домикъ, гдѣ по крайней мѣрѣ строгое отцовское око не преслѣдовало уже каждаго ихъ движенія.

Прошла суровая зима; весна усмѣхнулась горамъ и доламъ. Завеленѣла ольха за Кубиновымъ домикомъ. Молодые листья колебалъ влажный вѣтерокъ, нагибавшій вѣтки къ темной глади „озерца“, какъ величали маленькій прудъ, окруженный отовсюду ольховникомъ. Наступили жаркіе дни.

Въ воскресенье по полудни Кубиниха ушла въ ольховникъ къ озерцу, что-бы тамъ помолиться въ тѣни деревьевъ. Марьяца ушла въ мѣстечко къ вечернѣ. Уже ей не приходилось стыдиться—братъ купилъ ей приличное платье. Іоза улучилъ эту минуту, чтобы признаться матери въ своей любви къ Аноленѣ Залѣсской и заявить о желаніи жениться на ней. Мать чрезвычайно удивилась этому, задумалась глубоко, но все таки не отказала въ своемъ согласіи. Она только посоветовала сыну попросить дядю Шимка быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ и вышло. Черезъ недѣлю въ воскресенье дядя Шимекъ облачился въ свой зеленый праздничный кафтанъ и важно пошелъ къ домику на концѣ села гдѣ жилъ Залѣсскій. купившій его за оставшіеся у нихъ нѣсколько сотъ золотыхъ. Дядя Шимекъ ушелъ, лишь уладивши дѣло. Залѣсскій и Залѣсская вспомнили объ оскорбительномъ отказѣ, полученномъ ими отъ стараго Кубины и довольно ѣдко пропались на счетъ его, но отчасти Шимекъ ихъ убѣдилъ, отчасти сами они передумали: теперь они ужъ и подавно не могли выбирать жениховъ. Такимъ образомъ бракъ Іозы съ Аноленой былъ рѣшенъ. Тогда же произошелъ и сговоръ между Іеникомъ и Марьицей Кубиновой. Іеникъ частенько ходилъ къ Кубинамъ, и Марьяца встрѣчала его съ зардѣвшимся лицомъ и блестящими глазами.

Новый владѣлецъ «замка» объявилъ, что продаетъ его. Онъ затѣвалъ новое предпріятіе, обѣщавшее большія выгоды. Но по-

купателей не было. Узнавши объ этомъ, Кубинова только вздохнула и вспомнила про покойнаго мужа: „Бѣдняжка, что то онъ натрудился! И кто знаетъ, гдѣ тѣ деньги?“ Іоза печатился, что не можетъ купить »замка« и такимъ образомъ исполнить завѣтную мечту отца, однако не грустилъ очень много. Онъ готовилъ все къ достойному принятію въ своей хижинѣ пригожей невѣсты. Стѣны были выбѣлены, полъ постланъ новый, и комната сдѣлалась свѣтлѣе и веселѣе; непривлекательный видъ остался пока еще лишь у старой соломенной крыши.

Однажды случилась страшная буря. Черныя тучи толпились надъ горами, поднялся сильный вѣтеръ, и съ неба полился ливень. Удивительно, какъ держалась хижинка Кубины среди разъярившихся стпхій. Впрочемъ, дѣло кончилось тѣмъ, что вѣтеръ раскидалъ ветхую кровлю, и дождь сталъ проникать въ комнату. Іосифъ отправился на чердакъ заложить доской самую большую дыру. Задѣлывалъ онъ ее, равнялъ и вдругъ наткнулся на что то твердое въ соломѣ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи открылся въ соломѣ жестяной сундукъ. Іоза схватилъ его обѣими руками и внимательно смотрѣлъ на него съ минуту. Онъ сталъ дышать чаще, лицо разгорѣлось, сердце забилося отъ добраго предчувствія. Онъ стремглавъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Выбѣжала испуганная мать, думая, что кто нибудь упалъ съ чердака. „Топоръ! топоръ, хуже!“ кричалъ Іоза. Всѣ были въ изумленіи. Наконецъ, сундукъ былъ открытъ. Крикъ радости и изумленія пронесся по комнатѣ: предъ глазами всѣхъ лежала куча кредитокъ и серебряной монеты въ кошелькѣ. Наступила минута молчанія Іоза дрожащей рукой сталъ считать деньги. Взгляды женщинъ поспѣшно слѣдили за его рукой. Денегъ оказалось такое количество, что можно было купить очень приличный домикъ. Посчитавши, Іоза посмотрѣлъ на мать. Ея глаза помутнились, и она громко зарыдала. Плакали и Марья, и Іоза. Серьезно и скорбно смотрѣлъ онъ на деньги, склонивъ голову. На души всѣхъ слетѣло воспоминаніе объ умершемъ старомъ отцѣ и бѣдняжкѣ Вацлавѣ. Чтоже дальше? спроситъ читатель. Онъ уже догадался, конечно, что Іоза купилъ

»замокъ,« и что тамъ скоро были шумно отпразднованы двѣ свадьбы. Онъ подумаетъ также, что на такихъ радостяхъ прояснилось лицо стараго Залѣскаго, а старая Залѣсская нарядилась въ лучшее свое платье. Оба они остались у зятя въ »замокѣ.«

Кубиниха не пожелала оставить хижинки, которая теперь, подновленная, бѣлѣлась надъ »замкомъ.« Она осталась у своей счастливой „Машеньки,“ которая, выйдя за мужъ за Ісѣика, получила въ приданое отцовскій домикъ.

ЗИМНІЕ ВЕЧЕРА

М. МИЛИЧЕВИЧА.

Переводъ съ Сербскаго А. Стороженка.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемые сербскіе рассказы принадлежать одному изъ лучшихъ въ настоящее время знатоковъ сербскаго простонароднаго быта Милану Миличевичу. Въ такихъ сочиненіяхъ, какъ »Княжество Сербскос«, »Жизнь сербскаго поселянина,« онъ превосходно описалъ свое отечество и особенности сербскаго простонароднаго быта. Но при всемъ томъ у него оставалось много замѣтокъ о разныхъ случаяхъ и впечатлѣніяхъ, которыми онъ не могъ воспользоваться ни въ одномъ изъ большихъ трудовъ своихъ. Эти-то замѣтки онъ изложилъ, по совѣту извѣстнаго сербскаго писателя Степана Любиши, въ формѣ небольшихъ рассказовъ, которые и издалъ подъ общимъ заглавіемъ »Зимніе вечера.« Два изъ нихъ предлагаемъ мы русской публикѣ въ переводѣ. Они не отличаются художественностью и мастерствомъ изложенія. Въ этомъ сознается самъ авторъ ихъ, говоря обо всемъ собраніи, что онъ обработалъ его »какъ је умео да обради један самоук.« Но за то они превосходно знакомятъ насъ съ подробностями сельской жизни въ Сербіи и

живо рисуютъ нѣсколько простонародныхъ типовъ. Мы какъ-бы лично знакомимся съ добродѣтельнымъ попомъ Матой и съ безшабашнымъ Живкомъ, съ такими крестьянами, какъ Йованъ, Живота и Степанъ. Вслѣдствіе этого наши рассказы могутъ сослужить хорошую службу для ознакомленія русской публики съ Сербамъ.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ по возможности близко къ подлиннику и въ немъ удержаны по мѣстамъ даже техническія сербскія выраженія, какъ «читакинья» (маленькая шапочка), «куча» (рус. изба, малор. хата); но при этомъ не упускалась изъ виду и гладкость русскаго слога. Въ заключеніе мы надѣемся, что оба разсказа не безъ удовольствія будутъ прочтены всякимъ образованнымъ русскимъ.

Невѣдомые апостолы.

Ничто изъ исторіи одного села въ Шумадіи

х.

Роза безъ запаха.

Бываютъ страны, поражающія своей красотой; бываютъ— удивляющія своей сумрачностью, бываютъ очень гористыя, бываютъ совсѣмъ ровныя; но мало, кажется мнѣ, странъ—такихъ цвѣтущихъ, такихъ живописныхъ, какъ Шумадія!

Въ Шумадіи нѣтъ горъ—высокихъ, какъ Ртань, нѣтъ хребтовъ—громадныхъ, какъ Копаоникъ, нѣтъ утесовъ—обнаженныхъ, какъ Сто; нѣтъ равнинъ—гладкихъ, какъ Мачва, и нѣтъ—такихъ, какъ Млава или Ибаръ; но есть въ ней холмы, обросшіе всякимъ деревомъ; есть тучныя луга, плодородныя возвышенно-

сти и цвѣтуція долины—такіа, что не можешь отвести отъ нихъ очей!

Такъ какъ шумадійскіе холмы низки и долины мелки, то легко отличить всякій горный отрогъ, который спускается отъ большихъ высотъ внизъ и тянется по низменной равнинѣ вдоль Сава и Дуная. На одной возвышенности, которая составляетъ нѣтъ длиннаго горнаго отрога, расположено село Равань; это одно изъ наибольшихъ селъ въ сѣверо-западной Шумадин.

Село это имѣетъ все, что необходимо для того, чтобы селянамъ жилось привольно. Хаты разбѣяны по широкому хребту возвышенности и по бокамъ ея; подъ хатами земля вездѣ—здоровая, покатая, твердая: нигдѣ нѣтъ ни обрыва, ни лужи, ни разбѣины; передъ хатами расположены обширные воздѣлаемые огороды; изъ боковъ возвышенности журчитъ много обильныхъ ручьевъ, такъ-что повсюду воды въ изобиліи и для людей и для скота. Возлѣ же села—кое-гдѣ въ связи съ огородами, а кое-гдѣ на ружейный выстрѣлъ отъ нихъ—зеленѣтъ дубовый и лиственничный лѣсъ, какъ какой-нибудь испанскій цвѣтникъ.

Имѣя довольно плодородной земли, живя среди лѣсу, какъ среди какого нибудь зеленаго моря, Раванцы—счастливые люди; могутъ пахать, сколько кто сможетъ, и могутъ разводить всякаго скота, сколько кому охота. Къ нимъ присосѣживаются пришлецы изъ всѣхъ странъ: изъ Сверлига, отъ Кошаонника, изъ Златибора, изъ Срема, изъ Лики и Кербаны; даже изъ земли Московской два брата, Никола и Михайло, попали въ Равань, поселились тутъ и оставили послѣ себя родъ Московлевичей!

Раванцы старожилы гордо говорятъ:

— Кто разъ напьется Раваньской воды, того потомъ и палкой нельзя выгнать изъ Равани.

И все прекрасно въ селѣ Раванѣ; все оно имѣетъ; и все въ немъ процвѣтаетъ; при всемъ томъ оно выглядитъ безрогимъ; не имѣетъ оно того, что составляетъ лучшее украшеніе всякаго села,—не имѣетъ своей церкви! Найближайшій храмъ удаленъ отъ Равани на добрыхъ два часа. И когда теплое время, здоро-

вому челоуѣку не легко пройти два часа пути отъ хаты; когда погода дурная и холодная, никто и не подумаетъ пойти; а часто и немощнаго люди желаютъ понести въ церковь....

— Э, люди, не иначе, село безъ церкви, какое прекрасное оно ни было-бъ, все равно, что роза безъ запаха! Такъ часто говорили тѣ и другіе Раваньцы. Но церковь не строится въ день или въ два; не строятъ ее одинъ челоуѣкъ или два: потому и желанье это постоянно все оставалось прекраснымъ желаньемъ...

И многіе Раваньцы часто помышляли о церкви; только помышляли они не всѣ въ одно время, а всякій тогда, когда постигнетъ его какая-нибудь бѣда. Проходила бѣда и всякій выбрасывалъ изъ ума заботу о церкви, оставляя ее тому, кого въ свою очередь постигнетъ несчастье. Въ томъ-то и зло, что люди не могутъ всѣ въ одинъ разъ пожелать того, чего дѣйствительно всѣ желаютъ, но одинъ за другимъ, одинъ послѣ другаго! .

Но въ Раванѣ было нѣсколько челоуѣкъ, которые не только въ одно и тоже время желали церкви, но и очень часто о ней говорили и всячески размышляли, какъ-бы можно было создать храмъ у нихъ въ селѣ. Съ этими людьми намъ слѣдуетъ познакомиться; ихъ не много. Вотъ ихъ имена: попъ Мата, Йованъ Степановъ, Живота Миличевъ и Степанъ Живойиновъ.

Попъ Мата—челоуѣкъ молодой; ему едва минуло 28 лѣтъ; онъ высокъ, бѣлокуръ—священникъ очень пріятной наружности. Родомъ онъ изъ одного сосѣдняго села и въ Равань перешелъ на приходъ; добрый самъ по себѣ, онъ попалъ къ добрымъ и жилъ съ ними, какъ съ родными братьями. Попъ Мата—прилично образованный священникъ; онъ знаетъ церковныя книги лучше много стараго духовника; онъ не только нѣлъ всѣ восемь гласовъ, но зналъ и все подобное; тропари, причастные стихи, херувимскую и нѣкоторыя сѣдальныя нѣлъ онъ совсѣмъ по фрушкогорски; почеркъ у него былъ разборчивый, красивый, а перо очень острое. Только всю эту его научную подготовку превосходили его природныя свойства. Онъ рано остался вдовцемъ съ двумя дѣтьми, дочкой и сыномъ, и съ своей старой матерью. Попъ Мата такъ зналъ и такъ

цѣнилъ свое достоинство, что даже самый злой языкъ никогда не находить ничего, что-бы сболтнуть про молодаго и красиваго попа—вдовца. Когда попъ Мата читаетъ какую нибудь молитву или служить гдѣ-нибудь въ церкви, въ его голосѣ звенить какая-то необыкновенная мелодія, такъ-что кажется, будто это говорить не его языкъ, а будто само сердце его изливается предъ Богомъ—творцемъ свѣта. Великую службу, которую совершаетъ попъ Мата, люди не только отстоятъ вполне, но даже тогда, когда она кончится, жалѣютъ, что была такъ коротка! Онъ часто и поучалъ людей, какъ надлежитъ имъ жить по волѣ Божіей. Раванцы слушали его, вѣруя, что молитву его самъ Богъ принимаетъ. Когда лѣтомъ запчатается небо и засуха вознамѣрится сжечь всякую травку, то, если попъ Мата созоветъ народъ и падетъ на молитву, должны откуда-нибудь появиться облачки и дождь хотя-бы крапнуть. Точно такъ вѣровали селяне и въ другихъ случаяхъ: чтобы перестали сильные дожди, чтобы исчезла гусеница, чтобы прекратился моръ на людей или скотъ, достаточно, чтобы попъ Мата съ селомъ помолился Богу!..

Йованъ Стевановъ могъ имѣть въ то время 30 лѣтъ. Онъ въ дѣтствѣ учился грамотѣ по монастырямъ, особенно въ Боговаджѣ. Въ войскѣ во времена Карагеоргія и Милоша онъ часто помагалъ священникамъ—служить, а писарямъ—писать. Вслѣдствіе этого онъ былъ прозванъ Джакъ (ученикъ) и имя это унесъ съ собою въ гробъ. Всякое церковное правило, какое запутанное оно ни было-бы, онъ зналъ, какъ какой-нибудь игуменъ; а по черкѣ имѣлъ онъ красивѣе, чѣмъ иной канстанскій ученикъ. И при всемъ томъ онъ не захотѣлъ быть ни попомъ, ни чиновникомъ..

Однажды селяне стали вынуждать его постричься въ попы, а онъ никакъ не соглашался:

— Тяжелъ уставъ, люди! не могу его выполнять, а не выполнять грѣхъ. Поэтому оставьте меня въ покоѣ!

Случайно въ село нагрянулъ владыка, а Йованъ вмѣсто то-

го, чтобы пойти съ селянами къ гостю, взять ружье и пошелъ въ Липовицу.

— Я радъ былъ-бы постричь въ попы вашего человѣка, сказалъ владыка Грекъ селянамъ:—но когда онъ не хочетъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать? Самъ онъ будетъ каяться!...

Покойный кнезь Йвко взялъ его за срезскаго писаря, но Йованъ, увидя однажды какую-то непріятную черту въ поступкѣ власти, оставилъ службу и возвратился въ село, въ хату. На другой день утромъ за нимъ пріѣхалъ кнезь и сталъ звать его на должность.

— Ничакъ не могу, кнезь, отвѣчалъ Йованъ:—лучше я буду мучиться въ Раванѣ, нежели тамъ наживать золотыя палаты!..

Когда кнезь увидѣлъ, что онъ ничего не подѣлаетъ съ такимъ упрямцемъ, онъ оставилъ его, сказавши ему слѣдующія слова:

— Я хотѣлъ сдѣлать тебя человѣкомъ, но если желаешь остаться замарайкой, то оставайся! Будешь раскаяваться!

Такимъ образомъ Йованъ уклонился и отъ поповства и отъ чиновничества, оставшись въ своей хатѣ на селѣ, какъ достойный и очень дѣльный хозяинъ. Но онъ не забывалъ книгъ и не былъ лѣнивъ въ своей работѣ. Особенно онъ любилъ заниматься посадкой и прививкой фруктовыхъ деревьевъ. Еще юношею, служа въ войскѣ, онъ по нѣсколько мѣсяцевъ посылъ въ патронатахъ по нѣскольку орѣховъ или персиковыхъ косточекъ, пока случай не занесетъ его въ Раванъ, чтобы посадить ихъ въ землю и такимъ образомъ развести въ своемъ селѣ болѣе плодовыхъ деревьевъ.

„Отъ Йовановой руки и сухое принимается“, говорили селяне въ шутку, желая этимъ показать, сколько его прививокъ всегда принималось.

Йованъ щепилъ не только свои деревца и на своей землѣ, но повсюду, гдѣ только находилъ годную дичку.

— Кто будетъ идти мимо, пусть промочить ротъ; онъ покрайней мѣрѣ десять разъ скажетъ „Богъ проститъ“! Такъ отвѣчалъ Йованъ тѣмъ, которые спрашивали его, „зачѣмъ онъ щепитъ деревца не свои“?

Йованъ очень желалъ видѣть въ своемъ селѣ церковь и школу. Когда у него первый сынокъ поспѣлъ для школы, онъ отвелъ его даже въ другой округъ, въ городокъ, гдѣ находилась ближайшая школа! Для другаго сына онъ принялъ къ себѣ въ хату одного человѣка изъ Срема, который училъ ребенка грамотѣ и помогалъ въ полевыхъ работахъ.

Въ работѣ — искусный и дѣльный; въ судѣ — разумный, справедливый и смѣлый; въ чтеніи и письмѣ — твердый; въ жизни — добрый и почтенный — Йованъ былъ въ своемъ селѣ уважаемъ какъ какой-нибудь честный старый батюшка.

Живота также былъ грамотный. Лѣтами можетъ быть былъ онъ старше Йована, а можетъ быть и нѣтъ. У Животы волчья жадность — достигнуть какой нибудь власти, чтобы привести въ порядокъ въ селѣ ограды, дороги, водопроводы и многое кое-что другое. Онъ искусно обращался съ народомъ. Онъ умѣлъ стерпѣть самыя горькія рѣчи, только-бы сдѣлать то, что надумалъ. Очень тонко умѣлъ онъ оправдать село передъ властью; зная до мелочей всѣ тягости сельской жизни и къ тому-же всегда тихій и сдержанный, онъ мудро утишалъ гнѣвъ разныхъ старѣйшинъ когда они за что нибудь сердились на село.

И Живота желалъ церкви и школы.

— Да, говорилъ онъ: — только-бы создалось, а въ нихъ я не буду много понимать: это уже твое дѣло, Йованъ, попово, да Степаново!

Степанъ былъ ихъ другъ, но моложе обоихъ; красивый, смуглолицый, съ большими волосами юноша, онъ пѣлъ церковныя пѣсни, какъ какой нибудь соловей въ рощѣ. Кроме этого онъ отличался какою-то дѣвическою смирностью жизни. Позднѣе онъ былъ и кметомъ въ Раванѣ и тогда случилось, что село приговорило одного селянина къ аресту, а тотъ не хотѣлъ подчиниться. Степанъ, какъ кметъ, просилъ этого человѣка, чтобы онъ не противился, но чтобы послушалъ село и вытерпѣлъ арестъ. За то послѣ нѣкоторые капетанскіе писары много смѣялись надъ Степаномъ и Раванцы говорили:

— Истина, что Степанъ не бьетъ куда попало, не арестуетъ кою захватить, и не привязываетъ связанныхъ людей къ забору, а вездѣ учитъ, усовершенствуетъ, а кое-кого и умиротворяетъ; за то за 18 лѣтъ его кметованья въ Раванѣ только Джорджо Баранинъ укралъ одинъ улей и пару поросятъ! А болѣе ни у кого и иглы не пропало! А теперь?...

Эти люди: попъ Мата, Йованъ, Живота и Степанъ—сходились очень часто, жили какъ братья, и совѣщались обо всякомъ общемъ дѣлѣ. Когда не когда слышалась между ними и какая-нибудь шутка, которая обыкновенно выходила отъ Животы. Такъ однажды, говоря, какъ-бы онъ желалъ сдѣлаться кметомъ въ Раванѣ, Живота сказалъ:

— Попа Мату милуетъ и слушаетъ самъ Богъ; Йована побаиваются и попы; а Степанъ, какъ запоетъ, растрогаетъ и каменное сердце. Съ нами тремя я охотно былъ бы кметомъ въ Раванѣ!

Такъ вотъ эти-то люди, тѣсно связанные дружбою, часто разговаривали и раздумывали: какъ-бы хорошо было, если-бы въ селѣ Раванѣ создавалась церковь, да звонъ всякое воскресенье оглашалъ горы и доли, да сзывалъ людей на молитву, на свиданіе, для разговоровъ и уговоровъ, для сближенья и братанья... Такіе разговоры заводили они уже и съ тѣми изъ своихъ сверстниковъ, про кого знали, что они сложатся съ ними; но они не осмѣливались выступить на сельскомъ сходѣ и предложить сооруженье церкви. Почему? Да потому, что шелъ всего еще третій годъ послѣ второго возстанья противъ турокъ и народъ былъ еще голя, какъ перстъ; не легко было ему обезпечить себя и хлѣбомъ, а не то что удѣлять еще кое-что на такіа потребности; и затѣмъ потому, что всѣ они были еще молодые люди, а село не было у нихъ въ рукахъ, но въ рукахъ тѣхъ, что были старше ихъ...

Но иногда на помощь доброму желанью являлся и случай...

II.

Когда власть-благодать.

Село Равань расположено на большой дорогѣ между Бѣлградомъ и Крагуевцемъ. Поэтому черезъ него часто проѣзжаютъ и знатные путешественники. Князь Милошъ въ короткое время нѣсколько разъ прошелъ черезъ него. Въ первую пору своего владѣчества Милошъ, путешествуя по Сербіи, рѣдко гдѣ заворачивалъ на ночлегъ въ чью-нибудь хату въ селѣ, такъ какъ тогда почти всѣ хаты были или земляныя, или лубочныя, или дощатыя, или низкія, мрачныя, тѣсныя—соломянныя; а гостинницъ— не только такихъ, какъ теперь, но ровно никакихъ—не было возлѣ дороги. За то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ князю приходилось почевать обыкновенно строили хижины, которыя назывались „господарскими хижинами“. Хижины эти состояли изъ жердей, воткнутыхъ въ землю и покрытыхъ сѣномъ, а сверху сѣна дерпомъ; внутри хижины украшалась липовыми листьями и разными душистыми цвѣтами, если только пора была на цвѣты и листья.

Въ такихъ хижинахъ почевалъ князь и вся его свита; въ селѣ онъ часто писалъ письма „Садразаму“, „Мектербашѣ“ или „Несельроду“, такъ какъ онъ очень любилъ, чтобы письма были помѣчены мѣстами малозвѣстными.

— Пусть и это мѣстечко помянутъ при царскомъ дворѣ! говорилъ въ такомъ случаѣ гордый своимъ великимъ счастьемъ Добринецъ.

Случалось, что ударить дождь и хижина промокнетъ, а письмо еще не готово, и секретарь просить, чтобы оставить его до перваго города и тамъ, чтобы написать его. Милошъ расправлялъ зонтикъ и самъ держалъ его надъ секретаремъ, пока тотъ не напишетъ письма.

— Знаю я я, мой сынокъ, говорилъ онъ;—что можно написать его и изъ города, но всякій знаетъ гдѣ городъ, а гдѣ это мѣсто не знаетъ, такъ пусть помучится и съ нимъ!.

— Да мы можемъ письмо написать тамъ, а датировать его отсюда, говорилъ секретарь.

— У. конечно еще ничего, отвѣчалъ на это князь совѣмъ своимъ способомъ рѣчи:— Милошъ много разъ на вѣку долженъ былъ говорить наперекоръ дѣйствительности, а здѣсь не долженъ, да и не хочетъ. Поэтому молчи и пиши!

И секретарь, естественно, долженъ былъ подчиниться.

Господарскія хижины обыкновенно строились близъ дороги и на самыхъ красивыхъ мѣстахъ.

Князь путешествовалъ почти всегда верхомъ на конѣ, самою легкою рысью. Впереди его ѣхало обыкновенно два татарина, какъ вѣстники его приближенія, но они не удалялись далеко впередъ: за ними двигалась огромная толпа вооруженныхъ обывателей, а тогда уже—князь со своими восводами, секретарями и прочей свитой.

Однажды вотъ такимъ образомъ двигался онъ изъ Крагуевца въ монастырь Раковицу для какихъ-то переговоровъ съ Бѣлградскимъ визиремъ. Село Раванъ служило ему мѣстомъ послѣдняго ночлега. Посреди села на очень красивой площади возлѣ „Великой Груши“ выстроены были хижины для помѣщенія Господари.

Переночевавши тутъ, князь на другой день утромъ на лугу передъ своими хижинами собралъ жителей села Равани, чтобы переговорить съ ними, чтобы распросить ихъ кое о чемъ, чтобы разсудить тѣхъ, что ожидали его суда, и чтобы поучить ихъ, какъ-бы онъ желалъ, чтобы они жили и управлялись. Такъ поступалъ онъ повсюду, куда-бы ни прїѣзжалъ.

Разсматривая, какъ удобно расположено это село и что за дивное это мѣсто у „Великой Груши“, князь сказалъ Раваньцамъ:

— Прекрасное у васъ село, братцы! Но оно кажется безрогимъ безъ церкви. Отчего-бы вамъ не соорудить церкви вотъ здѣсь, на этомъ прекрасномъ мѣстѣ? Эти слова, какъ сообразныя съ дѣломъ, пали, какъ роса на цвѣты.

— Мы этого давно желаемъ, Господарь! отвѣтилъ попъ Мата:— да не осмѣливаемся рѣшиться; бѣдны мы еще средствами.

— Да вѣдь вы въ лѣсу, словно въ морѣ, замѣтилъ князь: нарубите и навезите дерева вы, а мастерамъ за работу заплачу я; пускай будетъ въ вашемъ храмѣ и моя лепта!

— Хвала тебѣ, Господары! сказалъ попъ Мата.—Дай Богъ тебѣ пожиты! подхватили нѣкоторые селяне:—Устроимъ такъ, что и ты, Господарь, обрадуешься, когда будешь въ другой разъ проѣзжать чрезъ Равань.

Послѣ этого князь простился съ селянами, сѣлъ на коня и полегоньку со своей свитой сталъ продолжать путь въ Раковицу.

III.

Договоръ строить домъ.

Однажды въ воскресенье собралось достаточно Раванскихъ селянъ у „господарскихъ хижинъ.“ Подъ старою „Великою Грушею“ попъ Мата отслужилъ утреню, потомъ сталъ крестить дѣтей, которыхъ принесли бабы, чтобы „привести ихъ въ законъ,“ какъ говорятъ селяне.

Взрослые между тѣмъ отошли въ сторону, посадились на травѣ и стали тихо кое о чемъ разговаривать.

— Мы, братцы, совсѣмъ какъ будто не селяне, началъ говорить Йованъ Стевановъ.

— Какъ такъ? Йованъ! спросилъ Арсеній Евтинъ.

— Да вотъ какъ, Арсеній! замѣтилъ Йованъ:—Богу мы молимся на площади, какъ будто солдаты; а дѣтей крестимъ подъ грушею, какъ какіе-нибудь бѣглецы!

— Дѣйствительно скверно, подхватилъ Панта изъ Бара; но что же дѣлать, когда монастырь далеко?

— Морѣ, какъ-бы всѣ мы соединились, то нашлось-бы спасеніе и ближе монастыря!

Въ это время попъ Мата, окончивши крещенъе, приблизился къ селянамъ и обозвался:

— Доброе утро, братцы!

— Богъ тебѣ въ помощь, попъ! отвѣтили передніе и старшіе и всѣ встали на ноги.

— Здоровыми-ли поднялись отъ сна? спросилъ попъ.

— Здоровыми, слава Богу, а ты какъ?

— Хорошо, слава Богу!

— Благослови! благословите! начали селяне, подходя по очереди къ пону, чтобы получить благословеніе.

— Богъ да благословитъ! Боже тебя благослови! говорилъ попъ всякому.

Такимъ образомъ кончилось обычное привѣтствованіе. Попъ сѣлъ на камень, селяне, которые передъ тѣмъ сидѣли на травѣ, опять помѣстились тамъ, другіе же, помоложе, стояли вокругъ.

— Да, братцы, вотъ ночью и даже не ночью, но просто утромъ, передъ разсвѣтомъ—видѣлъ я чудный сонъ. сказалъ попъ Мата.

— Пусть будетъ на добро, каковъ-бы онъ ни былъ! подхватилъ старій Пенадь.

— Дай Боже, промолвилъ попъ и продолжалъ:—Иду я какъ будто отъ моей хаты сюда и смотрю на „господарскіа хижини“ и вотъ выросла прекрасная высокая бѣлолипа, какъ какой-нибудь огромный дубъ, вотъ какъ разъ тамъ (показываетъ рукою мѣсто).

— Это не дурной сонъ, попъ, сталъ говорить Стеванъ Лица.

— Да что выросла липа, это еще не чудо, а вотъ, что она разцвѣла въ такое время года, такъ-что я, казалось мнѣ, даже оттуда съ дороги ощутилъ ся запахъ!

— Дай Боже, чтобы пристало село и чтобы исполнилось то, что тебѣ снилось, и на яву, сказалъ Йованъ, какъ-бы говоря самъ съ собою:—тогда выростетъ липа и будетъ распространять благовоніе далѣе и далѣе!...

Люди переглянулись; всѣ чего-то ожидали, но ни одинъ не могъ начать первый.

— Сонъ твой, попъ, очень хорошъ; дай Боже, чтобы былъ онъ на добро; но безъ шутокъ—что говорилъ князь Милошъ, когда ночевалъ здѣсь? Ты послѣ его отъѣзда говорилъ, что хочешь напомнить селу про церковь. Не есть-ли этотъ твой сонъ—знаменіе для церкви? Напомни теперь людямъ, чтобы намъ поговорить; увидимъ, что думаетъ село!

— Вѣрно ты говоришь, Живота; нужно напомнить селу, отвѣчалъ попъ Мата. А много нечего говорить. Вы, братцы, и сами видите, какъ намъ и скверно и тяжело безъ церкви. Такъ вотъ какъ-бы намъ рѣшиться во имя Бога, а помогать намъ будетъ какъ вы слышали, и самъ Господарь Милошъ?

— Кто бы не желалъ этого, попъ, сталъ говорить Миша Крапецъ:—да странно, что мы не въ состояніи будемъ кончить то, что начнемъ, а тогда?..

— Чего село не сдѣластъ, Миша, когда дружно возьмется? сказалъ на это Йованъ:—если мы срубимъ всякій по одному дереву, то будемъ имѣть почти весь деревянный матерьялъ, а каменный—въ горѣ надъ нами!... Если мы будемъ рубить дерево только по праздникамъ, а камень ломать только тогда, когда на себя не работаемъ, то и то выготовимъ сколько нужно и дерева и камня; когда понадобится перевезти этотъ матерьялъ, тогда мы кликнемъ людей изъ окрестныхъ селъ: всѣ намъ помогутъ и за одинъ день весь матерьялъ можетъ быть здѣсь.

— Вѣрно ты говоришь, Йованъ, подхватилъ Степанъ:—а когда матерьялъ будетъ перевезенъ, все остальное—пустяки.

— Пойдите люди! кричалъ издали нѣкто Исайло Рудичъ;—строится это церковъ, а нѣтъ землянокъ! Будетъ то, что погибнетъ скотъ, разорятся люди, продается посуда! Увидимъ, въ состояніи ли это нищіе? Легко вамъ!...

Селяне всѣ повернулись, посмотрѣли на него и никто не сказалъ ни слова.

— Выслушайте меня братцы, прошу васъ! сталъ говорить на это Живота:—хотите здѣсь пообщаемся: если, дастъ Богъ, мы сложимся, чтобы выстроить церковъ, то не будемъ заставлятъ никого принести даже и одинъ пруть? Кто хочетъ по доброй волѣ—хорошо; а кто не хочетъ, кто скажетъ, что ему тяжело—тотъ пусть сидитъ себѣ въ покоѣ! Хотите-ли?

— Хотимъ, хотимъ; это очень хорошо: это создается церковъ, а не темница!...

— Ну, а хотите-ли, братцы, спросил попъ Мата, соорудить церковь?

— Хотимъ, хотимъ во имя Бога, кричали селяне.

— Ну въ добрый часъ! радостно промолвилъ попъ Мата, потомъ скинулъ свою «читакиню» и поцѣловался прежде съ кметомъ, а потомъ по очереди съ селянами. Дойдя до Руйдича, онъ спросилъ его:—Хочешь-ли, Исайло, поцѣловаться со мною?

— Хочу-ли, чтò хочу-ли я? отвѣчалъ онъ:—ни убей меня, Боже, безъ міра; ни помоги мнѣ, Боже, безъ міра! куда все село туда хочу и я...

Вслѣдствіе этого постановили:

чтобы Йованъ хлопоталъ о деревѣ: сколько нарубить и какого; чтобы рубка происходила вовремя, дабы послѣ черви не стали точить постройки;

чтобы Степанъ заботился о камнѣ; чтобы его ломали и складывали въ сажни;

чтобы Живота ходилъ по селу и заявлялъ людямъ, когда что нужно перевезти и сколькими подводами;

попъ Мата чтобы пригласилъ мастера Зарію Осаганина. который былъ пайболѣе извѣстенъ въ округѣ, какъ плотникъ, особенно опытный въ своемъ дѣлѣ.

Въ первое воскресенье послѣ того опять селяне собрались на этомъ самомъ мѣстѣ. Йованъ сдѣлалъ красивый деревянный крестъ и принесъ его; попъ Мата призвалъ мастера Зарію Осаганина съ семьёю товарищами—мастерами. Прежде всего обозначили мѣсто, гдѣ тутъ будетъ церковь; съ мастеромъ Заріей опредѣлили поденную плату мастерамъ—по 14 грошей и харчи; затѣмъ попъ Мата облачился, Йованъ и Степанъ вбили въ землю деревянный крестъ и тутъ попъ освятилъ воду, окропилъ мѣсто и мужчинъ и женщинъ, что были тутъ.

И такъ мѣсто для церкви выбрано и освящено; мастера—найжены и договорены; по изготовленію дерева и камня—что нужно, то сдѣлано. Послѣ того, какъ все было переговорено и рѣ-

шено, разошлись всё изъ собранія, веселые и довольные — мужчины, чтобы думать и хлопотать о церкви, женщины, чтобы говорить и рассказывать объ этомъ прекрасномъ дѣлѣ....

IV.

Роза съ запахомъ,

Прошло немного времени, и уже посреди села Раваня бѣлѣлась красивая церковца, вырѣзанная изъ дерева, какъ изъ сыра. Фундаментъ въ ней каменный до нижняго вѣнца; стѣны въ ней изъ дубовыхъ бревенъ, которыя въ алтарѣ такъ закругленно вдоблены одно въ другое, что церковь представляется личной скорлупой; крыша на ней высокая и стромкая, а покрывка — тонкая листовничная шелевка — надъ алтаремъ и надъ западнымъ притворомъ такъ закруглена, что извнѣ никакъ нельзя угадать, гдѣ какая кроква подъ покрывкой. Стрѣхи подшиты тонкими бѣлыми дощечками, планочками, а края ихъ украшены рѣзбою изъ толкаго бука. Внутри въ церкви изъ буковыхъ драницъ сводъ сведенъ такъ изящно, такъ соразмѣрно, что небыло человѣка, который-бы, смотря на него не подивился искусству нашихъ умѣлыхъ Осачанъ. Раваньцы и теперь съ нѣкоторою гордостью рассказываютъ, какъ на рѣду со многими другими и самъ князь Михаилъ подивился своду ихъ церкви. Мастеръ Зарія здѣсь наиболѣе обнаружилъ: какой вѣрный у него плотницкій глазъ, какъ тоноръ послушенъ въ его руки.

Когда церковь была уже покрыта, плотникъ Зарія, хотя онъ былъ человѣкъ тяжелый, дородный и широкій, забросилъ на плечо сѣкиру и спокойно прошелъ по верхушкѣ крыши отъ западнаго угла до восточнаго. Тутъ онъ перекрестился, поблагодарилъ Бога, что ему удалось и эту верхушку воздвигнуть во славу Божию, выпилъ чарку вина, затѣмъ порожнюю чарку бросилъ на землю и она не разбилась; послѣ этого онъ снялъ ту рубаху, которую жена кмета подала ему на верхушку крыши, и тогда слѣзъ на землю!...

Вокругъ церкви огороженъ обширный дворъ и въ немъ на Троицынъ день, когда новая церковь торжествуетъ свой храмовой праздникъ, кипитъ толпа изъ нѣсколькихъ окрестныхъ селъ. Молодежь поселится, а старше сидятъ за столами, разговариваютъ, угощаются и наслаждаются усиѣхомъ своего труда. При церкви необходима была и школа; и вотъ Раваньцы собрались, да и открыли школу въ одной общественной хатѣ вблизи церкви. За учителя взяли одного Сремца, который въ короткое время выучилъ дѣтей нѣтъ въ церкви и читать апостола!

Попъ Мата, радостный и счастливый, что Богъ исполнилъ самое дорогое его желанье—имѣть въ селѣ церковь—служить всякое воскресенье и всякій праздникъ.

Йованъ занимаетъ правый клиросъ, а Степанъ лѣвый; учитель заступалъ Йована только тогда, когда послѣдній имѣлъ какое-нибудь дѣло въ алтарѣ или когда нужно было пропѣть что-нибудь постороннее: „примось“ или „достойно,“ чего Йованъ не умѣлъ.

Какое счастье для Раваньцевъ! Они соорудили церковь, открыли школу: удивляются имъ люди изблизи и издалека, а они не задолжали никому ни «пары», только, не дай Богъ жалѣться на это, немного себя промучили!

— Колпаки Раваньцы! говорили селяне изъ другихъ селъ:—собрались, сынки, и соорудили церковь, какъ ящичъ; потомъ вотъ и школу открыли, учителя достали; гляди, братъ, вотъ ученики какъ идутъ, такъ все равно что какіе-нибудь ангельчики, а какъ запоютъ въ церкви—волосы поднимаются у тебя на головѣ! Даромъ, теперь у нихъ и село много лучше! Благо селу, въ которомъ мудрые старики и послушная молодежь!

Нѣсколько лѣтъ провело село въ такомъ довольствѣ, въ такомъ весельи, въ такомъ счастьи! Люди работали, какъ кроты, а Богъ давалъ имъ обѣими руками; пѣсня раздавалась въ селѣ, въ полѣ, на лугу, въ рошѣ—куда-бы ты ни пошелъ!...

Но... злой рокъ неожиданно ударилъ!...

Покупной цѣтокъ.

Еще люди не опомнились отъ страховъ Таковского Бунта, какъ черезъ село Равань пронесся зловѣщій шепотъ: „Пришли Чаранничъ поднять бунтъ“!.....

На потномъ, усталомъ конѣ прискакалъ въ Равань пандуръ Никола и приказалъ кмету Непадѣ, чтобы тотчасъ поднялъ на ноги село и шелъ на ближайшую гору—хватать бунтовщиковъ!.

Не прошло много времени, какъ въ Равань прибылъ и старѣйшина, начальникъ отряда, который разбилъ и похваталъ бунтовщиковъ. Тутъ устроился главный его станъ и началось слѣдствіе. Чаранничъ не дался живыми въ руки, но всѣ погибли; но кромѣ нихъ захвачено было и приведено въ Равань очень много людей, про которыхъ говорили, что они „замѣшаны въ бунтъ.“

Нѣкоторые изъ этихъ приведенныхъ давали Чаранничамъ прохъ и кремни; другіе въ пастушескомъ шалашѣ дали имъ воды напиться; иные же встрѣтились съ ними на дорогѣ и обмѣнялись припѣтствіями ...

Теперь всѣ они были—виновные, опасные, прокляты!..

Обвиненные были такъ повязаны, что у нихъ трещали кости, перетянуты канатами; нѣкоторыхъ, такимъ образомъ связанныхъ, вѣшали еще на высокой оградѣ такъ, что у нихъ ноги на цѣлыхъ двѣ пяди не доставали земли. Одинъ кузнецъ, Турокъ, котораго звали Пале, доставлялъ наслажденіе своему звѣрскому сердцу, муча этихъ несчастныхъ Сербовъ. Раскаленными въ огнѣ клещами отрывалъ онъ у этихъ бѣдняковъ куски живаго мяса, только что бы они сказали: кто еще замѣшанъ въ этомъ бунтѣ?

— Если вы признаете Бога, смилюйтесь люди; не мучьте меня; я ничего не знаю объ этомъ заговорѣ! говорилъ одинъ сирота въ мукахъ.

— Подшкваривай его, Пале, подшкваривай! Оторви-ка ему и отъ груди; онъ будетъ говорить, что укусилъ мать за грудь! го-

ворилъ одинъ услужливый пандуръ, желая этимъ выслужить болѣе хлѣба....

Раваньскому учителю отсѣкли тогда обѣ руки выше ладоней и конецъ языка. Изъ другихъ обвиненныхъ—нѣкоторыхъ поубивали и тѣла ихъ побросали на колесахъ, чтобы ихъ исклевали птицы; нѣкоторыхъ изувѣченными отпустили, а нѣкоторыхъ закованными бросили въ темницу.

— Чѣмъ такъ провинился нашъ веселый учитель? спросилъ Йованъ у своего стараго знакомаго—того князя, у котораго онъ когда-то былъ писаремъ.

— Онъ написалъ возмутительное письмо, а оно было перехвачено, отвѣчалъ князь.

— И за это?

— Онъ самъ себя къ этому приговорилъ.

— Не можетъ быть, князь?

— Истинная правда! Онъ говорилъ на допросѣ: „Если найдется такое письмо, писанное моею рукою, то пусть мнѣ отсѣкутъ обѣ руки и языкъ.“ На это ему показали его письмо и потомъ поступили съ нимъ по его приговору.

— Ухъ, князь!... мало людей, которые-бы ни разу въ жизни не сказали: „Убей меня Богъ!“ Если-бы Богъ слушалъ это, то онъ перебилъ-бы полъ-свѣта!...

— Знаю я, Йованъ, какъ ты тянешь за правду, но въ подобныхъ великихъ дѣлахъ не возможно, чтобы правда висѣла на волоскѣ... Доброе здорье! Йованъ!

— Счастливый путь, князь!

Такимъ образомъ разстались два старые знакомые.

Когда вся эта гурьба удалилась изъ Раваня, то она оставила село—въ страхѣ и въ раздорѣ, школу—закрытой, а церковь—перепуганной.

Понъ Мата продолжалъ служить; Йованъ, Степанъ и Живота помогали ему въ церкви, но въ голосѣ священника часто слышался какой-то грустный звукъ. Справедливый по душѣ, свя-

щенникъ по сану, человѣколюбивый по обѣту—попъ Мата горько укорялъ нѣкоторыхъ изъ своихъ селянъ, которые въ огнѣ, или ради какой нибудь временной выгоды, или польщенные словами старѣйшины—погубили нѣсколькихъ изъ своей братьи и побросали ихъ на колеса. Но тѣ, которые пошли уже къ аду, не могли остановиться на половинѣ пути. Злодѣй не хочетъ свидѣтелей и несправдливъ тѣхъ, кто его порицаетъ или осуждаетъ.... Однажды зимою въ мясоѣдъ попъ Мата долженъ былъ вѣнчать, какъ кумъ, одного изъ сыновей своего кума, принадлежавшаго къ числу первыхъ между Раваньцами. По обычаю, который господствуетъ въ селахъ, онъ, какъ кумъ, долженъ былъ позаботиться о музыкантахъ и о порохѣ для сватовъ. Поэтому онъ и купилъ двѣ—три «ризы» пороху, чтобы сваты досыта настрѣлялись и въ волю повеселились.

Еще свадьба эта не окончилась, а уже къ капетану Лазѣ Беркѣ пришла одна услужливая душа и шепнула:

— Нашъ попъ готовится къ бунту! Вотъ онъ привезъ сильнаго пороха и, если ты не станешь ему на дорогѣ, онъ разведетъ вновь огонь въ народѣ!

Однажды зимнею ночью прибылъ въ село Равань Берка Лаза съ нѣсколькими вѣрными молодцами; онъ поднялъ съ постели Степана и пошелъ съ нимъ въ хату попа Маты—взявши ключъ отъ церкви будто-бы для того, чтобы что-то вынуть изъ церкви. Степанъ, не предполагая никакой бѣды, вызвалъ попа, который тотчасъ всталъ и отворилъ двери. Молодцы юркнули въ комнату, схватили попа, связали его, силою посадили на коня и повезли куда-то изъ села Равани. ..

Позднѣе сдѣлалось извѣстнымъ, что они убили его въ рождѣ села Ованчи и зарыли въ какомъ-то загонѣ, который сверху дождли....

Теперь умолкла и церковь въ селѣ Раванѣ....

Селине дивомъ дивились, почему ихъ судьба постигаетъ и праведнаго Бога!

Горемычные! Пока они не имѣли въ селѣ церкви, они говорили:

— Наше село, какъ роза безъ запаха!

Послѣ того, какъ соорудили церковь и открыли школу, они думали:

— Село у насъ—душистая роза!

Когда у нихъ пострадалъ учитель, школа закрылась и на селѣ не было видно учениковъ, а въ церкви не было слышно дѣтскихъ голосовъ, то они говорили:

— Теперь у насъ село, какъ покупной цвѣтокъ: повсюду одни старики, нигдѣ не видно молодежи!..

Но теперь, когда умолкла и церковь, они окаменѣли. Волѣ они ничего не говорили: только молчали, да глядѣли.

Нашли они одного юношу откуда-то изъ подъ Нипа; женили его на дочери веселаго попа Маты и поставили его въ попы, чтобы по крайней мѣрѣ село не оставалось совсѣмъ безъ бого-служенія....

VI.

Въ послѣдствіи.

Утекло много времени съ тѣхъ печальныхъ дней. Раванцы нашли кости своего добраго попа Маты, перенесли ихъ и схоронили у алтаря раваньской церкви. Ихъ покрываетъ красная мраморная плита, на которой написано:

Здѣсь тѣломъ въ мирѣ починаеть,
Духомъ слезы предъ Богомъ изливаютьъ,
Чтобы простилъ убійцу его Лазу,
Чтобы смягчилъ Богъ ему наказанье.
Верко не знаетъ, что онъ учинилъ,
Что въ Матѣ Серба онъ убилъ,
Какого мать всякій день не рождаетъ.
Такъ не смотреть злоба, кого поражаетъ.

Единственный сын покойного пона Маты уже сдѣлался священникомъ въ Раванѣ; друзья пона Маты Йованъ, Степанъ и Живота состарились, однако по прежнему прислуживали въ церкви съ неизмѣнными—охотой и любовью. Но не было школы въ селѣ Раванѣ. Послѣ того великаго несчастья она открывалась два—три раза, но никогда не была долговѣчною.. Не вѣдомо было, кто подниметь и понесетъ нравственное достоинство этихъ пажобныхъ людей, когда и они отойдутъ изъ этого міра, а они уже готовились умереть—всѣ трое.

Между тѣмъ въ цѣлой Сербіи много кой-чего измѣнилось съ той поры какъ создавалась церковь въ селѣ Раванѣ. Изъ Бѣлграда зачастили приказанія относительно то того, то другаго. Наконецъ пришло въ Раванъ повелѣніе устроить въ селѣ

камеру—для суда,
тюрьму—для заключенія,
лавки—для сѣченія мужчинъ и
яро—для сѣченія женщинъ.

По этому приказанію Раваньцы устроили въ концѣ церковнаго двора домъ въ двѣ комнаты съ балкономъ—для суда; открыли, обмазали его, придѣлали двери и ставни къ окнамъ, только не успѣли еще половъ смазать глиною, да кончить отдѣлку комнатъ внутри.

На другой день Свѣтлаго Воскресенья 1843 года послѣ службы въ церкви селяне, выйдя на дворъ, дожидали пока пошъ кончить молитвы и крестины, чтобы поздороваться съ нимъ и получить отъ него благословенье, какъ они это дѣлали еще за покойнаго пона Маты. Йованъ Стевановъ, уже дряхлый старикъ, вышелъ послѣднимъ изъ церкви. Неся въ одной рукѣ очки, а въ другой свою терновую клюку, безъ которой онъ никуда не отлучался, онъ подошелъ подъ „Великую Грушу“ къ селянамъ и началъ такъ:

— Выслушайте меня, братья и сосѣди! Мы уже состарились; я вотъ едва читаю черезъ очки; Живота, какъ вы и сами знаете, больше въ отлучкѣ по общественнымъ дѣламъ, нежели дома на селѣ: скучаетъ за нимъ и его хата; а Степанъ, хотя-бъ былъ и постоянно здоровъ, не можетъ самъ все. Или откройте школу и приготовляйте церковнослужителей, или не грѣшите, закройте и церковь, да и пойдемъ въ лѣсъ, какъ дикари....

— Ради Бога, Йованъ, чтобы этого не желалъ, сталъ говорить на это Арсеній Марковъ:—да что подѣлаешь, когда негдѣ? Та старая школа совсѣмъ уже развалилась.....

— А отчего-бы намъ не открыть школы вотъ въ той хатѣ? спросилъ Йованъ, поглядѣвши на новую хату, назначавшуюся для суда.

— Гдѣ же мы будемъ судиться? спросилъ Сима Мартинъ.

— Подъ грушею, промолвилъ Йованъ:—какъ и до сихъ поръ.

— Оно можно и такъ, сказалъ Миланацъ:—да вотъ нѣтъ у насъ учителя!

— Это-то бѣда, возразилъ онъ:—но по нуждѣ, прибавилъ онъ:—учителемъ буду я; я не желаю отъ васъ ни платы, ни благодарности, дайте только мнѣ дѣтей, чтобы я могъ научить ихъ—пѣть „Господи помилуй“ и читать „апостола“, а тогда нищие себѣ другаго; или—если вы не боитесь Бога и если вамъ не жаль своихъ дѣтей—опять забросьте школу!

— Э, такъ помогай тебѣ Богъ! радостно воскликнулъ Іеремія Радосавленъ, имѣвшій сына въ школьномъ возрастѣ, а затѣмъ подошелъ и поцѣловался съ Йованомъ. Точно также поцѣловались съ Йованомъ и другіе лучшіе люди. Въ это время присоединились къ нимъ и священникъ со Степаномъ и когда услышали разговоръ, то обрадовались обое. И тотчасъ селяне постановили:

чтобы школа была открыта въ той хатѣ, что была выстроена для суда,

чтобы учителемъ былъ Йованъ, который добровольно нѣлся оказать селу эту услугу безъ платы и благодарности, и чтобы село изъ получаемой имъ платы за корчму выдало Йовану за этотъ годъ 300 грошей въ видѣ награды, сколько-бы дѣтей ни отдали къ нему въ школу.

— Я берусь, сказалъ напоследокъ Йованъ;—только по нуждѣ; только, чтобы разѣ началось....

Однажды послѣ полудня осенью 1843 года на церковномъ дворѣ села Раваня играла большая гурьба живыхъ, здоровыхъ и веселыхъ дѣтей. За тѣмъ домикомъ, который былъ выстроенъ для судебной камеры, а потомъ опредѣленъ на школу, была яма, въ которой была замѣшена глина съ высѣвками для мазки потолка надъ комнатами. Йованъ и Степанъ сами замѣсили глину и одинъ носилъ ее въ корытѣ, а другой размазывалъ ее по потолку надъ школой; зима приближалась и нужно было класть печи. Они торопились копчить это, такъ какъ оставалось не много времени.

Въ это время двое юношей въ городскомъ платьи, подойдя пѣшкомъ къ школьнымъ дверямъ, остановились и, обратившись къ Стойнѣ Васиной, которая шла съ водою, спросили:

— Гдѣ здѣсь школа, дѣвница?

— А вотъ это школа передъ вами! отвѣчала она имъ, переноса коромысло на другое плечо:—а то дядя Йованъ и дядя Степанъ, нашъ учитель и нашъ псаломщикъ.

— Неужели вонъ то? удивленно спросилъ одинъ изъ юношей

— То! то! повторила дѣвушка и пошла своею дорогою.

Юноши пошли и, подойди къ Йовану и къ Степану, одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Гдѣ здѣсь школа? прошу васъ!

— Вотъ наша школа, отвѣчалъ Йованъ обуваясь, такъ какъ передъ этимъ онъ ходилъ босикомъ:—А вы откуда?

— Мы студенты изъ Бѣлграда; идемъ въ Крагуевацъ, домой. Дорогой мы услышали, что у васъ новая школа, и вотъ мы завернули, чтобы увидѣть ее. А гдѣ учитель?

— Сядьте, дѣтки, отдохните! сказалъ Йованъ, притворившись, будто онъ не слышалъ послѣдняго вопроса. Когда онъ обулъ «опанки» и вытрясъ «гунию», онъ вымылъ руки и сталъ звать дѣтей, чтобы они шли въ школу.

Дѣти всѣ прибѣжали.

— Что зовешь, дядя? спросилъ его тотъ ученикъ, что шелъ впереди другихъ.

— Идите въ школу; и вотъ эти юноши—ученики, только взрослые, и имъ хочется увидѣть, что вы знаете. Смотрите, не осрамитесь!

Дѣти посадились, раскрыли свои азбуки и стали гудѣть, какъ пчелы въ ульи. Между тѣмъ и Степанъ кончилъ мазанье: обулся, вымылъ руки, а потомъ пришелъ и поздоровался съ юношами.

Въ этотъ самый мигъ совсѣмъ неожиданно подѣхалъ къ школѣ и Живота! Онъ по нѣкоторымъ общественнымъ дѣламъ цѣлое лѣто былъ въ отлучкѣ и теперь, добравшись домой, прежде всего завернулъ посмотреть на школу, такъ какъ онъ зналъ, что она открыта. Йованъ и Степанъ поцѣловались съ нимъ; потомъ всѣ вошли въ школу къ дѣтямъ. Комната—не выбѣленная безъ пола, скамейки—просто доски, положенныя на какіе-то чурбаны; учебныхъ пособій никакихъ, украшенія ни одного! Тѣ два студента-горожанина удивлялись, какъ можно называть это школой. Но дѣти были здоровы, веселы, свободно держались и обращались.

— Вы можете быть имѣете только первый разрядъ, когда начали отъ Ю/ева два? спросилъ одинъ изъ тѣхъ двухъ студентовъ.

— Мы не имѣемъ разрядовъ, отвѣтилъ Йованъ:—у насъ всякій ученикъ выучиваетъ сколько можетъ. Вотъ тотъ прошелъ уже полъ часословца; тотъ теперь начинаетъ „первый часть;“ тѣ—на „полунощницѣ;“ а вонъ тѣ—на „азбукѣ“, пока кто не въ состояніи будетъ достигнуть..

— Но это для учителя очень тяжело, сказалъ студентъ.

Йованъ пожалъ плечами и не отвѣтилъ ничего.

— За то люди и говорятъ: прости, Боже, учителя и вмѣстѣ родителей! прибавилъ Живота.

Затѣмъ Йованъ приказалъ нѣсколькимъ ученикамъ прочесть кое-что изъ своихъ книгъ. Гости дивились такимъ успѣхамъ за такое короткое время. Одинъ маленькій ученикъ списывалъ съ „прописи.“ Живота, находил, что онъ неуклюже пишетъ букву Д, началъ ему говорить, чтобы онъ писалъ ее красивѣе. Незлобивое дитя подало старику свое перо и совсѣмъ добродушно, какъ будто отцу своему, сказало:

— Вотъ ты, дядя Живота, только покажи мнѣ, какъ нужно, такъ я до завтра непременно выучусь!

— Э сыночекъ! прыснулъ старикъ съ веселаго смѣха:—я не умѣю красивѣе, но знаю, что значить красивѣе!

Погладивши по головкѣ сконфузившагося ученика, онъ вытащилъ изъ-за пазухи своей длинный кисеть, развязалъ его, напелъ въ немъ „полутакъ“ и, давая его дитяти, сказалъ:

— На, цѣттикъ, купи себѣ перьевъ: ты будешь современнымъ отличнимъ писаремъ!...

— Клянусь Богомъ, у васъ все необыкновенно, сталъ говорить одинъ изъ тѣхъ двухъ студентовъ:—учитель у васъ не похожъ на учителя, школа не какъ школа, а ученики у васъ могли-бы пристыдить многихъ болѣе взрослыхъ учениковъ....

— Хлопочемъ и отчаляемся, отвѣчалъ Йованъ:—дай-то Богъ, чтобъ послѣ насъ шло дѣло усиѣшнѣе!

Послѣ этого гости простились и пошли своей дорогою. Учитель распустилъ учениковъ по домамъ; послѣ этого онъ, Степанъ и Живота сѣли на крыльцѣ передъ школою, чтобы вдоволь наговориться....

Вотъ такимъ образомъ устроилась въ другой разъ школа въ селѣ Раванѣ. Она дѣйствуетъ и теперь. Изъ нея до сихъ поръ вышло довольно учениковъ, славныхъ и видныхъ.

А учитель ея Йованъ давно уже спитъ вѣчнымъ сномъ въ головахъ алтаря раваньской церкви, рядомъ съ незабвеннымъ попомъ Матю. И Степанъ и Живота давно уже отошли изъ этого міра; осталось только то, что они создали въ своемъ селѣ: исполняются ихъ прекрасные обычаи, помнятся примѣры ихъ ревности и любви къ церкви и школѣ, и живетъ о нихъ свѣтлая память, которая будетъ держаться, пока существуетъ—Раванъ и Раванцы! Да проститъ Богъ ихъ души! Пусть будетъ легка имъ земля, въ которую они легли! На нихъ стоило-бы поглядѣть многимъ, которые величаютъ себя благодѣтелями народа....

Село Водоплавно.

I.

Попъ Живко.

Хочу вамъ разсказать о попѣ Живкѣ изъ—да откуда-же онъ? гдѣ только онъ ни былъ?—изъ села „Водоплавно“. Чуднѣй онъ человѣкъ и не обыкновенный попъ! Росту онъ средняго; голова у него черная, очень косматая и постоянно взъерошенная; борода расходится у него на двѣ стороны и внизу похожа на вилы. Косу свою онъ заплеталъ, какъ какое-нибудь, повесмо, и потомъ пряталъ ее подъ „читакинью“, а „читакинья“ была у него засаленная, смятая, она потеряла уже свою первоначальную форму и цвѣтъ того сукна, изъ котораго была выкроена.

Лѣтомъ попъ Живко носить только рубаху, штаны, жилетъ, поясъ, кофту съ рукавами (но и ее часто онъ сбрасываетъ), чулки и башмаки, а часто—просто башмаки на босня ноги. Въ рукахъ онъ почти постоянно держитъ длинную трубку съ чубкомъ (про который онъ съ нѣкоторою гордостью угверждаетъ, что онъ *вѣнскій*), а изъ-за пояса съ правой стороны торчитъ у него кисетъ для табаку—мягко вымятый овечій пузырь!

Попу Живку лѣтъ 40—42. Онъ одинъ годъ учился богословію въ Бѣлградѣ, зналъ покойнаго митрополита Петра и помнилъ, какъ владыка училъ молодыхъ богослововъ рано вставать, „такъ какъ срамota“, говорилъ онъ:—„что селянинъ рано прійдетъ изъ другаго села, а своего попа застанетъ еще въ постели“

Попъ Живко разсказывалъ это только для того, чтобы имѣть возможность закончить такъ:

— Онъ не имѣлъ другаго дѣла!

У попа Живко—удивительно странный характеръ. Онъ полагаетъ, что всѣ люди—его враги; особенно другіе попы. За то и держитъ себя такъ, какъ будто бы онъ жилъ среди своихъ враговъ. Если кто-нибудь разсказывалъ ему, какъ тотъ или другой попу хорошо живетъ съ людьми и какъ люди его уважаютъ, то въ отвѣтъ на это попу Живко всегда ворчалъ сквозь зубы:

— Умѣлъ-бы и Живко быть добрымъ, если-бъ онъ только допустилъ, чтобы холуй плевали на него; но онъ, сыне, не дается въ это... Ни передъ кѣмъ я не гну спины!

Если кто разсказываетъ, что какой-нибудь попу читаетъ книги, учить людей въ церкви и при всякомъ удобномъ случаѣ, тогда онъ говоритъ:

— Да, чтобы я читалъ книги! Стоитъ того?! За великую молитву я беру три цванциса, а за то, что я прочту „Православнаго Проповѣдника“, слѣдовало-бы мнѣ заплатить три дуката! И кого мнѣ учить? Теперь всякій знаетъ больше попа! Всѣ здѣсь висѣльники!

Если похвалятъ какого-нибудь попа, что онъ служитъ во всѣ воскресенія и праздники, то онъ отвѣтитъ на это:

— Будь у меня церковь возлѣ хаты, чтобы можно было перейти въ нее и въ туфляхъ, то служилъ-бы и я, а такъ ей Богу не могу!

Когда прійдетъ къ попу Живку какой-нибудь селякъ и, сдвинувши „капу“ съ темени на затылокъ, смиренно скажетъ:

— Благослови, попу!

— Я тебя и не проклиналъ, иди своей дорогой! отвѣтитъ попу Живко.

Однажды одна старая баба спрашиваетъ его:

— Скажи пожалуйста, попу, какого завтра святаго?

— Не знаю, баба: я его не видалъ!

Не разслышавши хорошо, старуха спрашиваетъ далѣе:

— А тяжелый-ли онъ, попъ? можно-ли работать на него, имѣя въ душѣ Бога?

— Я не носилъ его, баба; не знаю, сколько въ немъ!...

Кромѣ того, что попъ Живко—раздражительнаго характера, онъ необыкновенно лѣнивый человѣкъ.

Селѣне въ шутку говорятъ про него:

— Если-бы горящій уголь упалъ ему на колѣно, то и то ему противно было-бы скинуть его.

Однажды попъ Живко носилъ крестъ съ селянами. Между тѣмъ какъ крестоноши шли пѣнкомъ отъ пивы къ пивѣ, попъ Живко ѣхалъ на конѣ. Конь подъ нимъ былъ маленькій и короткий, подпруга не была подтянута; попу не хотѣлось подтянуть подпругу на столько, на сколько было нужно, такъ-что сѣдло ѣздило туда и сюда и иногда слезило коню почти на крестецъ. Подѣхавши такимъ образомъ къ одной пивѣ, онъ не захотѣлъ слѣзть съ коня, чтобы окадить пиву, но взялъ кадильницу и началъ кадить съ коня. Жара стояла страшная; мухи сильно надоедали и лошадка поспѣшно оборонялась отъ ихъ кусанья. Попъ, сидя вмѣстѣ съ сѣдломъ на крестцѣ, нечаянно замахнулъ кадильницу назадъ, а конь, отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ, какъ-то зацѣпилъ кадильницу и притянулъ ее себѣ подъ хвостъ: чѣмъ онъ больше ее придавливалъ, тѣмъ сильнѣе она жгла. Тогда лошадка сбѣсилась и понесла попа по лугамъ и кустарникамъ. Только послѣ долгой скачки кадильница упала и попъ, всклокоченный и ободраный, возвратился къ крестоношамъ, ругая селянъ за то, что они вздумали въ такую жару носить крестъ!..

Однажды было дѣло въ церкви на Свѣтлый Праздникъ. Люди принесли болѣе сотни крашанокъ. Попъ Живко и его собратъ попъ Ананія послѣ обѣда, хорошенько подпивши, не захотѣли служить вечерни, но взяли яйца и стали биться ими въ церкви: яйца всѣ потрескались, а церковный полъ весь пожелтѣлъ отъ

желтковъ. Между тѣмъ какъ два пона упражнялись, лавочники и красильщики, и сами—подпивши, вошли въ церковь и облачились въ ризы, какъ будто для того, чтобы служить вечерню! За это позднѣе оба пона отбыли по шесть недѣль эпитеміи въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Съ той поры попъ Живко называлъ этотъ монастырь не Срѣтенскимъ, но однимъ совершенно особымъ именемъ.

Попъ Живко не называлъ селянъ иначе, какъ: оборванцы, шуты, холуи, глупцы, простофили и еще Богъ вѣсть какъ. Онъ постоянно ропталъ на владыку за то, что тотъ будто далъ ему самыя худшія села!.. А селяне между собою говорили такъ:

— Ну и чудной-же владыка; мы его просимъ, чтобы онъ далъ намъ пона. а человѣка мы нашли-бы и сами, а онъ дастъ намъ и пона и человѣка и вотъ пришелъ ни попъ, ни человѣкъ, но, Богъ простя, какой-то отверженецъ.

Попъ Живко часто скоромится явно въ «механѣ» и хочетъ этимъ просто показать, что онъ выше другихъ поповъ, которые держатъ посты!

И домашняя обстановка у пона Живка не такая, какъ у людей. Его попадья Данина такъ была похожа на него, какъ будто-бы она была его сестра а не жена. Только она была необыкновенно толста. Право я не умѣю сказать: была-ли она такъ жирна отъ своей лѣности, или такъ лѣнива отъ своей ужасной толстоты; только могу побожиться, что она была и необыкновенно толста и необыкновенно лѣнива!

Да вотъ смотрите: лѣтомъ она устроитъ передъ хатой въ тѣни постель для сна и не трогаетъ ее съ мѣста по цѣлымъ недѣлямъ. Когда поутру подымутся съ постели—она, попъ и дѣти, то всякій оставляетъ свое ложе неприбраннымъ и вечеромъ застаётъ его въ такомъ же видѣ. Подушки подъ головами такъ пропитались потомъ и жиромъ, что страшно на нихъ взглянуть, но попадѣ это нисколько не бросается въ глаза.

Не знаю, по чьей добротѣ, по только у попа въ комнатѣ живеть тѣмъ клоповъ: попадья говоритъ, что какой то прагъ направила ихъ на ея хату. А такъ какъ побѣлка—дѣло весьма медленное, то попадья нашла отъ нихъ болѣе легкое средство: она вымазывала стѣну дегтемъ вдоль кровати и говорила: клопы, хозяйюшка, не полѣзутъ на голову черезъ деготь! Какова забота о чистотѣ!

Если попадья дѣлаетъ что-нибудь около очага, то она сидитъ въ пеплѣ у огня и, сидя такъ, готовить кушанье! Между тѣмъ и она и попъ всегда готовы поѣсть получше и выпить послаже. Они рады, когда имъ принесутъ что-нибудь готовое: лепешку, окорокъ, жареную курницу, кусокъ сыра, >буклію« вина!... Попъ Живко охотникъ и до ѣды и до питья, но попадья превосходитъ его въ томъ и въ другомъ. Попадья, какова она ни есть, очень сердится на людей за то, что они не таковы, какъ имъ-бы имъ слѣдовало быть: что они не даютъ ей того, чего она заслуживаетъ и по своей родовитости (она, говорятъ, изъ какого-то знатнаго рода), и по сану попадья.

Наша селяне, а особливо ихъ жены, рассказываютъ иногда кое-что такъ, чтобы это услышалъ тотъ, кого оно касается. Такъ одна баба въ присутствіи нашей попадья говорила:

— Удивительная, милая моя, эта попадья пона Стефана! Такая сухая и слабенъкая, а работаетъ, какъ кротъ; хату держитъ чисто—хоть медъ лижи на полу; дѣтей мостъ и одѣваетъ—любо на нихъ посмотришь; столько коровъ сама доить и всегда вовремя! Право она какъ будто хочетъ прожить два вѣка!

— Оставь ее, пусть работаетъ, когда глупа! отвѣтила бы на это наша прекрасная матушка Давина:—я пошла за попу не для того, чтобы мучиться, но—чтобы жить!...

— Видна же на тебѣ твоя горькая жизнь! прошептала-бы другая какая-нибудь баба.

Попъ Живко и его попадья кромѣ невзгодъ, о которыхъ мы упоминали, претерпѣли и другія большія несчастья. Изъ на-

ти дѣтей осталась у нихъ только одна дочь, которой только-что кончилось 15 лѣтъ. Это дитя такъ мало походило на отца и на мать, какъ будто было подкинутое. Черненькая, красивенькая, живая, веселая и добродушная дѣвочка, едва только вошла въ сѣлу, стала водворять порядокъ въ веселой поповской хатѣ— какъ могла и умѣла. Но и это нарушало счастливый покой ея матери. Поэтому-то она часто и говорила ей:

— Успокойся, Иконія! Что это ты все постоянно переживаешь, сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Пусть себѣ все стоитъ, какъ с тоить!...

Въ поповой хатѣ былъ еще одинъ «кучанинъ», который усердно помогалъ во всемъ Иконіи. Это—ученикъ попа Радойнца. Попъ Живко шилъ его еще ребенкомъ и онъ и выросъ въ хатѣ у попа. Теперь ему могло быть лѣтъ 18 или 19. Онъ не былъ ни слугою, ни пріемышемъ; къ нему въ хатѣ всѣ такъ были расположены, какъ будто онъ былъ роднымъ сыномъ. Въ сущности имъ только и держались—хата и хозяйство попа.

Радойнца и Иконія часто разговаривали между собою: какъ бы хорошо было, если бы попъ Живко утѣлся наконецъ въ какомъ-нибудь селѣ и начали-бы они обрабатывать землю, какъ и другіе селяне, и имѣли-бы все въ своей хатѣ, а не ждали бы, пока имъ принесутъ что-нибудь изъ села!

— Дожидайся! говорилъ Радойнца Иконіи;—и батюшка и матушка страшнаго права; не годится такой нравъ для попа; попъ, какъ и другой хозяинъ: онъ долженъ много претерпѣвать; нужно, чтобы душа у попа была, какъ пятачокъ!

— А матушка этого не можетъ, отвѣчала невесело Иконія.

Кто бы подольше посмотрѣлъ на этихъ дѣтей, если онъ только недавно вышелъ изъ ихъ лѣтъ, то легко замѣтилъ бы, что между ними зажигается особенное чувство, хотя они и сами еще не знаютъ, что оно такое и какое оно....

II.

Н о в о с е л ь е.

Князь Милошъ былъ необыкновенный человѣкъ. Чего ему не приходило въ голову и чего не успѣвалъ онъ сдѣлать. Другой не передѣлалъ бы столько дѣлъ и за двѣ человѣческія жизни. Онъ изгонялъ турокъ, велъ переговоры съ дипломатами, водворялъ порядокъ въ странѣ, устранивалъ суды, заводилъ школы, поднималъ торговлю, земледѣліе, и, наконецъ, сносилъ города и села съ мѣстъ затопляемыхъ и неудобныхъ и основывалъ ихъ на мѣстахъ возвышенныхъ и здоровыхъ. Такимъ образомъ онъ перемѣстилъ Лешницъ, Карановацъ, Терстеникъ и многія другія села, расположенныя вдоль большихъ разливающихся рѣкъ.

Онъ издалъ повелѣніе, чтобы всѣ заливаемые водою села по Моравѣ и по другимъ причудливымъ рѣкамъ перемѣстились на возвышенности. Приказаніе это кое-гдѣ было выполнено вполнѣ, а кое-гдѣ на половину—такъ, что пѣкоторые селяне переселились, а другіе остались; вслѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ изъ одного села образовалось два. Люди повсюду люди; какая бѣда ихъ гнететъ, на ту они и жалуются. Когда ихъ преслѣдуетъ вода, они кланутъ воду и осуждаютъ начальство, зачѣмъ оно не передвинетъ села изъ затопляемаго мѣста; а когда ихъ трогаетъ съ мѣста князь Милошъ, они кланутъ его, зачѣмъ онъ заставлятъ ихъ разорять »кучи.«

— Такъ и ты, дядя Бранко, думаешь оставить свой очагъ? спросилъ Влайко Лазичъ у своего сосѣда старика Бранка.

— Хочу, дитя мое, отдаляться отъ берега, чтобы не бояться ни сухой, ни дождливой погоды.

— Какъ такъ, дядя Бранко?

— Да вотъ видишь-ли, дитя мое; наша рѣка можетъ насъ уничтожить и когда облака валяются съ неба и когда вороны сидятъ, разинувши рты отъ жары. Выпадетъ дождь Богъ его знаетъ гдѣ,

а страдаетъ отъ него село Водоплавно. И хвала князю Милошу, что приказалъ онъ намъ разъ навсегда выселиться!

— Почему же въ такомъ случаѣ, дядя Вранко, люди такъ злятся на князя за то, что онъ отдалъ такое приказаніе?

— Они сердятся, я думаю, потому, что имъ тяжело штопать-ся, а, быть можетъ, есть и другая какая причина.

— Какая можетъ быть другая причина?

— Можетъ такая: тотъ, у кого власть въ рукахъ, дѣлаетъ, что хочетъ: иногда онъ нападетъ какъ разъ на добрую мысль, а иногда нѣтъ, и надѣлаетъ зла. Люди, зная, что онъ можетъ надѣлать и добра и зла, охотнѣе порицаютъ его поступки, когда имъ тяжело то, что приказывается..

Такихъ разговоровъ происходило довольно, пока село Водоплавно переселилось съ равнины на гору.

Какъ разъ въ это время прибылъ въ Водоплавно попъ Живко, перемѣнивши уже восемь приходоу, и потребовалъ, чтобы селяне отвели ему мѣсто для хаты. Люди нашли для него мѣсто на горѣ между вновь выстроенными хатами. Попъ Живко какъ только увидалъ это мѣсто, такъ сейчасъ же подумалъ, что тутъ кроется какой-нибудь обманъ и завопилъ:

— Я не хочу этой крутизны! Дайте вы мнѣ равнину, съ которой человѣкъ не скатится, когда заснетъ. И пошелъ самъ искать. Совершенно добровольно онъ выбралъ мѣсто на старомъ селищѣ, откуда нѣкоторые селяне уже выселились.

Съ попомъ былъ и Радойница, такъ какъ попъ безъ него никуда не ходилъ.

Когда попъ остановился и сказалъ:

— Ну, вотъ пусть они дадутъ мнѣ это; тутъ равнина; легко прійти и легко уйти—не такъ, какъ вверху на той крутизнѣ,—Радойница, видя, что три—четыре толстыхъ тополи лежатъ верхушками въ водѣ, между тѣмъ какъ онѣ, очевидно, росли не тутъ, спросилъ:

— Что это за колоды, батюшка? онѣ какъ будто не росли тутъ?

— Колоды, какъ всякія колоды, отвѣтилъ попъ сухо, не взглянувши на колоды.

— Ихъ должно быть оставила тутъ вода и я боюсь, чтобы она не пришла снова забрать ихъ!...

— Ну, ну! разгорячился попъ Живко: и ты полѣзъ еще за этими мерзавцами! Не знаешь ихъ что-ли, несчастный! Потопляемая равнина, потопляемая равнина! и гонить меня въ гору на крутизну—только, чтобы не дать мнѣ этого мѣста! Нѣтъ, другаго мѣста я не хочу. Или это, или я буду сидѣть въ амбарѣ. И дѣйствительно онъ помѣстился въ порожнемъ общественномъ амбарѣ и, чтобы осрамить село, написалъ на дощечкѣ:

„Жилище селъскаго священника“

и привѣсилъ ту дощечку на амбарѣ.

Въ этомъ амбарѣ жилъ попъ Живко, пока селяне не выстроили для него хаты и нѣкоторыхъ самыхъ необходимыхъ построекъ.

Селяне Водолавцы не знали еще, каковъ это попъ, а когда узнали, почему онъ сидѣлъ въ амбарѣ и зачѣмъ привѣсилъ дощечку съ надписью, тогда начали сдвигать плечами и говорить:

— Боже сохрани, какіе только люди есть на свѣтѣ!

Когда онъ уже поселился въ новой хатѣ, пришелъ къ нему однажды дядя Бранко и въ разговорѣ сказалъ такъ:

— Повѣрь мнѣ, батюшка, ты ошибся, что поселился въ этомъ болотѣ; лучше было-бы, если-бы ты принялъ мѣсто на горѣ.

— Нѣтъ, дѣдушка, нѣтъ! закричала попадья:—точно ты покупщикъ на это мѣсто; я хочу кататься по этой равнинѣ. Твоя баба—суха, какъ кожа: она можетъ прыгать и по скаламъ, а я нѣтъ!...

— Нѣтъ, матушка, душа моя, оправдывался дядя Бранко:—у меня земля больше, нежели я могу обработать; но только, знаешь-ли, вамъ здѣсь постоянно грозитъ вода; все можетъ быть.

Радойница и Иконія, слушая это, смотрѣли на дядю Бранка, какъ на какого-нибудь пророка. Имъ казалось, что селяне говорятъ правду, такъ какъ лучше знаютъ характеръ своихъ водъ и своихъ равнинъ, нежели попъ и попадья, которые недавно только прибыли. Но какъ убѣдить въ этомъ пона Живко, который ни кому не вѣритъ, или попадью, которая думаетъ, что она одна только и разумна. Въ Водоплавнѣ попъ Живко остался долѣе всего; онъ былъ обязанъ этимъ Радойницѣ и Иконіи. Радойница былъ паренъ очень сговорчивый и съ людьми уживался какъ нельзя лучше; много разъ случалось, что, когда попъ заспорить съ кѣмъ-нибудь, онъ вышивался, и часто пона убѣждалъ уступить, а селянъ—успокоиться. А Иконія своимъ смиреніемъ и обращеніемъ достигла того, что многія уста въ селѣ говорили:

— Пусть попъ молитъ Бога за эту честную дѣвочку, а то и пожаловался-бы на него владыкѣ! или

— Жаль мнѣ этой прекрасной дѣвочки, а то пусть-бы лопнула попадья отъ жира: такая она и такъ поступаетъ!

Такъ жилъ попъ Живко на своемъ десятомъ приходѣ. И тутъ, какъ и вездѣ до сихъ поръ, онъ ругалъ селянъ и клялъ владыку, который будто-бы ему одному не даетъ порядочнаго прихода!

III.

Наводненіе.

Наши старики давно уже сказали, что „вода добрый слуга, но сердитый хозяинъ“. Мы имѣемъ такъ мало притязаній къ водѣ, что пользуемся ея услугами только для мельницъ и сукноваленъ; но за то мы хорошо видѣли, каковъ она хозяинъ—лѣтомъ 1864 года. Хозяйничанье воды дало себя знать почти всѣмъ рѣчнымъ долинамъ Сербин. Больше всего прибыло воды на Трой-

цу. Тогдашніе грозные дожди распространились почти на всю Сербію кромѣ Тимокской долины; дождевыя облака, которыя покрывали всю Шумадію, останавливались на вершинахъ Ртаня, Бѣляницы, Стола, Дели-Йована и Мироча. Эти высоты едва охватывала густая туча, изъ которой падалъ внизъ на Тимокскую долину только мелкій дождикъ.

Тимочане, глядя на эти явленія, говорили:

— Плохо за горами; Морава все хочетъ уничтожить!

А однажды вскрикнули:

— Туча прорвалась со стороны Хомоля; бѣда будетъ и у насъ!

И дѣйствительно Морава поуносила много хатъ, хлѣвовъ, сѣна, скота и потопила много людей. Привольно было Моравѣ; ея долина—длинная и широкая; есть ей куда и снести такую сплу воды; но тѣсно было маленькимъ рѣкамъ и потокамъ, которые въ тѣ дни разлились такъ, что на нихъ страшно было взглянуть. Долина Порѣчской Рѣки—ни длинная, ни широкая и посему трудно описать тѣ бѣды и разоренія, которыя причинили въ тѣ дни—Танда, Любава, Шанка и знаменитая банією Милоша Порѣчская Рѣка.

Уже нѣсколько дней безостановочно лилъ дождь; потоки вздулись, вышли изъ береговъ и разлились по разнымъ направленіямъ; люди озабоченно поглядывали то на небо, то на землю: сѣно, скотъ, постройки, птицы—все, что могла поднять вода, было въ опасности.

Нонъ Жинко съ непокрытой головой вышелъ изъ хаты; посмотрѣлъ онъ, какъ нахмурилось со всѣхъ сторонъ, послушалъ, какъ шумно бѣжать потоки тамъ, гдѣ обыкновенно было сухо, потомъ только пробурчалъ:

— Настоящее свѣтопреставленіе! и беззаботно возвратился въ хату, наполнилъ чубукъ и закурилъ. Попадья въ эти дни больше спала, увѣряя, что лѣтомъ сладче всего спится, когда идетъ дождь.

Радойница и Иконія были озабочены и сами не знали почему. Радойница часто посматривала на колоды, которыя когда-то оставила вода, и боялся, чтобы она теперь не пришла за ними.

Эту заботу дѣлила съ нимъ Иконія. На отца и мать она не смотрѣла, но глядѣла, что дѣлаетъ Радойница и что онъ думаетъ объ этомъ чудѣ Божьемъ.

На третій день Троицы передъ вечеромъ Радойница внесъ въ хату большое корыто и поставилъ его за дверьми.

— На что это? спросила Иконія.

— Пусть будетъ тутъ; только въ добрый часъ! Мы ночью будемъ плавать по всей вѣроятности...

— Молчи! Жаль мнѣ тебя! сказала Иконія, совѣтъ обезпокоенная.

— Убирайся ты, предвѣщатель зла! закричала попадья и повернулась на другую сторону.

Радойница пошелъ въ конюшню и привязалъ попова коня только однимъ недоуздомъ, чтобы можно было легко отнять его, если будетъ крайность, а ворота въ конюшню растворилъ во всю ширину. Вода прежде всего захватитъ конюшню. Обо всемъ этомъ онъ ничего не говорилъ пону, потому-что попъ—такой злой, что и за это выругалъ-бы его.

Смерклось! Зги не было видно: дождь пустился еще болѣе ужасный. Попова хата начала протекать. Вода какъ въ главномъ руслѣ, такъ и въ рукавахъ и потокахъ такъ шумѣла, что обитатели хатъ не могли слышать другъ друга, а не то, чтобы сосѣдъ могъ позвать сосѣда на помощь.

Въ извѣстную пору ночи вода начала пробиваться и сквозь стѣны въ хату. Теперь засуетились не только Радойница и Иконія, но также причудливый попъ и лѣнивая попадья. Отворили двери, но вдоль хаты шумѣла уже рѣка, какъ будто тутъ было ея русло! Попъ тогда только вскочилъ, схватилъ не догорѣвшее полѣно, чтобы освѣтить себѣ нѣсколько дорожку, и пошелъ въ

конюшню, чтобы взять лошадь; но его тотчасъ-же ухватила вода и тьма поглотила и его, и полно: въ мгновеніе ока онъ исчезъ безъ слѣда, не подавши даже голоса! Попадья ухватилась за сволокъ хаты, а Иконія съ плачемъ обнимала мать и поглядывала на Радойицу, который говорилъ ей, чтобы она сѣла въ корыто, если вода наполнитъ хату.

Въ эту минуту какая-то страшная сила ударила въ хату и сдвинула ее съ мѣста. Въ одинъ мигъ всю ее разбила, потопила и поглотила сила воды: никто больше не зналъ ничего ни о поповой хатѣ, ни о поповой семьѣ...

На другой день утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла попова хата, было гладко, какъ на ладони; только яма, наполненная водой, обозначала мѣсто, гдѣ былъ погребъ. Что касается попа, попадьи, Иконіи, Радойицы и ихъ скота, то не было тамъ ни труповъ ихъ, ни слѣдовъ.

Вода унесла и тѣ колоды, про которыя спрашивалъ Радойица попа Живка.

«Кметъ» поскорѣе отрядилъ людей, чтобы они пошли къ водѣ, думая, не спасутъ-ли они кого-нибудь. И, Боже милостивый, какой видъ оставила вода тамъ, куда она только достигла!

Гдѣ прежде были глубокіе омуты, тамъ теперь отмели изъ песка и ила, а гдѣ стояли старыя толстыя деревья, тамъ теперь омуты и водовороты. Здѣсь у человѣка была нива, окруженная высокой изгородью, а теперь отъ изгороди остались только колы; тамъ была прекрасная лсада, а теперь на ней—куча толстыхъ колодъ, которыя вода гдѣ-то вырвала и понесла, а потомъ утомившись, оставила ихъ тутъ, пока въ другой разъ не прійдетъ забрать ихъ.

На крышѣ одной хаты люди нашли вола, свинью и овцу! Вода снесла ихъ на крышу этой хаты и животныхъ на ней кое-какъ усталились, но потому не могли сойти съ нея, такъ какъ вода убывала. Волъ и овца ѣли крышу и кое-какъ жили, но свинья кричала и звала на помощь! Много было муки и хлопотъ, пока бѣднаго сѣрячка спустили съ крыши на землю.

Въ вѣтвяхъ одной тополи нашли Радойицу, который уже окоченѣлъ отъ холоду. Сейчасъ же напоили его «ракіей» и обогрѣли. Послѣ Радойица разсказалъ, что случилось въ ту страшную ночь, когда погибъ попъ Живко и вся его «куча.» Сколько ни хлопотали люди, но не могли найти ни попады, ни Икопін, а попа Живка рыбаки вытащили уже въ Дунавъ—только черезъ нѣсколько дней.

О наводненіи на Тройцу 1864 года долго еще будутъ разсказывать въ Сербіи. Моравцы во многихъ мѣстахъ поставили камни и на нихъ отмѣтили, до которыхъ поръ подымалась Моравъ въ тотъ годъ.

Князь Михаилъ сейчасъ же послалъ своихъ чиновниковъ во всѣ болѣе значительныя рѣчныя долины, чтобы оказать скорѣйшую помощь пострадавшимъ. Самъ онъ проѣхалъ вдоль Моравы до Сталача, осматривалъ опустошенія, произведенныя силой воды, и пособлялъ опустошеннымъ селамъ. И тѣ, которые до сихъ поръ держались по равнинѣ на старыхъ селищахъ, послѣ этого наводненія потянулись въ горы.

— И самъ попъ Живко, говорили селяне:—если-бы былъ живъ, переселился бы теперь на гору. Но его захватила мутная вода и унесла

— Ну, Богъ его проститъ!

— Жаль милой дѣвочки, сказалъ дядя Бранко.

Это былъ весь его некрологъ

II. ОТДѢЛЪ НАУЧНЫЙ.

УЧЕНІЕ А. ТОВЯНСКАГО

преимущественно соціально-политическое.

Ученіе Богословско-Догматическое: о сотвореніи міра, о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи рода человѣческаго, о Христѣ, о воскресеніи мертвыхъ, о таинствахъ, о молитвѣ, о чудесахъ.

Страстїи на поли Ватерлоо. Вѣра въ сновидѣнія. Ученіе о *тонѣ* и *духѣ* (Духъ Товянскаго, Наполеона I, Александра I, Духъ израильскій; Духъ мертвой природы; борьба духа съ тѣломъ).

Нравственныя правила товянщиковъ. Юродство Христа ради

Соціально-Политическое ученіе: христіанское братство, эманципація женщинъ, освобожденіе холоновъ, общинное землевладѣніе, аристократія и демократія, предрержація власти, революція, смертная казнь, тюрьма.

Возрасты человѣчества и отдѣльныхъ народовъ. Старшинство Франціи передъ Англіею и другими народами. Ея великое призваніе. Болѣзнь Франціи и надежда на ея возрожденіе. Культъ Наполеона. Людовикъ Филиппъ и Бур

боны—враги Франціи. Товянскій—органъ Наполеона. Два избранные народа—Французы и Поляки. Взаимное ихъ отношеніе. Пути къ возстановленію Польши. Панславизмъ и Россія.

Сравненіе Товянскаго съ польскими философами и поэтами.

Заключеніе.

Въ 1878 году въ Цюрихѣ скончался извѣстный польскій мистикъ, Андрей Товянскій. Его Біографію, по новымъ источникамъ, мы напечатали въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1879 годъ (февраль, май и октябрь). Въ этой біографіи мы коснулись его богословскаго ученія и при случаѣ упоминали объ его соціально-политическихъ стремленіяхъ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, и никто еще не постарался изложить систематически ученіе Товянскаго: его богословская догматика извѣстна только въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, а на его ученіе соціально-политическое, которымъ преимущественно онъ влиялъ на польскую эмиграцію, никто еще не обращалъ вниманія. Этотъ пробѣлъ въ наукѣ исполняемъ настоящею статьею. На богословскомъ ученіи Товянскаго мы не будемъ долго останавливаться, такъ какъ оно не представляетъ большаго интереса; но за то изложимъ обстоятельно, по новымъ источникамъ, его ученіе соціально-политическое, сходное въ нѣкоторыхъ положеніяхъ съ ученіемъ славянофиловъ и социалистовъ нашего времени.

Въ ученіи о сотвореніи міра есть противорѣчія. Въ однихъ параграфахъ своей “Бесѣды” ¹⁾ Товянскій учить, что Богъ создалъ все существующее изъ ничего и при томъ въ совершенномъ видѣ, а въ другихъ, что Богъ создавалъ міръ изъ чего-то прежде существовавшаго, что всѣ созданія были первоначально не-

¹⁾ Przegląd Poznański XXV, 189—203.

совершенны, но получили способность постепенно *совершенствоваться*, переходя изъ одного рода въ другой и все болѣе и болѣе приближаясь къ Богу: человекъ первоначально былъ какъ нѣ-то животнымъ и только путемъ постепеннаго самосовершенствованія достигъ нынѣшняго своего образа и внутренняго развитія; такое самосовершенствованіе было волюнъ свободно и естественно. Вслѣдствіе этого Товянскій первоначально отвергалъ ученіе церкви о первородномъ грѣхѣ; но позже (1844 г.) ¹⁾ толковалъ его такъ: „Первый человекъ, органъ неба, посредствомъ котораго небо хотѣло соединиться съ землею, вкусивъ запрещеннаго плода земли, подчинилъ свой духъ, соединенный съ небомъ, законамъ земли, смѣшалъ святотатственно небо съ землею. Это смѣшеніе разорвало двѣ цѣпы (братство неба съ землею), которыя начали соединяться, остановило мысль Божію на землѣ. Носитель мысли Божіей согрѣшилъ, былъ лишенъ неба, потерялъ свой рай, который есть ничто иное, какъ союзъ человека съ небомъ, связь двухъ цѣпей на землѣ. Слабый странникъ, атакованный низшими силами, заблудился и сталъ блѣдствовать.— Паденіе этого запрещеннаго плода земли двѣ цѣпы никогда не соединились на землѣ, и человекъ былъ лишенъ неба.“

Богъ даровалъ человеку свободную волю, говоритъ Товянскій въ „Бесѣдѣ“, и потому волюнъ отъ него зависптъ подчиниться *свѣту* или *мраку*, началу добра или зла. По волѣ человека на землѣ господствовалъ мракъ. *Иисусъ Христосъ искупилъ родъ человеческій, низведя на землю силою своей святости свѣтлую колонну, которою разогналъ мракъ. Онъ, Христосъ, открылъ путь въ небо божественнымъ свѣтомъ своего святѣйшаго ученія, жизнью, примѣромъ и въ особенности тѣмъ свѣтымъ, божественнымъ дуновеніемъ, которое низослалъ на немногихъ избранныхъ.* Силою «божественнаго свѣта» ученія Христова были прогнаны съ земли *низшіе души* (злые) и мѣсто ихъ заняли *вышіе* (добрые).

¹⁾ Współdział A. Mickiew.—w Sprawie Towiańsk. II, 305.

Подобно Христу, каждый святой человекъ можетъ низводить на землю свѣтлую колонну и прогонять враговъ.

Христосъ есть *одинъ изъ семи пословъ Божіихъ* (Мессій). Онъ нашъ защитникъ, какъ отецъ и источникъ всякаго сѣмянъ, ниспосланнаго Богомъ на землю, и въ этомъ дѣлѣ первый посланъ Богомъ дѣлатель. Подобные-же ему дѣятелѣ—*великіе Херувимы*, слѣдующіе за нимъ, и *Наполеонъ*, предпоследній въ этой святой колоннѣ. По ученію Товянскаго, Христосъ не Богъ и не человекъ, а *высочайшій и чистѣйшій духъ*, подобный легкому облаку по своей великой святости. Какъ духъ, Онъ долженъ былъ умереть, чтобы освободиться отъ земной оболочки и такимъ образомъ начать болѣе свободную жизнь. Смерть для Него была необходимостью, благодѣяніемъ, возрожденіемъ. Онъ не вставалъ изъ мертвыхъ и не могъ встать изъ мертвыхъ, какъ духъ, который не можетъ уже пребывать на землѣ.

Впоследствии Товянский значительно измѣнилъ свое ученіе о Христѣ. Въ собственноручной его запискѣ, помѣченной 29 августа 1841 года, Христосъ прямо называется *Богомъ-Сыномъ, сидящимъ на небѣ о десную Бога-Отца* ¹⁾. Позже, въ 1843 году, ²⁾ Товянский такъ исправлялъ *ложное понятіе* (!) о Христѣ: «Міръ до сихъ поръ зналъ Христа въ его смиреніи, терпѣніи, въ его какъ-бы слабости, и хотѣлъ бы увѣковѣчить это понятіе. Христосъ барашекъ его не страшитъ, и онъ согласился бы вѣчно псовѣдывать такого Христа. Но Христосъ не слабъ: онъ *величайшій богатырь изъ всѣхъ, какіе были и какіе могутъ быть*, и такимъ богатыремъ познать его міръ нашей эпохи». Тогда же ³⁾ Товянский толковалъ воскресеніе и вознесеніе Христова слѣдующимъ образомъ: «Христосъ, побѣдивъ тѣло, принесъ его въ жертву Богу, такъ освятилъ его, что его духъ и тѣло стали тождественными, не было ни какой разницы между духомъ и тѣломъ, и они могли вмѣстѣ войти въ небо. И никто иначе туда не вой-

¹⁾ Ibid. I, 6. ²⁾ Ibid. II, 213. ³⁾ Ibid. II, 203.

дѣть. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе: *въруую въ воскресеніе тѣло*“.

Св. Троицы Товянскій не признавалъ и никогда о ней не говорилъ и не писалъ. Въ первой „Бесѣдѣ“, какъ выше сказано, онъ не признавалъ Христа Богомъ; позже онъ отличаетъ Бога-Отца и Бога-Сына, но Духа Святѣго не считалъ Богомъ.

На св. таинства, на „мертвыя молитвы“, на „безчисленные обряды церковныя“ Товянскій смотрѣлъ, какъ на пустую формальность: „все основано только на стремленіи души нашей къ Богу: только такое стремленіе, просвѣщеніе души можетъ извести къ намъ колонну святыхъ духовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плоть благословеніе, небо“. Такъ училъ Товянскій въ свой „Бесѣдѣ“. Позже (1845 г.) онъ иначе поучалъ Мицкевича ¹⁾: „Таинство (*Причащеніе*) есть внутреннее освященіе воспринятаго духа, жертвы духа, формальное утвержденіе духа. Таинство облегчаетъ преусиленіе, воздерживаетъ землю, тѣло; со временъ Христа таинство было въ формѣ и долго еще будетъ на землѣ; оно не гибнетъ, не забывается, а идетъ впередъ вмѣстѣ съ духомъ,— духъ во главѣ слова, форма во главѣ слова; это—воплощеніе, реализація слова.“

Еще позже (1846 г.) Товянскій говорилъ, ²⁾ что причащеніе должно возвышать человѣка. „Нѣтъ ничего величественнѣе, ничего возвышеннѣе, какъ причащеніе. Слово Божіе возложило на человѣка три обязанности: вознести духъ, побѣждать тѣло, подымать тѣло на высоту духа. Иисусъ Христосъ первый исполнилъ Слово... Оно вознесъ духъ, побѣдилъ тѣло и подпалъ его на высоту духа. Св. Причащеніе есть ничто иное, какъ тѣло Христово вознесенное (*de corps de Jésus-Christ élevé*). Принося св. Причащеніе, призываютъ насъ обожать самое возвышенное, самое святое, чтò есть, призываютъ насъ приблизиться къ нему какъ можно болѣе, ибо мы во всемъ должны подражать Христу,

¹⁾ Ibid. 250. ²⁾ Ibid. II, 309—310.

исполнять то, что онъ исполнилъ. Обожая, старайтесь приблизиться къ св. Причащенію, подняться на священную высоту св. Причащенія: кто хотя на минуту былъ потрясенъ при видѣ св. Причащенія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ приблизился ко Христу. Такимъ образомъ, уходя съ обѣдин, мы должны возвышаться. „Кто не ѣстъ тѣла Моего, кто не пьетъ крови Моей“ и т. д., сказалъ Христосъ; это значитъ: примите духъ, и васъ призываю къ тому въ эту минуту, ибо кто не восприметъ духа Христова, тотъ не приблизится къ Богу. Духъ и тѣло Христово — одно и тоже. „Кто не ѣстъ Моего тѣла, кто не пьетъ Моей крови“ значитъ: кто не воспринимаетъ моего духа, моего тона, не старается имѣть его, тотъ не можетъ быть спасенъ“....

Къ причащенію Товянишки, какъ было уже сказано, готовился исповѣдью, духовнымъ постомъ и молитвою. „Молитва“, по словамъ Товянского, „возвышаетъ духъ ¹⁾“; а въ другомъ мѣстѣ ²⁾ онъ такъ выражается: „Молитва есть стремленіе духа къ Богу, духа, приносящаго въ жертву Богу тѣло и духъ. Сто лѣтъ молитвы словесной безъ пробужденія чувства, безъ сотрясенія духа есть ничто предъ Богомъ, не освятитъ тѣла, а это для насъ главное, ибо безъ того мы не выльемъ наружу всего, что имѣемъ въ духѣ, не реализуемъ сокрытой въ насъ мысли Божіей“. Товянский самъ сочинялъ молитвы для своихъ послѣдователей. Сочинялъ ихъ и Мицкевичъ. Къ приведеннымъ уже примѣрамъ прибавимъ начало молитвы, которою оканчивается „Бесѣда съ Карломъ Ружницкимъ“³⁾: „А Ты, Христѣ, Господи нашъ, вѣчный вождь въ странствіи нашемъ къ исполненію Слова Твоего, бодрствующій надъ землею до скончанія міра! какъ Ты жертвами своими возвысилъ Духъ свой, побѣдилъ Тѣло свое, какъ Ты на алтарь своемъ для укрѣпленія челоуѣка въ странствіи его вѣчно дѣлаешь землю Тѣломъ своимъ, Духомъ своимъ, такъ благослови готовящихся къ бою за правду Твою“ и т. д. Молитва заключается обращеніемъ къ Великимъ Душамъ.

¹⁾ Ibid. 310. ²⁾ Ibid. II, 202—3.

Товиинскій придавалъ большое значеніе *молитвъ за умершихъ*. „Молитва за умершихъ имѣетъ великую силу“, говорилъ онъ въ Цюрихѣ 24 сентября 1850 г. на похоронахъ одного изъ своихъ послѣдователей, Наполеона Высоцкаго ¹⁾, „духу въ тѣлѣ легче дѣйствовать, каяться, жертвовать, чѣмъ духу безъ тѣла. Духу безтѣлесному необходимо и желательно согрѣваться при огнѣ жертвы, пылающей въ челоѣкѣ“

О духовномъ постѣ и исповѣди Товиинскаго было уже говорено.

Товиинскій, отвергавшій церковныя обряды, самъ установилъ обрядъ раздачи медалей своимъ ученикамъ, достигшимъ пзвѣстной степени совершенства, какъ уже пзвѣстно читателямъ. Обрядъ крещенія Жидовъ, существовавшій въ началѣ, былъ уничтоженъ впоследствии.

Выѣсто странствій ко святымъ мѣстамъ Товиинскій установилъ *странствіе на поля Ватерлоо*. „Призываю брата“, говорилъ онъ Мицкевичу въ 1843 году ²⁾, „исполнить священный долгъ святой службы на поляхъ Ватерлоо. Тамъ просите Бога, чтобы онъ ниспослалъ вамъ благодать соединенія въ вашемъ духѣ Слова Божіаго съ дѣломъ. Этими отличался герой (Наполеонъ); это было прекращено на этомъ полѣ битвы силою злаго духа.“ Особенно священною онъ считалъ ферму Caillon, въ которой Наполеонъ провелъ ночь наканунѣ битвы. Туда на поклоненіе онъ отправлялъ своихъ учениковъ ³⁾

Самъ считавшійся чудотворцемъ, Товиинскій отрицалъ *чудеса*. „Въ природѣ нѣтъ чудесъ“, говорилъ онъ Мицкевичу въ 1843 году ⁴⁾, „все естественно. Только мы не видимъ всего и всегда въ одинаковомъ видѣ. Я, напримѣръ, вижу только небольшую часть своей руки, другой видитъ гораздо больше, и это больше есть чудо для меня. Такой-то видитъ изъ моего окна только этотъ горизонтъ; я ему говорю, что за этимъ горизонтомъ есть другой,

¹⁾ Ibid. II, 137. ²⁾ Ibid. 303. ³⁾ Ibid. 298. ⁴⁾ Ibid. 321.

котораго отсюда не видно; онъ не вѣритъ этому и кричитъ, что это чудо. Но развѣ это чудо? А таковы всѣ чудеса. Въ нашу эпоху они перестанутъ по большей части быть таковыми. Міръ будетъ видѣть гораздо шире; онъ подымется на болѣе высокую ступень.“

Чудеса происходятъ, говорилъ Товянскій Минкевичу тремя годами позже ¹⁾, отъ прикосновенія духовъ къ человѣку. Медицина прежней эпохи употребляла порошки и нилузи; медицина новой эпохи дѣйствуетъ на духъ больного, устремляетъ духъ его къ Богу, и онъ выздоравливаетъ. „Я былъ свидѣтелемъ столькихъ чудесныхъ излѣченій... Когда я вылѣчилъ сестру Н., я ничего иного не сдѣлалъ, какъ возбудилъ стремленіе ея духа къ Богу, стремленіе, которое было задерживаемо злымъ духомъ: она отъ него освободилась; вотъ и все.“

О чудесахъ, совершенныхъ Христомъ, Товянскій поучалъ такъ въ 1846 году ²⁾: „Человѣку земному, прикрѣпленному къ землѣ, видящему только землю и ея силы, Христосъ показалъ чудесами свое божественное происхожденіе, свой союзъ съ славою своего Отца, показалъ существованіе силъ небесныхъ, высшихъ, чѣмъ силы земли; чудесами онъ облегчилъ человѣку подняться надъ землею и принять высшій законъ, небесный, высшій прогрессъ, предопредѣленный человѣку Словомъ Божиимъ. Вѣра въ чудеса есть вѣра во всемогущество Бога. Вѣда Израилю, обитателю земли въ различныхъ его отрасляхъ, который нуждается еще въ чудесахъ для воспріятія закона небеснаго, высшаго прогресса Слова, хотя этотъ прогрессъ, этотъ законъ были даны ему восемнадцать вѣковъ тому назадъ. Иисусъ Христосъ имѣетъ право собирать жатву жизни, а не обязанъ призывать и возбуждать снова человѣка чудесами.“

¹⁾ Ibid. ²⁾ Ibid. 323—4.

Отвергал чудеса, Товянскій вѣрилъ въ *сновидѣнія*, придавалъ имъ большое значеніе, а потому Милкевичъ часто обращался къ нему за толкованіемъ сновъ своихъ и другихъ Товяницковъ, а иногда и самъ толковалъ ихъ. Такъ 3 іюля 1843 г. онъ посылалъ Товянскому сонъ Ромуальда ¹⁾; 20 февраля 1844 г. писалъ ему ²⁾: „такъ какъ сны Ромуальда часто многозначительны, то посылаю послѣдній его сонъ;“ 11 и 13 ноября того-же года онъ видѣлъ во снѣ *духовъ изъ своей семьи* ³⁾; 14 іюля 1845 г. онъ писалъ Товянскому о снѣ своей жены Целины ⁴⁾; 13 ноября того-же года онъ пзвѣщалъ Товянскаго ⁵⁾, что видѣлъ во снѣ Мицельскаго „весьма смиреннымъ и готовымъ къ принятію правды;“ наконецъ, 27 сентября 1847 года на собраніи Товяницковъ онъ говорилъ о слѣдующемъ чрезвычайномъ снѣ своемъ ⁶⁾: „Когда я былъ на водахъ, мнѣ было дано предостереженіе въ чрезвычайномъ снѣ. Пріятель мой, который даже не принадлежитъ къ нашему кружку, пришелъ во снѣ утѣшать меня. Онъ мнѣ пѣлъ много народныхъ пѣсенъ, а въ особенности одну пѣсню: мелодію ея я удержалъ въ памяти и запомнилъ изъ нея нѣсколько словъ. Я видѣлъ много эмигрантовъ и изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ мы вмѣстѣ пѣли одну пѣсню. Тогда мой пріятель принялъ важную строгую мину и твердымъ и торжественнымъ голосомъ обратился ко мнѣ со словами, послѣ которыхъ я проснулся. Слова эти были: „Давайте мнѣ ноту пѣсни, по словъ пѣсни, *сограми насъ Боже*, мнѣ не давайте, развѣ только тѣмъ, которые эту ноту поютъ и вмѣстѣ съ вами будутъ танцовать. Кто не отвѣчаетъ на ноту, тому словъ не давайте.“ Въ этомъ снѣ Милкевичъ видѣлъ предостереженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ наставленіе, какъ дѣствовать въ кружкѣ Товяницковъ: „Помните“, прибавляетъ онъ, „что слѣдуетъ давать *ноту*, а не *слова*“.

Тотъ играетъ весьма важную роль въ ученіи Товянскаго. Отъ ничтожества (*od nicości*) до Бога--множество тоновъ ⁷⁾.

¹⁾ Ibid. I, 98. ²⁾ Ibid. 135. ³⁾ Ibid. 192. ⁴⁾ Ibid. 261. ⁵⁾ Ibid. 300. ⁶⁾ Ibid. II, 99—100. ⁷⁾ Ibid. I. 57.

Есть тоны духа и тоны земли; все бѣдствіе челоѣка происходитъ отъ того, что эти тоны раздѣлены; соединеніе этихъ тоновъ послужить къ изгнанію зла и къ господству добра на землѣ.¹⁾ Тонъ земли есть низкій тонъ, указывающій низкій путь, соответствующій нижней жизни: „низшаго онъ укрѣпляетъ, высшаго губить;“ высшій тонъ есть тонъ Бога, тонъ Христа²⁾. Тонъ Христовъ состоитъ въ смиреніи, сокрушеніи о грѣхахъ, въ воспріимчивости и живости духа, въ совершенной преданности Богу, въ любви къ Богу и къ ближнему, въ открытіи дна души, въ всехъ своихъ грѣхахъ передъ Богомъ, передъ самимъ собою и передъ ближнимъ.³⁾ Въ этомъ тонѣ Христовомъ, Христово-Наполеоновскомъ, тонѣ Товинскаго, тонѣ *Sprawy Świętej* должны дѣйствовать Товяницки⁴⁾. „Нашъ образъ дѣйствій—религіозно-политическій, нашъ тонъ—Христово-Наполеоновскій“, писалъ Мицкевичъ Северину Гоцинскому изъ Брюсселя 28 іюля 1843 года.⁵⁾ „Злой духъ старается раздѣлить эти тоны и позволилъ-бы намъ политически усилиться, чтобы только представить насъ въ глазахъ милліоновъ раскольниковамъ. Благословеніе паны признаетъ необходимое единство двухъ тоновъ.“ — „Тонъ—все,“ говорилъ Мицкевичъ въ собраніи Товяницковъ 27 септѣбря 1847 г.⁶⁾ „Памъ поданъ и показанъ этотъ тонъ; но какъ иѣтъ иѣсни безъ такту, какъ нуженъ тактъ въ музыкѣ, такъ онъ необходимъ и въ нашемъ тонѣ. А тактъ этотъ есть пониманіе, чутье, когда слѣдуетъ посиѣпить и когда замедлить. Показать этотъ тактъ чрезвычайно трудно; безъ полного самозабвенія его нельзя иѣти.“ Объясняя слова Товинскаго: „Еще не было примѣра, чтобы земное дѣяніе было предпринято и доведено до конца въ одномъ тонѣ,“⁷⁾ Мицкевичъ говорилъ:⁸⁾ „Христосъ выдержалъ тонъ до конца; но это было дѣяніе духа, а не земли. Онъ одиѣ только не поколебался въ духѣ: что говорилъ въ началѣ, то и въ послѣднюю мнунуту: съ любовью, безъ гнѣва вписѣлъ на крестѣ. Никто этого не могъ исполнить;

¹⁾ Ibid. 36, 107. ²⁾ Ibid. 60, 64. ³⁾ Ibid. 284. ⁴⁾ Ibid. 65, 71, 127. ⁵⁾ Ibid. 105. ⁶⁾ Ibid. II, 98. ⁷⁾ Ibid. I, 124. ⁸⁾ Ibid. I, 125.

самъ Моисей не выдержалъ тона до конца. Выдержать тонъ въ дѣлахъ земныхъ чрезвычайно трудно. Напримѣръ, нѣкто дѣлаетъ проектъ, а прежде чѣмъ выйдетъ съ нимъ на улицу, начинаетъ уже колебаться; на дорогѣ встрѣчаетъ кого-нибудь, и тотъ разбиваетъ его разговоромъ; возвратившись домой, находитъ у себя нѣсколько особъ, и вотъ новое препятствіе, котораго не предвидѣлъ духомъ, и проектъ оканчивается совершенно иначе, чѣмъ былъ начатъ. Это такъ называемое вліяніе обстоятельствъ, хаосъ земной. Но въ „Sprawie Pańskiej (т. е. въ кружкѣ Товяницковъ)“ дѣла не будутъ идти такимъ порядкомъ: бпгъ не могутъ зависѣть отъ обстоятельствъ.“

Товянский и Мицкевичъ часто говорили о тонѣ, но рѣдко можно понять ихъ слова. ¹⁾).

Еще чаще въ ученіи Товянскаго говорится о *духѣ*. Истолкователь его ученія, Мицкевичъ говорилъ въ собраніи его учениковъ въ 1842 году ²⁾:

„Учитель нашъ ничего новаго намъ не принесть; вѣдь, до Христа многое уже сознавалось, и Христосъ ничего новаго не принесть, кромѣ *новаго духа*: онъ показалъ въ себѣ ту жизнь—Слово Божіе, которою свѣтъ изначала жилъ и которую мало-по-малу утрачивалъ. Свѣтъ цѣлый требовалъ, жаждалъ чего-то, а никто ничего не умѣлъ дать ему. Былъ всѣ политическія партіи, всѣ религіозныя секты ищутъ правды: отсюда возникли даже ереси. На матеріальномъ пути ничто уже не удовлетворитъ свѣта.

Вотъ Франція имѣетъ ту свободу, которой мы такъ добились, имѣетъ свою юстицію, своихъ *jugés*, промыслы и искусства, поднятыя на высочайшую ступень, словомъ все, что можетъ дать земля, и все это ей не удовлетворяетъ: всѣ чувствуютъ, что что-

¹⁾ См. нпр. тамъ-же стр. 94 и 108. ²⁾ Ibid. 65—6.

го мало. И демократическое общество желает равенства, свободы, да и мы ничего иного не желаемъ. И вы не приблѣли-бы сюда, если-бы не искали, не желали чего-то. П вотъ ялагаю передъ вами свидѣтельство, что *Учитель* принесъ намъ это въ своей особѣ. Необходимо, чтобы вы, братья, хорошо почувствовали, что мы не приносимъ никакой науки, никакой теоріи; уже миновала пора поученія, нужно дѣйствовать, и этотъ путь показалъ намъ *Учитель*. Децентрализованную со времени Христа жизнь онъ централизовалъ, и показалъ себя человекомъ совершеннымъ. *Нужна* была наконецъ личность, и онъ пришелъ, какъ образъ, который мы должны реализовать.“ Въ чемъ-же состоитъ этотъ новый духъ, принесенный Товянскимъ, самъ Мицкевичъ затрудняется объяснить.

„Види *Учителя*“, говоритъ онъ ¹⁾, „нужно признать и утвердить, что онъ приноситъ тотъ самый тонъ, тотъ самый духъ, который принесъ Христосъ въ свое время, и онъ въ насъ, тотъ светъ на другую изъ семи эпохъ. Пинѣ настали новыя нужды, прежнія доблести не достаточны; и какъ Христосъ прежняго закона не разрушалъ, а только вдохнулъ въ него новую жизнь, точно такъ же и *Учитель* нашъ подымаетъ все, что упало: семью, народъ, религію; потому-что тутъ дѣло идетъ не объ одной Польнѣ, а обо всемъ мірѣ, о цѣломъ человечествѣ.“

Одни только Жиды сохранили настоящее почитаніе Бога, чистое стремленіе духа къ Богу. Католическое духовенство, а въ особенности іезуиты, забываютъ духъ „*Великіе и сильные души сохранились въ Польнѣ между Жидами и словами-новыми Преподобными... Старые души нашихъ предковъ, пиковъ, перенесли въ эпоху, захотѣли родиться въ нужды, чтобы только жить въ болѣе-шей свободѣ духа, безъ принужденія ко жизни.*“ Первенство между всѣми „духовно-освобожденными“ народами принадлежитъ Поля-

¹⁾ Ibid. 67.

камъ и французамъ. Духомъ своего Учителя Поляки должны оживить Французовъ и выѣстъ съ ними возродить человѣчество. ¹⁾

Часто Товянский и Мицкевичъ толковалъ о *духу* „Sprawy“²⁾, но въ такихъ туманныхъ и иногда безмысленныхъ выраженіяхъ, что мы не рѣшаемся передавать ихъ. Разъ, въ 1844 г., Товянский писалъ Мицкевичу ³⁾.

„На этихъ дняхъ сорокъ четвертаго года *великій духъ св. Петра сталъ во всей своей полнотѣ въ Дѣлѣ Божіемъ* (w Sprawie Bożej)“.

Не рѣдко говорили Товянский и Мицкевичъ о *духу Наполеона*. Наполеона называлъ Товянский *святымъ духомъ* (esprit saint), самымъ близкимъ къ землѣ, имѣющимъ самую легкую возможность касаться людей“. — „Духъ Наполеона“, говорилъ онъ ⁴⁾, „есть преднослѣдній въ святой колоннѣ духовъ, помогающихъ человѣку; онъ можетъ жить, дѣйствовать на землѣ, не переставая быть чистымъ духомъ“. Мицкевичъ, конечно, по внушенію Товянскаго, совѣтовалъ братьямъ товянщикамъ ⁵⁾, „всѣмъ силами возвышаться къ единенію съ *духомъ силы*, съ *духомъ Наполеона*. Онъ изъ всѣхъ духовъ найчище и найспынѣе дѣйствовалъ словомъ на землѣ, а нынѣ духомъ приводитъ „Справѣ“ объявленіе слова. Посредствомъ молитвы къ нему (молитвы новаго закова), посредствомъ живаго общенія съ его духомъ, духъ нашъ начнетъ преобразоваться по образу и подобію его“.

Въ большемъ уваженіи у Товянщиковъ былъ *духъ императора Александра I, принимавшій* будто-бы *участіе въ ихъ Дѣлѣ*.

¹⁾ Ibid. 66—71. ²⁾ Ibid. 111—3, 150, 159 и слѣд., 236 и слѣд., 239 и слѣд. ³⁾ Ibid. 131. ⁴⁾ Ibid. II, 318. ⁵⁾ Ibid. I, 163—4. Срв. 165.

О *духу Израильскомъ* Товянскій говоритъ сначала, какъ о дружественномъ и родственномъ духѣ „Дѣлу Христову на землѣ“ (*Sprawie Chrystusowej na ziemi*), „а потомъ, какъ о самомъ опасномъ“, какъ объ „истребителѣ молодыхъ дѣтей Христовыхъ“ (т. е. Товяницковъ),—съ тѣхъ поръ какъ этотъ духъ *перешелъ на службу духа земли*.¹⁾

„Духъ не всегда въ человѣкѣ“, училъ Мицкевичъ въ 1843 году²⁾; „часто онъ вни ею т. е. онъ находится около любимыхъ лицъ и мѣстъ. Не разъ, проходя мимо какого-нибудь мѣста, дерева, камня, мы чувствуемъ необъяснимый страхъ; ибо тамъ навѣрное пребываетъ чей-нибудь духъ, можетъ быть кого-нибудь убитаго, а можетъ быть и самаго убійцы въ мѣстѣ совершеннаго преступленія“.

Вся исторія человечества есть борьба духа съ тѣломъ. „Человѣкъ, прикрѣпленный къ землѣ, не можетъ исполнить своей мисси, проявить свой духъ иначе, какъ чрезъ посредство земли т. е. тѣла“. Работа духовная возможна только тогда, когда тѣло и духъ доведены до духовнаго единства. Всѣ войны и кровопролитія—ничто иное, какъ борьба духа съ тѣломъ³⁾.

Товянскій любилъ говорить о *трудѣ духовномъ*⁴⁾, о *жертвѣ духовной*⁵⁾; но никогда не объяснялъ, въ чемъ должны состоять этотъ трудъ и эта жертва.

Онъ предостерегалъ своихъ учениковъ отъ средствъ возбужденія духа, противныхъ „чистому тону духовному“, каковы: магнетизмъ, пьянство, нервная экзальтація⁶⁾.

Признавая недостаточными правила христіанской нравственности, выраженные въ десяти заповѣдяхъ Божіихъ, для „людей новой эпохи“, людей „освобожденнаго духа“, Товянскій говоритъ о „принятіи новыхъ обязанностей“⁷⁾; но, въ чемъ онѣ состоятъ,

¹⁾ Ibid. I, 273. ²⁾ Ibid. 94. ³⁾ Ibid. II, 202. ⁴⁾ Ibid. I, 77—9, II, 205. ⁵⁾ Ibid. I, 43 и др. ⁶⁾ Ibid. II, 206. ⁷⁾ Ibid. 203—4.

не объясняетъ. Въмѣсто новыхъ правилъ нравственности Товянский повторяетъ только общепринятые христіанствомъ: покаяніе ¹⁾, исповѣдь въ грѣхахъ и соединенное съ нею причащеніе, исправленіе жизни, прощеніе обидъ ²⁾, любовь и уваженіе къ ближнимъ ³⁾. Даже проповѣдываніе *юродства Христа ради* не ново: Товянский требовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они были *юродными Христа ради* т. е. „отречались отъ земли и мудрости, черпали только изъ духа (być głupim dla Chrystusa, jest to wyrzec się ziemi, a mądrość tylko z ducha czerpać)“ ⁴⁾.

Товянский проповѣдывалъ „*любовь ко всемъ народамъ, даже къ Россіи, но преимущественно къ Франціи*“.— „Любовь христіанская и желаніе, чтобы Франція первая находилась на пути Господнемъ, есть наша обязанность“ ⁵⁾. Всѣ христіане должны составить одно *христіанское братство* (la fraternité chrétienne). Къ этому стремился Наполеонъ I, но не достигъ этого, потому что его *обогащали* ⁶⁾. Осуществить христіанское братство, основанное на *равенствѣ всехъ членовъ*, призванъ Товянский ⁷⁾. Исходя изъ этого принципа равенства всѣхъ членовъ братства, онъ проповѣдывалъ полную *эманципацию женщинъ, освобожденіе хлопотъ и общинное земледѣліе*, сохранившееся у Славянъ.

„Женщина израильская“, говорилъ Мпцкевичъ на собраніи Товяницковъ 4 марта 1847 года ⁸⁾, „играла служебную роль въ обществѣ и семьѣ.... Христосъ проповѣдывалъ полную свободу женщинъ, ходилъ окруженный женщинами—дѣло новое и неслыханное въ Израилѣ, бесѣдовалъ у колодца съ Самаритянкою о дѣлахъ Самаріи. Эта свобода была задушена въ римской церкви.... Позже женщина начала неправымъ способомъ выбиваться на свободу; въ нѣкоторыхъ сектахъ она даже священнодѣйствуетъ; но нигдѣ еще не приобрѣла настоящаго своего положенія, ибо нельзя достигнуть этого, не разрывая нити, вяжущей съ ду-

¹⁾ Ibid. I, 11. ²⁾ Ibid. 7. ³⁾ Ibid II, 210. ⁴⁾ Ibid. I, 64. ⁵⁾ Ibid. II, 332. ⁶⁾ Ibid. 313. ⁷⁾ Ibid. 322. ⁸⁾ Ibid. 74—6.

хоть Божіимъ. Тотъ только можетъ признать высшее призваніе женщины, кто понимаетъ его значеніе въ обществѣ. Что же теперь считается самымъ высокимъ качествомъ въ женщинѣ? Её хвалятъ за то, что она хорошая экономка, порядочная хозяйка, — и то только люди чистые, богобоязненные, а матеріалисты спускаются еще ниже — хвалятъ её прелести... Женщина должна имѣть опору или въ священникахъ — мужчинахъ, или въ своихъ собственныхъ священникахъ... Говори, что призваніе женщины состоитъ не въ томъ только, что-бы она была матерью и домашнею слугою, Мицкевичъ ссылается на извѣстныя слова Христа о Магдалинѣ, которая не хотѣла отойти отъ ногъ Его въ то время, какъ Марфа готовила для Него угощеніе, проситъ Бога, чтобы Онъ послалъ Товяницкамъ священника (каріатке), и наконецъ указываетъ на роль женщины въ революціи французской, когда онѣ мгновенно вырвались на свободу.

Въ томъ-же году самъ Товянский такъ поучалъ о свободѣ женщины: ¹⁾ „Женщина, вслѣдствіе господства на землѣ правъ и силы земной, языческой, вслѣдствіе паденія правъ и сплы христіанской, лишенная правъ, принадлежащихъ ей духу, лишенная жизни, свободы духа, свободы христіанской, отдаленная отъ братскаго христіанскаго общенія съ мужщиною, должна получить то, что ей принадлежитъ. До сихъ поръ она дѣлала съ мужщиною интересы земные; а отнынѣ она должна дѣлать съ нимъ интересы его духа, его обязанности къ Богу, къ ближнему и къ отечеству; звѣзда мужщины по своему призванію, она должна стать дѣйствительнымъ членомъ общества и взаимно по праву братскаго христіанскаго общенія она должна получить помощь отъ сильнѣйшаго матеріально мужщины въ интересахъ своего духа на землѣ на пользу обоюднаго ихъ успѣха, ибо труденъ успѣхъ христіанскій безъ этого христіанскаго общенія мужщины съ женщиною... на подобіе общенія Христа съ Божіей Матерью“...

¹⁾ Ibid. 92—3.

Товянскій съ большимъ сочувствіемъ отзывался о *милліонѣхъ кметовъ* (или *хлоповъ*), *невольниковъ польскихъ* ¹⁾, и *требовалъ для нихъ справедливости* отъ шляхты ²⁾. Слова „освобожденіе“³⁾, очевидно, онъ не смѣлъ произнести.

Ученикъ и толкователь Товянскаго, Мицкевичъ проповѣдывалъ *славянское общинное землевладѣніе*. Въ собраніи Товяницковъ 9 марта 1847 года онъ изложилъ вкратцѣ исторію землевладѣнія ⁴⁾. У Евреевъ каждая семья имѣла свою полосу земли, которую нельзя было продать или заложить болѣе, какъ на 49 лѣтъ: на 50-й годъ долги кассировались, каждый возвращался на свою землю, и невольникъ получалъ свободу; поэтому пятидесятый годъ называли годомъ юбилейнымъ, годомъ милости. Въ Римѣ каждая земля принадлежала божеству, и одни только патриціи имѣли право пріобрѣтать землю на определенное закономъ время. „Такое понятіе о землевладѣніи уже утратилось во всей Европѣ: одни только Славяне его сохранили. У нихъ каждый крестьянинъ имѣетъ свою полосу земли, на которой онъ сидитъ и съ которой никто не имѣетъ права прогнать его. Въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ уже собственникъ хлопской земли, хлопъ онъ оставилъ свободу покинуть землю и деревню. Было-бы гибельнымъ для насъ, если-бы революціонныя понятія Запада перешли къ намъ, ибо наши нани поступили-бы съ хлопомъ такъ, какъ англійскіе дворяне, которые, разсчитавши, что разведеніе овецъ приноситъ большую прибыль, чѣмъ содержаніе землевладѣльцевъ, заставили цѣлыя поколѣнія древнихъ Кельтовъ выселиться изъ Шотландіи въ Америку. Такъ погибъ-бы и хлопъ польскій, славянскій“.

„Право нашего хлопа на землю, на которой онъ сидитъ, неоспоримо... Полосы земли хлопской, на которой сидитъ нинѣ шляхта, были прежде собственностью общины. Только со вре-

¹⁾ Ibid. 7. ²⁾ Ibid. 71. ³⁾ Ibid. 77—9.

менемъ шпихта захватила эти земли, на которыя она не можетъ предъявлять никакого права: онѣ составляютъ собственность общины“.

Во Франціи и на всемъ Западѣ въ вопросѣ о землевладѣніи господствуетъ хаосъ: тамъ не могутъ и додуматься до того положенія, въ которомъ онъ находится у Славянъ.

Славянская община была соціально-политическимъ идеаломъ Мицкевича.

Объ *аристократіи* и *демократіи* Товянскій высказался такъ: ¹⁾ „ни та, ни другая не согласна съ духомъ Христовымъ; ни та, ни другая не знаетъ любви“. Аристократію, какого-бы рода она ни была, Товянскій считалъ противною успѣхамъ чело-вѣчества ²⁾: „всякій, кто возвышается на землѣ—богатствомъ, умомъ, привилегіями, наслаждается благами земными, создалъ себѣ небо на землѣ, не стремится къ небу и пренебрегаетъ всякому стремленію къ небу, всякому успѣху чело-вѣчества; обладая всѣмъ на землѣ, онъ говоритъ, что царство Божіе—на землѣ, что имя Божіе святится на землѣ, что исполняется воля Божія, въ сущности-же это—царство, имя, воля—духа земли, а не Бога!“

Ученіе Товянского о *предержащихъ властяхъ* выражается въ слѣдующихъ словахъ ³⁾: „Божественная мысль, достойно представленная предержащими властями, есть самая важная помощь, предназначенная чело-вѣку въ его странствіи. Предержащія власти должны быть идеаломъ христіанина, вести своихъ подчиненныхъ къ исполненію воли Божіей, данной въ Слово Божіе; но нынѣ онѣ вообще олицетворяютъ идею земнаго духа и побуждаютъ своихъ подчиненныхъ къ исполненію ея. И въ этомъ виноваты сами подчиненные“. Не предержащія власти, а самихъ себя мы должны обвинять въ томъ, что на свѣтѣ господствуетъ несправедливость.

¹⁾ Ibid. 332. ²⁾ Ibid. 331. ³⁾ Ibid. 331—2.

Товянскій порицалъ всѣ *решолюции* и говорилъ, что онѣ не удавались, потому что производились въ *тотъ земли*. „Только исполненіемъ воли Божіей, *решолюцією христіанскою*, нравственнымъ переворотомъ, человѣкъ можетъ приобрѣсти счастье, свободу, отечество ¹⁾.“

Проповѣдникъ всеобщаго мира и любви между всѣми народами, врагъ войны и всякаго насилія, Товянскій возставалъ противъ *смертной казни* и требовалъ ея уничтоженія. Онъ называетъ смертную казнь *противною закону Божію*: „кто лишаетъ своего ближняго жизни, тотъ лишаетъ его поприща, которое предопрѣдѣлилъ ему Богъ для избавленія себя отъ грѣховъ: гораздо легче избавиться отъ преступнаго ближняго, лишивъ его жизни, чѣмъ принять на себя трудъ исправить его, склонить его къ исполненію воли Божіей.“ Преподобніи власти, по словамъ Товянскаго, „должны стараться о томъ, чтобы найти средства уничтожить зло въ своихъ ближнихъ, а не лишать ихъ жизни: онѣ должны уничтожить зло, а не организмъ...“ Товянскій говорилъ, что наказывать можетъ одинъ Богъ: „ближній не можетъ наказывать своего ближняго,—онъ долженъ исправлять его.“ *О тюремномъ заключеніи* онъ рассуждалъ такъ: „Тюрьма, смотря по преступленію, смотря по состоянію ума и тѣла, одного исправляетъ, другаго портитъ: она сосредоточиваетъ разсѣянное (*dispersé*), а сосредоточенное отверждаетъ (*endurcit*), толкаетъ его на дурную дорогу. На одного тюрьма вліяетъ черезъ нѣсколько дней, на другаго черезъ нѣсколько лѣтъ. Холодное примѣненіе общаго закона противно закону Божію.“ Дѣйствующее уголовное право Товянскій называетъ *закономъ дѣтскимъ* (*la loi d'enfant*), который *унижаетъ родъ человѣческій, достигшій уже зрѣлаго возраста*. ²⁾).

Что касается *возраста* современнаго Товянскому *человѣчества*, то въ другомъ мѣстѣ ³⁾ читаемъ: „До сихъ поръ міръ былъ дѣтскою, нынѣ онъ *начинаетъ быть юношескою*, и будетъ знать болѣе,

¹⁾ Ibid. 322. ²⁾ Ibid. 44—6: Письмо къ И. Скованци изъ Рихтерсвилля отъ 4 Сентября 1846 г. ³⁾ Ibid. 321.

чѣмъ дитя; со временемъ онъ увидитъ все, но это будетъ въ эпоху его полной зрѣлости.“ Но не всѣ европейскіе народы достигли уже юнопескаго возраста: „*Амличанамъ, которые по своему духу не болѣе, какъ двухлѣтніе дѣти*, позволительно забавляться золотомъ; *Пѣмми, достигшіе уже трехъ лѣтъ*, могутъ заниматься философіею; но народъ Израильскій, Французы и вы, мои братья Поляки,... вы должны искать того, что возвышаетъ вапгъ духъ, вы должны поступать по закону вышнему, по закону Слова Божьяго. Впрочемъ мы должны любить этихъ червячковъ, Англичанъ и Пѣмцевъ, потому что они наши братья ¹⁾.“

Мысль о старшинствѣ Франціи передъ Англіею не разъ повторяется у Товянскаго: „Наполеонъ палъ вслѣдствіе того, что хотѣлъ побѣдить Англію тономъ Англіи. Онъ хотѣлъ уничтожить торговлю и промышленность Англіи, сдѣлать Францію промышленною и торговою; но Богъ покровительствуетъ торговлѣ и промышленности Англіи, потому что онѣ на высотѣ англійскаго духа, а отъ Франціи требуетъ, чтобы она принесла плодъ величія и старшинства своего духа (que la France rende le fruit de la grandeur et de l'ancienneté de son esprit). Знайте, что каждый Французъ былъ мужемъ до эпохи Христа (que tout Français était homme avant l'époque de Jésus—Christ).“

Французъ, по словамъ Товянскаго, долженъ возвысить духъ свой и совершить великій дѣлъ, которыхъ ждетъ отъ нея Богъ.

„Французъ долженъ сознать свое положеніе, возвышать свой духъ и представлять плодъ того Богу.... Франція не должна нынѣ тревожиться тѣмъ, что Россія живетъ въ согласіи съ Англіею и покупаетъ ея товары; но она должна подняться силою своего христіанскаго духа на такую высоту нравственную и политическую, какой требуетъ отъ нея Богъ и старшинство ея духа.“ Товянскій не совѣтуетъ Франціи объявлять войну Англіи, которая отдастъ

¹⁾ Ibid. 335.

отчетъ въ своихъ поступкахъ передъ Богомъ; но если Англія вызоветъ Францію, то каждый Французъ долженъ сѣшнить на защиту своего справедливаго дѣла, и въ такомъ случаѣ Англія, какъ-бы ни казалась сильна, не будетъ въ состояніи противиться Богу. „Богъ требуетъ, чтобы Французъ признавалъ достоинство своего духа “ ¹⁾).

Французы -- *передовая нація*. Они должны служить примѣромъ младшимъ націямъ, своимъ младшимъ братьямъ ²⁾).

„Франція призвана привести народы на путь Слова Божьяго; если она не исполнитъ этой миссіи, будетъ отвергнута Богомъ и уничтожена...“ Какъ *самая возвышенная нація* (*la nation la plus élevée*), она должна предводительствовать другими націями. „Богъ требуетъ, чтобы Франція была велика на землѣ тономъ Христовымъ, какъ велика Англія тономъ земнымъ“.

Но „Французъ боленъ тѣломъ и духомъ: тѣло ослаблено, духъ разсѣянъ; только тонъ Слова Божьяго можетъ возвратитъ силу его тѣлу и духу; Французъ можетъ быть исцѣленъ только духомъ“... ³⁾

Товинскій надѣется, что „прекрасная и несчастная“ Франція *вскорѣ возродится* къ новой жизни, раскѣтся въ прошломъ и будетъ блистать своимъ духомъ ⁴⁾. Она станетъ подъ знаменемъ Христа и будетъ исполнительницею воли Божіей. „Наполеонъ сказалъ: „*Республика или козаки*“ т. е. или Франція исполнитъ волю Божію и будетъ свободна, или-же не исполнитъ воли Божіей, и тогда другіе народы вторгнутся во Францію и раздѣлятъ ее между собою“ ⁵⁾).

Франція, „*la nation-magistrat*“, породитъ новаго героя, „*un héros-magistrat*.“ ⁶⁾ Этимъ „героемъ новой эпохи“ будетъ тотъ, кто къ завѣщаннымъ Наполеономъ I дѣланіямъ присоединитъ новый духъ ⁷⁾).

¹⁾ Ibid. 335—6. ²⁾ Ibid. 337. ³⁾ Ibid. 326. ⁴⁾ Ibid. 328. ⁵⁾ Ibid. 329. ⁶⁾ Ibid. 302. ⁷⁾ Ibid. 314.

Товянскій проповѣдывалъ культъ *Наполеона*. „Настала эпоха“, говоритъ онъ ¹⁾, „когда слово должно жить. Чтобы оно жило, мы должны реализовать въ тонѣ слово Христово дѣйствиємъ (*en réalisant dans le ton la parole de Jésus-Christ par l'action*). Молитвою усть, удаленіемъ въ монастыри нельзя дать жизни слову; но дать ему жизнь, когда, держась въ тонѣ, побѣждаютъ зло среди міра. Наполеонъ—единственный человекъ, который пришелъ дать жизнь слову не только въ частной, но и въ публичной жизни. *Мы необходимо должны соединиться съ духомъ Наполеона*. Наполеонъ далъ образцы дѣйствія, онъ—предшественникъ дѣятельной жизни слова. *Человекъ, который хоть немного проникнутъ наполеоновскою идеею, гораздо ближе къ Богу, чѣмъ многія лица, молящіяся Богу отъ утра до вечера*“.

„Наполеонъ былъ предопредѣленъ къ исполненію воли Слова въ жизни народовъ, къ водруженію знамени Христова на языческомъ полѣ политики“. Но, когда онъ перешелъ границу своей миссіи, Богъ оставилъ его и онъ былъ побѣжденъ. „Тѣмъ не менѣе воля Божія была исполнена: идея союза религіи съ политикою зародилась на землѣ“.

Наполеонъ не кончилъ своей миссіи, онъ ее продолжаетъ—не тѣломъ, а духомъ. „Для спасенія человечества онъ живетъ понинѣ, живетъ жизнью болѣе величественною, болѣе святою,—онъ оканчивается то, что началъ“.

„Наполеонъ былъ величайшій человекъ на землѣ со временъ Христа... Христосъ сошелъ на землю, чтобы распространить слово Божіе между людьми,—призваніемъ Наполеона было соединить слово съ дѣломъ... Смерть его тѣла не освободила его отъ этой великой миссіи на землѣ, его духъ безпрерывно дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать, но теперь ему труднѣе дѣйствовать на людей, чѣмъ прежде. Богъ преисполняетъ его великими милостями, и тѣ, которые обращаются къ нему съ молитвою, которые взы-

¹⁾ Ibid. 295—6. ²⁾ Ibid. 297.

ваютъ къ его духу, которые соединяются съ нимъ, становятся весьма могущественны“. ¹⁾

Товянскій любилъ говорить о миссіи Наполеона, еще продолжающейся на землѣ, и часто повторялъ одно и то же, хотя въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ ²⁾. Онъ называетъ Наполеона „великимъ Израилемъ (le grand Israël)“, которому Богъ повелѣлъ „соединить духъ съ землею, начать на землѣ общественную жизнь по закону Господню, поднять человека на высоту его духа“ ³⁾.

Въ противоположность обоготворяемому Наполеону I Товянскій называлъ *Людвика - Филиппа* „земнымъ королемъ, унизавшимъ Францію“ ⁴⁾, представителемъ матеріализма, останавливающимъ успѣхъ Французовъ, убивающаго ихъ духъ, развивающаго доктринерство и т. п.) Точно также всѣхъ *Бурбоновъ* онъ объявляетъ „врагами миссіи Наполеона, врагами прогресса и спасенія Франціи“ ⁵⁾.

Товянскій называлъ себя „органомъ Наполеона (l'organe de Napoléon)“. ⁶⁾ Только онъ одинъ понималъ и исполнялъ идею Наполеона. Эту идею, „величайшее изъ сокровищъ“, онъ долженъ передать „словами и дѣломъ“ французамъ, — „для духовной жизни этой великой націи“, — даже вопреки ей самой, если бы она добровольно не признала его „божественной миссіи“. Въ случаѣ сопротивленія ожидаютъ Францію „страданія вѣшнія и внутреннія“. ⁷⁾

Есть только два народа „духа высоко свободнаго“, (dont l'esprit est éminemment dégagé, ducha wysoko wyzwolonego) — *Французы* и *Поляки*, но Поляки *закатываютъ свой духъ*, а Французы *разсыплютъ*. „Посмотри на Француза“, говорилъ Товянскій ⁸⁾, и „тотчасъ узнаешь его высоко-свободный духъ: посмотри на его руки, на цѣлую его особу, — совсѣмъ нѣтъ тѣла. Земля чувствуетъ эту силу я, не будучи въ состояніи уничтожить ее, вслѣдствіе старается напра-

¹⁾ Ibid. 298. ²⁾ Ibid. 21, 300, 304, 306, 310, 311-2, 314 6, 318. ³⁾ Ibid. 305. ⁴⁾ Ibid. 331 ⁵⁾ Ibid. 330. ⁶⁾ Ibid. 324. ⁷⁾ Ibid. 324.. ⁸⁾ Ibid. 14—15. ⁹⁾ Ibid. 204, 330.

вить ее на ложные пути. Она показиваетъ тысячу направленій, чтобы своротить духъ французскій къ земнымъ интересамъ. рассыпать его по землѣ"... Поляки, напротивъ того, закапывали свой духъ: „каждый, сдѣлавъ себѣ какую-нибудь нору, хоронилъ себя въ ней и хотѣлъ бы въ ней вѣчно оставаться, дурно или хорошо, только было-бы спокойно; отсюда одни утонули и утопаютъ въ удобствахъ жизни, другіе погрузились въ хозяйство, третьи въ доктрины, четвертые въ праздную набожность“. Но Богъ бдѣлъ надъ Поляками. Путемъ гоненій и притѣсненій онъ пробудилъ духъ въ польскомъ народѣ (простомъ, крестьянахъ, а не въ шляхтѣ).

По словамъ Товянскаго ¹⁾, „у Французовъ по натурѣ ихъ тѣла движеніе духа болѣе свободное, чѣмъ у Поляковъ“, а потому они должны „работать духомъ“, оставляя Полякамъ работу физическую, матеріальную.

Поляки обязаны „работать на настоящее счастье Франціи (travailler au vrai bonheur de la France)“, — работать безкорыстно, съ полнымъ самоотверженіемъ, даже противъ воли Французовъ; Поляки должны „служить“ Франціи, если бы даже подвергались за свою службу тюремному заключенію и жесточайшимъ гоненіямъ; „служба Франціи, они не должны думать о своемъ отечествѣ“ ²⁾. По этому Мицкевичъ называлъ Товянскаго „l'homme de la France“ ³⁾. Такъ училъ Товянскій о службѣ Поляковъ Франціи въ 1845 году; черезъ годъ онъ говорилъ совершенно иное. „Польскіе эмигранты въ полнотѣ своихъ христіанскихъ жертвъ должны видѣть, чувствовать и носить въ себѣ мысль Божію, почившую на Франціи, путь и дѣйствіе Франціи, и *послѣ перваго изгнанія, сдѣланнаго самими Французами, поприще службы будетъ имъ открыто*. Тогда они излагаютъ мысль Божію, прокладываютъ путь, даютъ идею, укрѣпляютъ силою слова Божьяго, предлагаютъ поддержку въ себѣ, указываютъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Держась въ полнотѣ тона, въ полнотѣ жертвы христіанской, они *оставляютъ*

¹⁾ Ibid. I, 290. ²⁾ Ibid. II, 333. ³⁾ Ibid. I, 296.

Французамъ дѣйствіе на землѣ. Каждую минуту, на каждомъ пунктѣ, слуги Христовы показываютъ, чѣмъ долженъ быть Французъ, но не принимаютъ на себя обязанностей Француза... Такую помощь, такую жертву должны принести Французамъ ихъ братья— Польскіе эмигранты. Французъ обладаетъ въ изобиліи матерією, земными силами, но онъ нуждается въ духѣ христіанской жертвы, чтобы исполнить мысль Божію, почіющую на немъ ¹⁾“.

Вмѣсто безкорыстнаго служенія Франціи съ забвеніемъ собственного отечества тогда-же онъ сталъ проповѣдывать *возстановленіе Польши Францією и Англією*, говорилъ, что *Англія готова пролить кровь свою за Польшу*, что *Франція объявитъ войну и освободитъ Поляковъ*; но въ слѣдующемъ (1847) году онъ уже объявлялъ, что ошибся въ своихъ расчетахъ, что былъ ложнымъ пророкомъ ²⁾.

Въ паденіи Польши Товянскій *считалъ самихъ Поляковъ*, а не сосѣдей ихъ, какъ это дѣлали эмигранты. „Польша, нація христіаннѣйшая, не видя до сихъ поръ источника своихъ бѣдствій, приписываетъ все своимъ врагамъ, подобно ребенку, который обвиняетъ розгу за то, что она съечетъ его, вмѣсто того, чтобы примириться съ отцемъ, который подѣломъ наказываетъ ³⁾“.

Но за годъ передъ тѣмъ (1846) Товянскій укорялъ эту самую *христіаннѣйшую націю* въ недостаткѣ *вѣрности вѣрѣ отцовъ* и говорилъ: „если бы нынѣ Польша воскресла, то идеи Божіи были-бы подняты на смѣхъ, потому что пріятнѣе жить въ такой Польшѣ, какою она была, притѣснять хлѣба, разорить процессомъ противника, а остатки желчи язвить на жену, домашнихъ и т. п.“ ⁴⁾.

Не однократно повторяли Товянскій и Мицкевичъ, что „Польша не возстановлена только потому, что искали ея возстановленія путями не христіанскими“, и что она *можетъ быть возстановлена только путемъ, указаннымъ Товянскимъ* ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. II, 334. ²⁾ Ibid. 27. 98 ³⁾ Ibid. 294. ⁴⁾ Ibid. 33. ⁵⁾ Ibid. 69.

Это—путь нравственнаго исправленія и социальна-политической пропаганды въ Россіи. „Весь нашъ трудъ“, писалъ Мицкевичъ Феликсу Вротнскому изъ Лангрюна 27 іюля 1847 года ¹⁾, „состоятъ нынѣ въ томъ, чтобы мы, сохраняя наше простосердечіе и польскую искренность, освободились отъ того грѣха, который мы унаслѣдовали отъ павшаго нашего отечества, отъ той низкой шляхетской распущенности, губящей всякое высшее чувство, отъ того аристократическаго барства (*arystokratycznej panowania*), которое въ насъ такъ укоренилось“.

Въ словѣ, сказанномъ въ собраніи Товяницкомъ 27 февраля того-же года ²⁾, Мицкевичъ говорилъ, что три части польскихъ народныхъ пѣсенъ наполнены жалобами на бракъ по принужденію, на невольный союзъ съ *нелюбимъ*, что вопросы о духовенствѣ и бракѣ занимаютъ „безчисленныя секты русскихъ“, что этими вопросами Россія до основанія потрясена, что существующія въ этомъ отношеніи институціи не могутъ удовлетворить Русскихъ, а новыхъ они выдумать не умѣютъ, что эти вопросы могутъ быть разрѣшены только Поляками и что они призваны указать новые пути какъ Россіи, такъ и Франціи.

Мицкевичъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣхъ социальна-политической пропаганды Полякомъ въ Россіи, потому что, какъ онъ выражался, „Полякъ и Русскій сходятся въ стремленіяхъ благихъ для рода человѣческаго ³⁾“

Хотя Мицкевичъ сказалъ однажды ⁴⁾, что Поляки ничего не достигнуть, говоря Русскимъ о Славянствѣ, о любви, о слятій Славянъ“, тѣмъ не менѣе Товяницки сильно рассчитывали на успѣхъ панславянской идеи въ Россіи. Въ прошеніи на имя императора Николая I (1844 г.) ⁵⁾ прямо указывается на господствующую роль Россіи въ славянскомъ мірѣ и съ судьбою ея тѣсно связывается судьба остальныхъ славянъ. Каждое славянское племя жило до сихъ поръ отдѣльною жизнью,

¹⁾ Ibid. 95. ²⁾ Ibid. 68, 70. ³⁾ Ibid. 132. ⁴⁾ Ibid. 70. ⁵⁾ Ibid. 222—9, I, 180—8.

одно племя враждовало съ другимъ. Настало время забыть прошлое. Всѣ Славяне, „слитые въ одномъ чувствѣ любви, такой, какой еще не бывало до сихъ поръ, должны соединить свои усилія въ великомъ и общемъ ихъ интересѣ“. Между Поляками есть уже люди, проникнутые искреннею любовью къ своимъ братьямъ Русскимъ и преданные Русскому Царю, „величайшему органу Бога на землѣ“. Въ рукахъ Русскаго царя—великая будущность не только Россіи, но и всего Славянства. Для собственнаго величія и счастья онъ долженъ повиноваться призыву Бога—стать во главѣ Славянъ, народа будущаго. Такими „славянскими чувствами новаго рода“ проникнуто это прошеніе.

Для оправданія себя въ этихъ „славянскихъ чувствахъ“ къ Россіи Топинскій писалъ Мицкевичу ¹⁾: „я служилъ вѣрно Россіи и былъ чистъ предъ Богомъ. Господь призналъ меня на свою службу. Воля Всевышняго стала для меня всѣмъ. Я избралъ новый путь, потому что на прежнемъ я не былъ-бы чистъ предъ Богомъ.... Благо человечества и въ тоже время благо Россіи—въ прогрессѣ, въ исполненіи воли, въ словѣ Божіемъ данной. На этомъ пути сила и счастье Россіи, признанной къ исполненію на землѣ слова Божьяго.... Прошлое, взаимныя кривды и счеты... уже предъ Богомъ, а передъ человекомъ, который не можетъ быть судьей своего брата, неизлечимая въ минувшіе вѣка любовь, братская искренность и взаимная помощь для взаимнаго блага.... Я не призываю къ братскому союзу съ Австрією. На новомъ пути желаю усердіе и правдивость служить Россіи. Богъ видитъ мои мысли. Онъ знаетъ, что блино Россіи лежитъ въ глубинѣ моей души. Русское правительство дастъ отчетъ предъ Богомъ, какъ оно воспользуется чистѣйшими жертвами многихъ моихъ братьевъ, воодушевленныхъ тѣмъ-же духомъ по волѣ Божіей. Оно узнаетъ братскую чистоту если не на землѣ, то тамъ, гдѣ земные интересы не будутъ уже мутить симпатій духа между племенами единого народа Божьяго“.

¹⁾ Ibid. I, 179—180.

Эти мысли Товянскаго объ отношеніяхъ Поляковъ и всѣхъ иныхъ Славянъ къ Россіи идутъ въ разрѣзъ съ мыслями о первенствѣ и предводительствѣ Поляковъ въ славянскомъ мірѣ, съ мыслями, которыя проповѣдывалъ Мицкевичъ съ кафедръ въ Collège de France и повторялъ въ своихъ письмахъ къ Товянскому ¹⁾, съ излюбленными мыслями польской эмиграціи и тѣхъ немногихъ, къ счастью, Поляковъ, которые еще въ наше время хранятъ ея преданія...

Мы изложили ученіе Товянскаго, на сколько оно было намъ доступно, совершенно объективно, словами его самого и его толкователя Мицкевича. Въ ученіи богословско-догматическомъ мы указали на колебанія и противурѣчія, которыя ясно доказываютъ, какъ былъ не твердъ Товянскій въ томъ, что выдавалъ за непреложную истину, болѣе совершенную, чѣмъ христіанскіе догматы. Главные источники его богословско-догматическаго ученія уже указаны нами въ статьяхъ о немъ, помѣщенныхъ въ „Р. Вѣстникъ“. Отрицаніе св. Троицы, св. таинствъ, чудесъ, церковныхъ обрядовъ, церковной іерархіи, монашества находимъ во многихъ ересяхъ. Ученіе о *томъ* навѣяно, кажется, монологомъ Конрада въ III части Dziadów. Ученіе о *духѣ*, о *молитвѣ*, о *покаяніи*, о *жертвѣ* представляетъ много сходства съ ученіемъ Лудовика Круликовскаго, котораго Мицкевичъ ²⁾ называетъ „représentant de la philosophie polonaise émigrée“. По словамъ Круликовскаго, въ каждомъ человѣкѣ есть зародышъ божественный, который онъ называетъ *Святымъ Духомъ*. Этотъ божественный зародышъ, развиваясь, пріобрѣтаетъ сознаніе своего существованія и своей силы, и тогда человѣкъ становится безсмертнымъ. Круликовскій говоритъ, что этотъ зародышъ есть *идеалъ, образецъ*, который человѣкъ долженъ имѣть постоянно передъ очами своей души и по которому долженъ образовывать себя. Къ этому образцу онъ стремится путемъ *молитвы*, которая состоитъ не въ словозверженіи, а въ постоянной ра-

¹⁾ Ibid. 205, ²⁾ Les Slaves. Cours de la littérature Slave (1842—3). IV, 464—473.

ботѣ духа, имѣющей свои правила и свою цѣль, путемъ *покаянія* т. е. отрѣченія отъ всего прошлаго, унижающаго человѣка, и наконецъ путемъ *жертвы* т. е. отрѣченія отъ всѣхъ общественныхъ выгодъ, семейства, собственности, народности. Этими тремя путями человѣкъ достигаетъ соединенія съ духомъ Христовымъ и становится способнымъ къ духовной жизни. Собраніе такихъ людей составитъ будущее общество. Основаніемъ его будетъ *братство*. Это—церковь будущаго, *церковь дѣйствующая*, каковой до сихъ поръ не было.

Гораздо любопытнѣе для насъ соціально - политическое ученіе Товянскаго, но и оно не представляетъ ничего почти самостоятельнаго.

Кромѣ сочиненій Гене - Вронскаго Товянскій могъ пользоваться трудомъ *Антоня Букачана*, „*Polska w Apostazii i w Apoteozie*“ (Парижъ, 1842 г.).

Основывая свою философскую систему на исторіи и на данныхъ пѣмечкой спекулятивной философій, Букачый начинаетъ съ очерка исторіи человѣчества. Древнѣйшіе народы, которыхъ онъ называетъ народами элементарными или первой формаціи, каковы Китайцы и Египтяне, преслѣдовали чисто матеріальныя цѣли, ради которыхъ вели между собою войны. Они разлили деспотизмъ. Народы второй формаціи, Греки и Римляне, сознавая опасность всякаго насилія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, создали для защиты общества отъ посягательствъ отдѣльныхъ личностей право государственное, которое Букачый называетъ практическимъ разумомъ. Настала эпоха христіанства. Въ немъ воплотились прекрасное, истинное и благое. Человѣчеству былъ указанъ идеалъ. Прежде оно преслѣдовало только земные интересы; отнынѣ оно было призвано къ жизни духовной. Человѣкъ былъ поставленъ въ независимое положеніе къ природѣ и человѣчеству,—получилъ свободную волю. Христосъ преобразовалъ древній міръ и указалъ пути дальнѣйшаго прогресса человѣчества. Современное общество призвано упрочить личную свободу и независимость человѣка отъ народа, предоставить каждому народу право на жизнь и незави-

симость отъ другихъ народовъ и наконецъ установить независимость юридическую, гражданскую, политическую и религіозную отдѣльнаго лица отъ всего міра. Разсматривая съ этой точки зрѣнія исторію народовъ, Букатый говоритъ, что романскіе народы, наслѣдники римскихъ идей, далеко распространили свои владѣнія, открыли Америку и окончили покоренія міра, а народы германскіе, удерживаемые съ одной стороны Романцами, а съ другой Славянами, должны были ограничиться наукою, философскими изслѣдованіями. При томъ-же романскіе и германскіе народы, раздробленные на множество племенъ, интересы которыхъ сталкиваются, были тѣмъ самымъ задерживаемы въ своемъ развитіи. *Славяне*, напротивъ того, состоя изъ племенъ родственныхъ по происхожденію и по языку, имѣющихъ одинаковыя интересы. имѣютъ всѣ задатки къ дальнѣйшему развитію. Понимавшись послѣдними на поприщѣ исторіи, они предназначены къ удовлетворенію нуждъ втораго періода т. е. *должны упрочить за народами право жизни и развиваться согласно свободѣ христіанской. Славянамъ принадлежитъ миссія ввести христіанство въ политику.* Но изъ всѣхъ славянскихъ племенъ одни только *Поляки* пользовались, по своей конституціи, полною личною свободою. Имъ остается еще упрочить за своимъ народомъ такую-же свободу по отношенію къ другимъ народамъ. Тогда наступитъ третій періодъ—періодъ свободы и независимости отдѣльнаго лица отъ всего человѣчества. Для достиженія своей задачи Польша должна была принести себя въ жертву человѣчеству, умереть. Путемъ этой жертвы человѣчество возродится ¹⁾.

Возрожденіе человѣчества на почвѣ евангельской чрезъ посредство Поляковъ проповѣдывалъ также уже извѣстный намъ *Лудовикъ Круликовскій* въ своемъ сочиненіи „*Polska Chrystusowa*“. Онъ говоритъ: „Поляки, этотъ народъ—мученикъ и народъ—изгнанникъ, призваны къ работанію въ вертоградѣ Господнемъ и къ ускоренію царства Божьяго“. Увлечшись своимъ ученіемъ и впасть

¹⁾ Ibid. III, 335—9.

въ мистицизмъ, Круликовскій увѣровалъ въ божественное призна-
ніе Товянскаго. По его словамъ, въ Товянскомъ „показалось чудо,
чудо, непонятное для крещенныхъ и некрещенныхъ язычниковъ“. Товянскаго и Мицкевича онъ называетъ послами предвѣчнаго Бога ¹⁾.

Отголоски этихъ философскихъ системъ находимъ у поль-
скихъ эмиграціонныхъ поэтовъ. Изъ нихъ особенно близокъ къ
Товянскому по философскимъ и социальнo-политическимъ идеямъ
Синизмундъ Красинскій (1812—1859). Въ своей *Небожественной*
комедіи (*Nieboska komedya*, 1835 г.) онъ изобразилъ борьбу новыхъ
социально-политическихъ началъ со старыми и взаимное ихъ при-
мирение на почвѣ христiанской свободы и любви. Выведенный имъ
на сцену *философъ* проповѣдуетъ эманципацію женщинъ, освобо-
ждение Negroвъ и возрожденіе рода челоѳическаго „przez krew i
zniszczenie form starych (посредствомъ крови и уничтоженіи старыхъ
формъ)“. А въ поэмѣ *Przedświt* (1843 г.) Красинскій предста-
вилъ апофеозу польскаго народа, которому Богомъ вѣрена миссія
возродить павшее челоѳичество. Эту курьѣзную доктрину поэтъ
такъ развиваетъ въ предисловіи:

„Въ дни Цезаря, предшествовавшіе великому дню Христу,
древній міръ дошелъ до послѣднихъ результатовъ своей исторіи,—
въ религіи до полнаго атеизма, въ философіи—до полнаго нис-
проверженія началъ политеизма... Критика разума уничтожила
старую вѣру и прежнюю жизнь народовъ, и на ихъ мѣсто не по-
ставила ничего равно жизненнаго или еще болѣе жизненнаго.
Куда только ни посмотришь, въ мірѣ духа—развалины, споеводіе,
разладъ—*quot capita, tot sensus*“. Но въ мірѣ матеріальномъ замѣ-
чается противное явленіе: въ немъ „все собирается, срастается,
централизуется. Римъ, внутри разорванный и неимѣющій уже
своей собственной идеи, побѣждаетъ, громитъ, постоянно поко-
рятся—и становится потомъ однимъ челоѳкомъ, которому имя

¹⁾ Pieniążek о. с. 17.

Юлій Цезарь,—и этотъ человѣкъ научить міръ единству и общности интересовъ... Съ виду онъ все перемѣшаетъ, окровавить, наполнить свѣтъ громомъ оружія и кликами войны и ненависти, а въ сущности, вопреки своей воли, все соединить, побратаеть; гранить не знающихъ себя племенъ сотреть въ одинъ песокъ, гладкій и ровный, одного всемірнаго государства! И жиды будутъ думать, что онъ Мессія, а міръ на минуту подумаетъ, что онъ Богъ. Но онъ былъ только предтечею Бога. Въ исторіи—онъ тотъ ангелъ, которому повелѣно устранить препятствія предъ стопами Господа! Онъ привелъ міръ къ матеріальному единству, безъ котораго никакое слово жизни не можетъ распространяться,—и извѣстный въ то время міръ обратилъ въ одну великую и широкую дорогу!“ И черезъ нѣсколько лѣтъ по этой дорогѣ шествовало христіанство. Несмотря на всѣ гоненія, христіанство духовно объединяло міръ, матеріально объединенный. Но прошло около 2000 лѣтъ, и въ послѣдній разъ римская республика напомнила о себѣ страшнымъ эпилентическимъ потрясеніемъ французской революціи. Тѣни Марія, Силлы и Катилины предстали въ кровавыхъ образахъ Дантона, Сен-Жюста и Робеспіера—и повторились дни Цезаря въ дняхъ Наполеона! И христіанскій Цезарь, высшій своего предшественника цѣлою пропалою эпохою, въ полномъ сознаніи сѣбя самою и цѣли, ради которой послалъ его Духъ Божій, управляющій дѣяніями рода человеческого, сказалъ, умирая на скамь изнанаія: „Съ меня будутъ считать начало новой эпохи“. Это изрѣченіе служить оправданіемъ его и всей будущности. Но прежде чѣмъ это вполне оправдается, прежде чѣмъ отъ положенія, созданнаго Наполеономъ, міръ прійдетъ къ преобразованію болѣе полному и болѣе святому, онъ долженъ исчерпать себя, какъ исчерпалъ себя древній міръ, долженъ отречься себя, какъ отрекся себя древній міръ. Не съ сегодняшняго или вчерашняго дня началась прогрессивная акція уничтоженія... Со времени Лютера міръ не имѣетъ мира—онъ все болѣе и болѣе сокрушается страшною гражданскою войною мысли и меча, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ къ уразумѣнію и исполненію обѣта Христового!“

„Въ области религія повсюду разладъ. Католическая церковь погружена въ сонъ уже три вѣка, со времени послѣдняго собора. Греческая церковь—образъ первобытнаго христіанства—разорвана на тысячу ересей, а разлагающійся протестантизмъ говоритъ: *consumatum est!*—Въ области философіи отсутствіе прочныхъ началъ, отрицательная критика, крайняя отвлеченность, односторонность мысли, и отсюда безчисленное множество мнѣній, теорій, гипотезъ, системъ“.

„Въ умственной сферѣ нашихъ вѣковъ господствуетъ страшная анархія: борьба старыхъ вѣрованій съ новыми, старой философіи съ новою, идеализма съ матеріализмомъ.... *По всѣмъ признакамъ міръ намъ падаетъ, вымираетъ; на его мѣсть долженъ возникнуть новый*“...

Христосъ возвѣстилъ людямъ идею *человѣчности*, Наполеонъ—идею *народности*; но эта идея народности была до сихъ поръ въ противурѣчій съ идеею *государственности*. „Всѣ государства образованы на переکورъ народностямъ; всѣ государства—расчетвертопанія одной или нѣсколькихъ народностей въ пользу мертваго кабинетнаго идеала.... Идея Христова, идея *всобщей любви* забыта и на каждомъ шагѣ попирается, нигдѣ однако такъ *антихристіански*, какъ въ Польшѣ во время раздѣловъ (?)“....

Раздѣлы Польши Красинскій называетъ не только *политическимъ преступленіемъ*, но даже *преступленіемъ противъ религіи, противъ правды Божіей—правды вѣчной, святотатствомъ (!)*, какъ покушеніе на раздѣлъ и умерщвленіе святой народности, безъ которой невозможно осуществленіе идеи *человѣчности* на землѣ, а потому непризнаваніе раздѣла, сопротивленіе этому безбожію онъ называетъ *религією (!)*. Раздѣлъ Польши есть совершившійся фактъ, но польскій духъ только теперь созналъ себя, почувствовалъ себя орудіемъ, избраннымъ въ исторіи для дальнѣйшаго ея развитія (!); по этому *воскресеніе (z martwych wstanie)* Польши есть *необходимое условіе челоѣческаго прогресса (!)*.

„Необходима была смерть наша“, говорит Красинскій; „необходимо будетъ наше воскресеніе—для того, чтобы Слово Сына Человѣческаго, вѣчное слово жизни проникло въ общественные слои свѣта. Черезъ посредство нашей народности, замученной на крестѣ исторіи, духъ Человѣческій прійдетъ къ сознанію, что сфера политики должна обратиться въ сферу религіи и что наступитъ въ сознаніи людей расширеніе вездѣ присутствія Божьяго (nastąpi w sumieniu ludzkim rozszerzenie obecności Bożej). Господь станетъ присущимъ въ цѣлой сферѣ политической, гдѣ его доселѣ не было, а орудіемъ его промысла въ этомъ никто иной, какъ народъ польскій.—Одно изъ двухъ—или святая будущность Человѣчества пропадетъ, или условіемъ ея осуществленія будетъ жизнь Польши... Только въ Польшу и черезъ Польшу можетъ начаться новая эпоха въ исторіи міра (!)“.

Такой историческій сумбуръ, изложенный на 10 страницахъ предисловія, облеченъ въ поэтическую форму въ поэмѣ *Przedświt* (38 стр.).

На снѣжныхъ вершинахъ Альпъ, на берегу итальянскаго озера, подъ голубымъ небомъ Италіи поэту мерещится *воскресеніе святой Польши*:

..... mnie się zdaje,
Że w tej chwili ze snu trumny
Nasza Świąta gdzieś już wstaje!

Подобно Христу, она воскреснетъ на третій день.

Поэтъ вызываетъ изъ могилъ тѣни предковъ и требуетъ отъ нихъ отчета въ смерти Польши. Вставшій изъ гроба гетманъ отвѣчаетъ, что они стремились къ *Польшѣ, которая будетъ, къ Божіему царству на землѣ*, и предсказываетъ, что не пройдетъ еще этотъ вѣкъ, какъ изъ польской крови выйдетъ *единый народъ народовъ*.

Среди разныхъ видѣній поэтъ заставляетъ свою сестру играть на арфѣ „*Jeszcze Polska nie zginęła!*“, ему уже кажется,

„że lud polski zwycięża“, и онъ восклицаетъ:

Polska moja—Polska będzie!

Онъ видитъ воскресеніе Польши, безсмертной, вѣчной. Передъ *Божественною Польскою Королевою, Королевою всего міра*, всѣ народы преклоняютъ колѣни. Имя ея—*цѣлое челоуѣчество*. Она—вождь всего рода челоуѣческаго.

Въ Польшу прійдетъ новое племя людей, и въ ней будетъ новый свѣтъ. Она—*воплощеніе мысли Божіей на землѣ*; въ рукахъ ея—судьбы міра!

Въ своихъ *Псалмахъ будущаго* (Psalmy przyszłości) Красинскій предсказываетъ не только воскресеніе Польши, но и вознесеніе ея на небо; на землѣ-же она будетъ королевою славянскихъ полей:

A wstaniesz na nowo,
A wstaniesz królową
Sławiańskich pól!

Мечтанія о воскресеніи Польши повторяются и въ послѣднихъ произведеніяхъ Красинскаго — гимнъ Resurrecturis и поэмъ Dzień dzisiejszy и Ostatni.

Нельзя также не замѣтить сходства ученія Товянскаго съ доктриною, которую провель гегеліанецъ, атеистъ *Степанъ Гарчинскій* (ум. 1833 г.) въ своей мистической поэмѣ *Wacława dzieje*. Особенно замѣчательно въ ней четверостишіе о *воплощенномъ словѣ*. Это воплощенное слово и *Духъ неподвижный и непоколебимый* играютъ важную роль въ этой поэмѣ. Подобно Товянскому, Гарчинскій говоритъ о борьбѣ земли съ духомъ, чувства съ разумомъ. Кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, тотъ станетъ творцомъ, въ томъ пробудится Духъ Божій:

..... kto tę walkę uczucia i myśli
Zakończył—ten nie walczy—chce, myśli i tworzy,
Jako w ołtarzu w nim się obudził Duch Boży.

Гарчинскій отвергаетъ религію и философію, смѣется надъ всѣми человѣческими знаніями, возстаетъ противъ духовенства, яко-бы искажающаго идеи христіанства пустою обрядностью и словомъ своимъ губящаго народы. Онъ требуетъ, чтобы христіанство *стисло* Поляковъ и другіе народы. Онъ вѣритъ въ возрожденіе Поляковъ, „носителей правды“, „народа избраннаго Богомъ“. Для освобожденія этого „избраннаго народа“ Богъ требуетъ жертвъ. Свобода Поляковъ будетъ свободою міра.

Полагають, что этой поэмѣ Гарчинскаго подражали соперники Мицкевича, Юлій Словацкій (1809—1849) въ своей трагедіи *Kotłuchan* (1834). Дѣйствительно, она сходна съ нею не только по содержанию, но и по мыслямъ. Въ *Прологъ* сатана въ ночь 31 декабря 1799 года творитъ цѣлое поколѣніе людей на XIX вѣкъ—вѣкъ *материализма*. Среди множества народовъ онъ отмѣчаетъ *Поляковъ* и предсказываетъ имъ великую будущность. Поэтъ проситъ Бога сослать на польскій народъ тихій сонъ до дня его *воскресенія*. Во II актѣ онъ осмѣиваетъ *науку*, влагая въ его уста слѣдующія слова:

Polska musi doznawać zawsze łask niebieskich...
Niech się Polaki modlą, czczą Ciarą i wierzą...
. Niechaj wasz naród
Wygubi w sobie jakubińskich zaród,
Niech się wezmie psalterza i radeł i sochy.

О *воскресеніи Польши* говорится также въ весьма слабой въ художественномъ отношеніи поэмѣ Словацкаго *Anhelii* (1838), отличающейся мистицизмомъ, недоступнымъ человѣческому пониманію и фантастическою доктриною (для спасенія отечества нужны тихія жертвы, проливающія только слезы).

Въ поэмѣ „*Lambgo*“ Словацкій, какъ самъ выражается, хотѣлъ представить образъ *нашего вѣка* и его *безсильныхъ стремленій*, а въ двухъ мелкихъ стихотвореніяхъ называетъ Европу „гнилою“ (*Do M. Rota Skibińskiego*), а Парижъ—„новою Содомою“ (*Paruż*).

Мы ограничили указаніями только на наиболѣе замѣчательныхъ польскихъ философовъ — мистиковъ и поэтовъ; но и этихъ указаній, по нашему мнѣнію, достаточно, чтобы убѣдить всякаго, какъ мало самостоятельнаго въ ученіи Товянскаго. Къ сказанному уже нами можно еще прибавить, что славянская община была социальнo-политическимъ идеаломъ Мицкевича и что на ученіи Товянскаго (напр. о смертной казни) видно вліяніе социальнo-политическихъ идей, волновавшихъ въ то время Францію. Доискиваться, откуда что взялъ Товянский, было-бы здѣсь неумѣстно; да за такой трудъ мы въ настоящее время и не беремся. Для насъ пока достаточно неоднократнаго заявленія самого Товянскаго, что онъ не припсѣетъ новаго ученія. Это заявленіе Товянскаго было повторено Мицкевичемъ. Намъ кажется, что именно потому Товянский и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ среди польской эмиграціи, что не принесъ ей новаго ученія, а повторялъ только то, что говорилось вокругъ него. Онъ ловилъ, такъ сказать, на лету то, что было въ воздухѣ эмиграціи, но придавалъ этому своеобразную форму, извѣстное и общепонятное прикрывалъ такимъ мистицизмомъ, что оно казалось неизвѣстнымъ и непостижимымъ, *божественнымъ d'ivinité* (именно потому, что было непонятно). На мистицизмъ и шарлатанствѣ Товянский основалъ свою *божественную миссію*. Но здоровое общество не признало-бы его Мессією: онъ могъ подвизаться въ этой роли только среди наиболѣе *бользенной* части польской эмиграціи, самъ представляя собою *бользенное* явленіе. Какъ человекъ *больной* съ юности, и при томъ не достаточно развитый, онъ не вміялъ употребить выраженіе „*ria graus*“, говоря объ его дѣятельности, какъ это сдѣлалъ Малацкій, слишкомъ много для него чести; но онъ не заслужилъ также прозвищъ лже-пророка и сретика, какъ обзывали его Скржишецкій, Витвицкій и нѣкоторые другіе слишкомъ ревностные католики между польскими эмигрантами. Это былъ просто *больной* человекъ, дѣйствовавшій среди *бользеннаго* общества....

Викентій Мазушевъ.

ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ.

Краткій біографическій очеркъ его; трагедія:
„Мазепа“; поэма: „Отецъ затумленныхъ“

Въ новѣйшей польской литературѣ Юлій Словацкій считается звѣздой первой величины. Ему обыкновенно отводятъ первое мѣсто послѣ Мицкевича; хотя индивидуальныя особенности его таланта таковы, что исключаютъ возможность сравненія его съ Мицкевичемъ. Равно и вопросъ о первенствѣ кого-нибудь изъ нихъ, поднятый еще при жизни обонхъ поэтовъ, можно считать празднымъ; такъ какъ они скорѣе пополняютъ другъ-друга, чѣмъ возвышаются одинъ надъ другимъ. Они составляютъ такую же литературную пару, какъ въ нѣмецкой литературѣ Шиллеръ и Гёте. Поэтъ-лирикъ, съ пламеннымъ чувствомъ и воодушевленной рѣчью—это Словацкій; пластическимъ же этическимъ талантомъ обладалъ Мицкевичъ. Поэтому справедливѣе всего согласиться съ тѣмъ самоопредѣленіемъ, которое высказалъ о себѣ и о своемъ литературномъ соперникѣ Словацкій. „Мы два бога“, говоритъ онъ „на двухъ противоположныхъ солнцахъ.“

Дѣтство и школьные годы Словацкаго протекли отчасти въ Малороссіи, отчасти въ Литвѣ. Онъ родился въ 1809 году, въ Кременцѣ, на Волини. Его родители принадлежали къ личностямъ замѣчательнымъ, и имѣли несомнѣнно глубокое и благотворное вліяніе на поэта. Отъ отца, который самъ былъ поэтъ не безъ дарованія, могъ онъ унаслѣдовать и получить расположенность къ поэзіи. Отецъ его былъ сначала учителемъ поль-

скаго языка въ Кременецкомъ Лицеѣ; въ 1811 году онъ былъ избранъ профессоромъ польской литературы въ Виленскомъ Университетѣ.

Это была личность свѣтлая и съ серьезнымъ образованіемъ. Онъ переводилъ стихами Генріаду Вольтера и латинскихъ поэтовъ; написалъ двѣ трагедіи: „Мендога“ и „Ванда“. Но вскорѣ послѣ занятія профессорскою должностію онъ умеръ, оставивъ малютку сына сиротой.

Мать поэта Соломея, изъ дома Янушевскихъ, обладала такой гармоніей душевныхъ силъ, такой теплотой чувства, чуткой отзывчивостью ко всему прекрасному и беззащитнымъ посвященіемъ своему любимому сыну, что это соединило ихъ какой-то таинственной симпатіей и глубокимъ уваженіемъ до конца жизни поэта. Онъ передъ нею открывалъ все свои помыслы, намѣренія успѣхи и неудачи, и пылъ въ ней матеріальную и нравственную поддержку. Переписка Словацкаго съ матерью является, такимъ образомъ, превосходнымъ матеріаломъ для его біографіи. Изъ нея мы узнаемъ, что пламенное желаніе сдѣлаться знаменитымъ поэтомъ уже въ дѣтствѣ закралось въ его душу. „Когда мнѣ было всего восемь лѣтъ“, пишетъ онъ, „я поклялся предъ Богомъ въ каюдральномъ костелѣ, что при жизни ничего не буду домогаться отъ него; но за то послѣ смерти всего потребую.— Въ дѣтствѣ, когда я былъ набоженъ до экстаза, молился я часто и горячо Богу, чтобы онъ далъ мнѣ поэтическую жизнь. Я готовъ жить въ крайней нуждѣ и пренебреженіи цѣлый вѣкъ; но чтобы только послѣ смерти имѣть безсмертную славу“ ¹⁾.

Мать Словацкаго вышла второй разъ замужъ за профессора медицины Бекю, для того чтобы имѣть возможность лучше воспитать сына. Въ новой семьѣ мальчикъ встрѣтилъ любовь и ласки двухъ старшихъ своихъ сводныхъ сестеръ. Развиваться онъ началъ быстро и не по лѣтамъ, и очень рано поступилъ въ Ви-

¹⁾ А. Małecki, — Juliusz Słowacki, t. I, 11.

ленскій Университетъ. Въ это время онъ воспылалъ страстью къ дочери профессора Снядецкаго, старшей его лѣтами; но та благо-разумно отстранилась отъ него. По окончаніи курса онъ совершилъ небольшое путешествіе по Южной Россіи и былъ въ Одессѣ.

Въ Варшавѣ началъ онъ непродолжительную свою служеб-ную карьеру, поступивъ въ 1828 г. въ министерство финансовъ, подъ начальствомъ князя Любецкаго. Наступилъ роковой 1830-й годъ. Словацкій написалъ нѣсколько революціонныхъ стихотворе-ній и затѣмъ добровольно удалился за границу. Съ этихъ поръ до конца жизни продолжалось его странствованіе, или лучше, скп-тальничество, не лишнее поэтическихъ прелестей и вдохнове-ній. Онъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Швейцаріи, путешествовалъ по Италіи и на Востокъ. Воспоминанія и впечатлѣнія путеше-ствія давали сюжеты для его произведеній. Такъ, въ Азій каран-тинныя преданія прекрасно воспроизведены имъ въ „Отцѣ Зачу-мленныхъ.“ Дикая прелесть горъ воспѣта — „Въ Швейцаріи.“ Онъ былъ писатель плодовитый, и оставилъ послѣ себя множество произведеній; изъ нихъ замѣчательнѣйшія: Янъ Вѣлецкій, Ангелл, Отецъ Зачумленныхъ, Вацлавъ, Бенѣскій; драмы: Корді-анъ, Мазена, Балладина, Дилла Венера и мн. др.

Въ физической природѣ поэта слѣдуетъ отмѣтить нѣкото-рыя особенности, которыя потомъ отразились какъ на общемъ характерѣ его произведеній, такъ и на его убѣжденіяхъ и объ-ясняютъ нѣсколько загадочную перемѣну, происшедшую съ нимъ подъ конецъ жизни. По природѣ своей онъ отлчался хлпмъ здоровьемъ, былъ тиседуменъ, чрезвычайно чувствителенъ и лег-ко возбуждаемъ, словомъ — то, что называютъ нервнымъ человѣ-комъ. Отсюда его постоянный субъективизмъ въ поэзіи: онъ чув-ствуетъ и переживаетъ самъ изображаемые имъ моменты. На этомъ основаніи возможно сдѣлать объясненіе его перехода въ соціаль-но-мистическое общество Теллнскаго, хотя до этого времени Сло-вацкій отлчался религіознымъ вольнодумствомъ и скептицизмомъ. Экцентричность его и возвышенность чувствъ и стремленій по-

служили основой для такого печального финала в его жизни. Подъ влиянием мистики упалъ талантъ Словацкаго.

Тяжелая внѣшняя жизнь, внутренняя работа гениа, требующая напряженія силъ, политическія обстоятельства 1848 г., душевныя потрясенія,—все это скоро истощило небольшія силы поэта, и онъ умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ, 1849 г въ Парижѣ.

Талантъ его былъ по преимуществу лирической, —направленіе же его романтическое. Всякій предметъ, который онъ бралъ, развиваемъ и освѣщаемъ былъ только съ тѣхъ сторонъ, которыми онъ поражалъ личное чувство поэта. Такой субъективизмъ чувства дѣлаетъ произведенія Словацкаго дѣйствительно оригинальными. Бездѣ вы видите самого поэта съ его глубоко чувствующей и порывистой натурой. Онъ проникаетъ намъ въ душу своей страстью то нежной, то пламенной, своими искренними и благородными порывами къ идеалу и своей затаенной грустью, которая столько же результатъ психическаго устройства его существа, сколько и послѣдствіе увлеченія Байрономъ, родственнымъ ему по своей природѣ.

МАЗЕПА.

Трагедія — „Мазепа“ не есть лучшее произведеніе Словацкаго: но я выисалъ ознакомить съ нимъ русскую публику, потому что самый сюжетъ для нея интересенъ. Увидимъ, какія черты приписаны польскому поэтомъ Мазепѣ и какими перипетіями дошелъ онъ до катастрофы, уничтожившей его, а потомъ возвысившей до гетманскаго достоинства.

Эта трагедія имѣла двѣ редакціи; первая изъ нихъ была сожжена самимъ поэтомъ. Мы знакомимся со второй редакціей. Содержаніе трагедіи въ общихъ чертахъ слѣдующее. Старый польскій воевода, обладатель молоденькой, прекрасной, какъ роза, и чистой, какъ ангелъ, жены — принимаетъ у себя въ гостяхъ короля Яна Казимира. Въ свитѣ его находится удалой пажъ Мазепа, о чарующихъ глазахъ котораго и влюбчивомъ сердцѣ уже молва ходила. Ко

роля встрѣчаютъ привѣтвенною рѣчью. Мазепа, по легкомыслію своему и по живости темперамента, не выслушиваетъ до конца рѣчи, и чрезъ окно вскакиваетъ въ комнату, гдѣ встрѣчается прекрасную Амелію, жену воеводы, въ сообществѣ старой сиделницы Кастеллини. Красота и молодость Амеліи производятъ на Мазепу замѣтное впечатлѣніе. Онъ улучаетъ удобную минуту и напѣваетъ ей о любви; но Амелія отвергаетъ всѣ его искуательства. Збигнѣвъ, сынъ Воеводы, равнодушный къ своей молодой мачехѣ, подсмотрѣвъ эту сцену, и въ немъ закралось ревнивое чувство ненависти и вражды къ Мазепѣ. У самого короля, при видѣ жены Воеводы, разпалиются страсти. Онъ рѣшается дать ей ночную серенаду, и переодѣвшись въ плащъ Мазепы, отправляется подъ ея балконъ. Но Збигнѣвъ, подстрекнутый ревностью, подстерегаетъ Мазепу въ саду и совершенно увѣренъ, что ночью ухаживатель именно онъ и есть, а не король. Происходитъ стычка, въ которой Збигнѣвъ ранитъ короля въ руку, а послѣдній, струсивъ, постыдно обращается въ бѣгство. Онъ взбѣшенъ на Мазепу, который, чтобы отклонить подозрѣніе отъ короля, рѣшается на великодушіе: самъ себя ранитъ въ руку.

Король собирается къ быстрому отъѣзду по тому поводу, какъ объявляетъ онъ Воеводѣ, что на пажу сдѣлано было нападеніе ночью въ замкѣ. Въ старомъ Воеводѣ зараждается подозрѣніе противъ Мазепы, и король, чтобы избавить его отъ мести Воеводы и самому быть свободнымъ и безъ соперниковъ въ своихъ романтическихъ походахъ, отправляетъ Мазепу въ Глуховъ съ письмомъ, въ которомъ приказываетъ Глуховскому Команданту заключить Мазепу въ тюрьму. Покажи жалоба самой Амеліи показываетъ, что страсть Мазепы дѣлается не безопасной для нея. Она сообщаетъ королю, что Мазепа очень рано встрѣтилъ ее въ саду, когда она шла въ костелъ, преслѣдовалъ ее до рѣчной перекладнишки и тамъ, когда она не могла уклониться отъ него, насильно плѣнилъ ей поцѣлуй. Король предлагаетъ ей самой назначить наказаніе, потому что это такое преступленіе, за которое ни въ какомъ кодексѣ не придумано еще соот-

вѣтствующей кары. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, король самъ готовъ завести любовную пистригу и преклонится предъ нею; но она называетъ его безстыднымъ и съ оскорбленнымъ чувствомъ достоинства удаляется.

Предъ отправленіемъ Мазены въ Глуховъ, Збигнѣвъ, по порученію Воеводы и по собственному искреннему желанію, вступить съ нимъ въ поединокъ. Мазена въ концѣ поединка мирится съ Збигнѣвомъ. При этомъ поединкѣ случилось обстоятельство, которое направляетъ Мазену на роковую для него дорогу: сабельнымъ ударомъ разсѣчена была печать королевскаго письма, и изъ него Мазена узнаетъ, что ему король готовитъ заточеніе. Это письмо какъ молніей ошарило Мазену на счетъ истинныхъ намереній короля, и онъ рѣшился защитить чистый предметъ своей страсти противъ стараго сластолюбца. Онъ опять входитъ въ ея комнату чрезъ окно и даже проникаетъ въ ея спальню, чтобъ скрыться предъ приходомъ Амеліи и Збигнѣва, между которыми происходитъ въ незамѣтномъ для нихъ его присутствіи интересное любовное объясненіе. Въ эту минуту врывается въ комнату Воевода со слугами, слѣдившій за Мазеной. Угнѣренный, что Мазена въ спальнѣ его жены, онъ велитъ каменщикамъ задѣлать въ нее дверь подъ тѣмъ предлогомъ, что въ содѣней съ нею комнатѣ нужно устроить часовню для короля. Мазена, такимъ образомъ, былъ живо погребенъ. Амелія содержится въ заточеніи. Къ ней является Збигнѣвъ въ видѣ монаха капуцина подъ предлогомъ исповѣди. Онъ пришелъ сюда съ убѣжденіемъ въ притворствѣ мачехи и сыплетъ на ея бѣдную голову страшные укоры; но подъ конецъ убѣждается въ ея невинности и рѣшается защищать ее.

Мазенѣ не суждено было умереть голодною смертію, благодаря только случайности. Король услышалъ стенанія его за стѣной и, подозревая что-то неладное, велитъ разрушить стѣну изъ нея находить измученнаго полуживаго Мазену. Воевода теперь окончательно убѣждается въ своихъ подозрѣніяхъ и объявляетъ; что онъ Мазену не выпуститъ. Мазена сознается, что у него бы-

ли самыя чистыя намѣренія, что и теперь онъ готовъ защищать честь подозрѣваемой женщины съ оружіемъ въ рукахъ. По предложенію короля онъ вступаетъ второй разъ въ поединокъ со Збигнѣвомъ. На дуэли Збигнѣвъ самъ убиваетъ себя, будучи измученъ безнадежною страстью и тяжелыми ударами судьбы. Передъ смертью онъ открылъ Мазенѣ свою страсть. Воевода подозрѣваетъ Мазену въ убійствѣ своего единственнаго сына, и тутъ уже никакая сила не можетъ заставить его выдать Мазену. На протесты и угрозы короля Воевода заявляетъ, что онъ оставляетъ Мазену для того, чтобы налечь его сына присутствовалъ при его погребеніи, а послѣ отпустить его живымъ.

Къ гробу пасынка является Амелія; отъ Мазены она узнаетъ, что Збигнѣвъ ради нея лишилъ себя жизни и тутъ же сама падаетъ мертвой, напередъ отравившись. Воевода не смягчается даже видомъ смерти и надругивается надъ трупомъ своей жены. Послѣдній поступокъ уничтожаетъ всякое состраданіе въ сердцѣ Мазены къ чудовищному ревнивцу. Мазена объявляетъ ужасную для него истину, что его жена и сынъ любили другъ друга. Король приближается съ войскомъ на выручку Мазены; но Воевода быстро приводитъ въ исполненіе свой планъ мщенія. Онъ приказываетъ Мазенѣ удалиться, а за дверями (за сценою) его схватываютъ и привязываютъ къ спинѣ дикой лошади. Является король и говоритъ, что Воевода заплатитъ головой; но послѣдній тутъ же на глазахъ короля кончаетъ съ собой, пронзивъ себя кинжаломъ.

Вся интрига трагедіи опирается на резности Воеводы и на грубости нравовъ тогдашней эпохи. Мазена наказанъ не за дѣйствительную вину, а болѣе по подозрительности сильнаго вельможи. Въ первой половинѣ трагедіи характеръ Мазены представляется пылкимъ, исполненнымъ юношеской страсти, молодечества, отваги, доходящей даже до дерзости. Во второй половинѣ онъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ, понявшій, что Амелія сама страдаетъ отъ любви; но не къ нему, а къ своему пасынку, — и для спасенія чести любимого существа отъ исканій сдѣлающаго короля

онъ рѣшается на смѣлый поступокъ. И слишкомъ дорого заплатилъ онъ за свое увлеченіе!

Мазена служитъ нажемъ у короля Юна Казимира. И нажъ, и его владыка очень падли къ прекрасному полу; только у Мазены эта страсть скрашивается естественными его молодости порывами, когда стремленія къ красотѣ проявляютъ себя такими симпатическими и привлекательными чертами. Поступки короля, его ухаживаніе является отталкивающимъ, такъ какъ изобличаетъ въ немъ похотливость стараго волокиты.

Мазена, не смотря на свою молодость, сдѣлался интересенъ для прекраснаго пола и приобрѣлъ извѣстность своими романтическими похождениями. „Еще у него молоко на губахъ не высохло, а ужъ объ немъ ходитъ столько чудесныхъ разсказовъ. Его сердце, точно проходныя ворота, широко открыто для страсти: его взгляды прямо бьютъ въ сердце и разбиваютъ его въдребезги. Онъ ужасенъ для женщинъ и неотразимъ; любовницъ уже имѣлъ столько, что приказалъ ихъ волосами набить себѣ сѣдло„. (Дѣйств. I, сц. 3 и 4). Вѣтренность и безпокойный духъ, свойственные его лѣтамъ, обнаруживаются въ самомъ началѣ драмы. Мазена не можетъ равнодушно выслушать длинную скучную привѣтственную рѣчь королю. Его обнимаетъ ужасъ при видѣ оратора, изрыгавшаго макароническіе стихи. „Это церберъ о трехъ головахъ,“ говоритъ о немъ Мазена: „лишь только одна голова кончается, другая начинается. Думая, что рѣчь никогда не кончится, я бѣжалъ“. (Дѣйств. I, сц. 4). Онъ обладаетъ живостью слова и остроуміемъ, и на замѣчаніе короля—ханжи, зачѣмъ онъ попалъ сюда, приводитъ тотъ же доводъ; но только въ такомъ измѣненномъ видѣ: „Рѣчь,“ говоритъ, „была очень длинна; я не хотѣлъ расчувствоваться, потому что у меня сейчасъ появляются слезы на глазахъ, и вотъ я вошелъ въ домъ чрезъ окно“. Замѣчаніе на это короля какъ бы пророчитъ ему судьбу: „Смотри, чтобы не вылетѣть тебѣ обратно чрезъ окно“.

Мазена, который никогда не можетъ обойтись безъ любви, при одномъ видѣ прелестной Воеводиши таетъ и пускается изда-

лека объяснять ей свои чувства. Онъ осторожно со всевозможнымъ изворотамъ зондируетъ почву. Но Воеводу защищаетъ отъ него двойная броня: ея чистота и невинность, а съ другой стороны, снѣтлая братская любовь къ другому лицу.

Страсть дѣлаетъ Мазепу гибкимъ и чрезвычайно восприимчивымъ. Его рѣчь проходитъ всѣ переплы, отъ нѣжныхъ сентиментальныхъ тоновъ до жесткихъ и даже отчаянныхъ порывовъ. Вотъ какою прелестью сначала дышетъ его рѣчь къ Амеліи: „Металлическій твой голосъ перенималъ гармонию отъ лѣсныхъ соловьевъ; голубые твои глаза скрыты, какъ звѣздочки: позволяй же мнѣ услышать твой голосъ и взглянуть въ глубокіе твои глаза“. Но видя, что Амелія оскорблена его словами, Мазепа приходитъ въ отчаяніе: „Иду,“ говоритъ, „и пушу себя пулю въ лобъ.“

— Амелія: „Что за шутки!“

— Мазепа: „Нисколько, вотъ какъ захмѣлю, и готовъ на все! Иду пить съ отчаянія!“ (Дѣйств. I, сц. 9).

Еще болѣе мрачныя черты обнаруживаетъ Мазепа предъ Амеліей, когда, стремясь занять мѣсто соловья у нея ночью подъ окномъ, объясняетъ ей: „Я разспросилъ во дворѣ обо всемъ; знаю, гдѣ твой балконъ: онъ окруженъ плакущей березой и убранъ лиліями.“ (Дѣйств. I, сц. 9). Амелія глубоко его уязвляетъ замѣчаніемъ, что онъ не скрытенъ, когда такъ откровенно объявляетъ о своей роли пніона.

„Да,“ отвѣчаетъ Мазепа, „я безъ всякой чести!“

Этотъ отвѣтъ показываетъ, что Мазепа закружился въ вихрь страстей. Онъ изъ породы тѣхъ молодыхъ людей, которые, если не могутъ похвалиться величіемъ души и подвигами чести, то преувеличиваютъ мрачныя свои стороны. Этими они стремятся возбудить чувство ужаса и удивленія, которое въ ихъ глазахъ выше чувства уваженія.

Не показавши большой щепетливости въ выборѣ средствъ, касающихся любовныхъ похищеній, Мазепа, согласно съ духомъ

того времени, ревностно охраняетъ свою воинскую честь. Король въ плацѣ Мазены, чтобы не быть узнаваемымъ, отправляется на ночныя походы; но здѣсь онъ подвергся нападенію Збигнѣва, тайно вздыхавшаго по своей мачехѣ. Объясненіе Мазены съ Аме-ліей подстрекнуло его чувство и заставило его ночью подстере-гать послѣдняго. Король малодушно бѣжитъ предъ воору-жен-нымъ рыцаремъ, который даже ранитъ его въ руку. Збигнѣвъ, по замѣчанію короля, будучи твердо убѣжденъ, что предъ нимъ Мазена, а не кто другой, кричалъ ему въ догонку: „Подлый Ма-зена, трусъ Мазена! не будешь ты волочиться по ночамъ!“— „И ты, король, не убилъ его?“ выражается у Мазены восклицаніе, и въ этомъ сказалась вся сила его молодой неспорченной души. Король далѣе передаетъ, что, увидя кровь, Збигнѣвъ еще уси-лилъ свои крики: „Какой трусъ Мазена! Уже раненъ, а пѣть-подъ саблѣю убѣгаетъ, какъ мошенникъ“.—И король не убилъ его? Видно, какъ кипитъ въ немъ кровь даже при одномъ разсказѣ о заочной обидѣ. Пожилой и безъ такого юношескаго пыла король равнодушно замѣчаетъ: „А что жъ мнѣ до того, что тебя назы-ваютъ трусомъ. Такая обида относится къ тѣмъ личностямъ, имени которыхъ она нанесена“. (Дѣйств. I, сц. 15). Мазена не сподвигнута послѣдняго оскорбленія: самъ себя ранитъ въ руку, что-бы имѣть предлогъ биться на другой день и доказать, что онъ не трусъ.

Въ поединкѣ онъ рыцарь въ полномъ смыслѣ слова: вели-кодушный, предупредительный; понимаетъ и цѣнитъ чувство дру-гаго. Онъ предлагаетъ дружбу Збигнѣву и такъ краснорѣчиво убѣждаетъ его, что наконецъ успѣлъ въ этомъ. Серьезный раз-говоръ такъ не идетъ къ его веселому нраву, что онъ самъ сей-часъ поднимутъ надъ собою. Въ поступкахъ Мазены со Збигнѣ-вомъ вездѣ видны добрыя его намѣренія. На его требованіе биться Мазена отвѣчаетъ: „Я козакъ, и биться умѣю; но не имѣю охоты убить сына саблей, подаренной его отцомъ. Потомъ, меня мучитъ раскаяніе, я стыжусь своей роли. Здѣсь были какіе-то чары въ лунѣ, въ саду, которыя воспламенили во мнѣ любовь.

Эти чары заставляют меня склоняться предъ тобою съ предложеніемъ—обняться по братски и разлѣхаться“.

Збигнѣвъ продолжаетъ быть увѣреннымъ, что онъ почью ранилъ Мазену и что и теперь Мазена уклонится отъ поединка по трусости. Мазена разубѣждаетъ его какъ въ томъ, такъ и другомъ, и выясняетъ болѣе благородныя побужденія, какія склоняютъ его къ сочувствію натурѣ Збигнѣва, родственной ему по стремленіямъ.

„Моя рука окровавлена,“ говоритъ онъ Збигнѣву; „но не ты ее ранилъ. Когда узнаешь болѣе свѣтъ, то увидишь, что иногда потери чести и крови необходима для сохраненія чести дорогихъ особъ. Вотъ и ты теперь въ такомъ положеніи, что не буйной храбростью, не желѣзомъ можешь защитить честь дорогой тебѣ особы, а болѣе всего расторопностью Правда, что ты удивительно уже постигъ искусство—имѣть сердце, полное огня, лицо, какъ ледъ, и въ гробъ унести съ собою тайну“. Збигнѣвъ запирается: „Я не имѣю никакой тайны“. Но Мазена понялъ ихъ чувства и такъ описываетъ ихъ тайныя страданія: „Вы—два существа, принужденныя страдать безъ вдоха, безъ выраженія; имѣть въ сердцѣ своемъ болѣе кровавыхъ ранъ, чѣмъ у самого Христа; тихо говорить—мы несчастны, и должны прибавить—навсегда! И еще дитя; но, видя такое горькое наше предназначеніе, чувствую въ душѣ печаль и состраданіе“.

Поединокъ кончился пораженіемъ Збигнѣва, послѣ чего Мазена все таки подаетъ ему руку въ знакъ дружбы. Сдѣлавши такое доброе дѣло, онъ какъ бы старается умалить его значеніе шуткой: „Мазена, ты совѣтъ преобразился. Что сдѣлалось съ твоей обыкновенной маской? Ты говорилъ, какъ ксендзъ; напрасно дьяволъ кричалъ: стой! Ты въ добродѣтель погрязалъ, какъ въ болото. Два дня такого настроенія, и я бы не вынесъ, умеръ и залѣзъ бы въ небо по самымъ ушамъ“. (Дѣйств. II, сц. 9 и 10).

Молодостью Мазены объясняется его легкомысліе. Во время поединка печать у королевскаго письма была разбита. Мазену

береть любопытство заглянуть въ письмо, и онъ тамъ увидѣлъ свой приговоръ: заключить Мазепу въ Глуховскую тюрьму подъ стражу. Мазепѣ не трудно было догадаться, какія тайныя намѣренія руководили королемъ въ этомъ поступкѣ. Ортодоксусъ, какъ называется онъ ханжу короля, хочетъ отъ него избавиться, чтобы безопасно совершить похищеніе жены Воеводы. Въ Мазепѣ заговорилъ—исостывшее чувство къ Амеліи и мстѣ сопернику, который противъ него самого употребляетъ насилие. Онъ горитъ нетерпѣніемъ предупредить жену Воеводы. „Я ей могу открыть мое дѣтское любопытство. Чегожъ пугаюсь? Мое проворство, ловкость, правота—все меня спасетъ. Непремѣнно увижу ее въ эту ночь. Я имѣю сея честь и свою смерть въ собственныхъ рукахъ, а съ этимъ нельзя погибнуть!“ (Дѣйств. II сц. 10)

Второй разъ ночью Мазепа по необходимости долженъ войти въ комнату Амеліи чрезъ окно. Сцена, когда Мазепа рѣшается войти въ спальню очаровательной женщины, и слѣдующія за нею чрезвычайно замѣчательны въ психологическомъ и драматическомъ отношеніи. Въ немъ происходятъ борьба чистыхъ намѣреній съ его горячею кровью. Много мыслей молніей пролетѣло въ его умѣ, прежде чѣмъ войти въ альковъ, гдѣ помѣщалась ея спальня: „Проклѣтый альковъ, самая опасная западня! За этой легкой пурпурной занавѣсью она спитъ спомъ здоровымъ, тихимъ. Дьяволъ, дьяволъ, какъ же ты меня испытываешь!“

Увидя, что ея нѣтъ въ спальнѣ, Мазепа клянется, что не пилѣлъ злыхъ намѣреній. Онъ шепчетъ на вѣрѣ Амеліи, что находится въ ея комнатѣ и долженъ снова спрятаться въ спальню, потому что входитъ Амелія со Збигнѣвомъ. Мазепа является невольнымъ свидѣтелемъ ихъ любовнаго объясненія, а затѣмъ какія страданія онъ долженъ былъ пережить, когда ворвался Воевода и велѣлъ его живо погребсти. Здѣсь забота объ Амеліи, о сохраненіи ея репутаціи—береть перевѣсъ у него даже надъ чувствами самосохраненія.

Мазепа живо погребенъ. О его мукахъ можемъ составить себѣ представленіе изъ страшной рѣчи Воеводы: „Клянусь сплой

кроваваго ада—никто туда пзъ людей не заглянетъ. Тамъ скро-
ронена тайна; тамъ заключено темное дѣло женскаго обмана;
тамъ въ темнотѣ съ голодомъ борется привидѣніе, тамъ лстар-
гикъ, питающійся собственной кровью, съ стеклянными глазами,
высохшими кровавыми устами, грызущій собственныя свои руки“.
(Дѣйств. III, сц. 4).

Когда страданія Мазены сдѣлались невыносимы, ему яви-
лось избавленіе случайно. Его степенія услышать король. „А то,
святители небесные, какъ въ чудесной сказкѣ,“ замѣчаетъ онъ,
„стѣны стонуть. Удивительно, это мѣсто зачарованное; исходятъ
вызывающіе духи. Эти стѣны таятъ въ себѣ дивныя вещи.“ При-
казываетъ разрушить стѣну. (Дѣйств. III, сц. 5.). Предъ уди-
вленными глазами короля появляется Мазена. Онъ открываетъ
свои чистыя намѣренія, и король не имѣетъ основанія сомнѣ-
ваться. Теперь главная забота Мазены состоитъ въ томъ, чтобы
защитить честь Амеліи. „Какъ Лазарь,“ говоритъ онъ, „я выхожу
изъ-подъ этого алтаря; открою всю истину и этимъ по крайней
мѣрѣ сохраню честь этой госпожи, которая неминуемо переноситъ
осужденіе мужа. Потомъ, предъ кѣмъ нужно, я почтительно из-
виплюсь, а кому въ глаза блесну сталью“ (Д. IV, сц. 6).

Послѣ поединка со Збигнѣвомъ, гдѣ послѣдній самъ себя
убилъ, Мазена снова падаетъ въ роковое сѣщеніе обстоятельствъ.
Воевода считаетъ его убійцей своего сына и насильно оставляетъ
въ замкѣ, чтобы, какъ онъ выражается, катъ его сына присут-
ствовалъ при его погребеніи. Королю въ утѣшеніе онъ даетъ
обѣщаніе отпустить Мазену живымъ, обѣщаніе столь жестокое,
какъ пресловутая казнь безъ пролитія крови.

Рыцаремъ Амеліи Мазена остается до конца. Общее несча-
стіе сближаетъ ихъ и заставляетъ забыть бывшія между ними
оскорбленія и непріятности. „Позволь мнѣ приблизиться къ тебѣ,
бѣдная моя нани! Не отдавай меня: мы связаны какой-то таин-
ственной цѣпью, какъ три братскія тѣни. Я имѣю порученіе отъ
умершаго; онъ тебя любилъ. Вѣрь, что на мнѣ не лежатъ пятно
убійства. Онъ умеръ съ твоимъ именемъ на устахъ“ (Д. V, сц. 4).

Совершенно чистосердечно звучат послѣднія слова Мазепы къ Амеліи; они мирятъ насъ съ прежними рѣзкими порывами его чувственной природы: „Амеліи, я твой братъ по страданію,—ты же, притомъ, не имѣешь братьевъ! Можетъ быть мнѣ, спроти, отроку при королевскомъ дворѣ придется стать тебѣ въ помощь?“ (ibidem)

Въ концѣ драмы выясняется все болѣе характеръ Мазепы и дѣлается все болѣе симпатичнымъ. Несчастія какъ бы очищаютъ его и даютъ возможность проявиться лучшимъ сторонамъ его души. Безчестіе, какое совершаетъ Воевода надъ трупомъ своей жены, заставляетъ его, на сколько въ его силахъ, отомстить послѣднему. Чѣмъ страшнѣе грозящая опасность, тѣмъ болѣе мужество и твердость въ немъ укрупняются. При видѣ звѣрскаго поступка старика, который совершилъ поруганіе надъ трупомъ своей жены, жалость и состраданіе къ несчастію уступаютъ мѣсто справедливому негодованію. „До сихъ поръ я жалѣлъ тебя,“ говоритъ Мазепа Воеводѣ, „считалъ тебя несчастнымъ; теперь я тебя презираю. Хотя ты и силенъ, я не боюсь тебя, подлая душа; я могу въ прахъ сокрушить твое мерзкое сердце, могу оглушить тебя, какъ громомъ. Отойди отъ сына, потому что ты его позоришь, и пади къ моимъ ногамъ: я явлюсь ихъ ангеломъ мстителемъ. Пусть эти слова наполнятъ тебя желчью мученій: они оба любили другъ друга, и твой сынъ ради твоей жены сдѣлался самоубійцей!“ (Д. V, сц. 7).

Воевода приказываетъ Мазепѣ выйти, чтобъ исполнить надъ нимъ хладнокровно задуманную месть.—Мазепа предъ послѣднимъ испытаніемъ собираетъ все свое мужество и смѣло идетъ на встрѣчу опасности: „Поиду, чтобъ меня тамъ ни встрѣтило!“ (Д. V, сц. 7).

Что его ожидало, мы въ самой драмѣ не видимъ; но объ этомъ даютъ представленіе зловѣщія слова грознаго старика: „Теперь берутъ его, вяжутъ: вотъ такъ месть надъ врагомъ! Перевки виваются въ его тѣло, конь разрываетъ его.“ (Д. V, сц. 8).

Чтобы покончить съ характеристикой Мазепы, замѣчу, что при многихъ хорошихъ чертахъ его, привлекающихъ къ себѣ наши симпатіи, въ обрисовкѣ его встрѣчаются и значительные про-

мах автора. Его молодость, впечатлительность, поклонение красоте, молодечество, рыцарскій поединокъ, страданіе изъ за женщины и величіе духа въ опасности—пробудить въ сердцѣ каждаго все, что составляетъ сѣбѣ и благородство души.—Недостатокъ его самый главный состоитъ въ томъ, что мы не видимъ въ немъ козака, принадлежащаго къ совсѣмъ особому племени, чѣмъ поляки. Мѣстами онъ слишкомъ изысканно говорить и иногда, вопреки естественнымъ стремленіямъ человѣка, онъ заботится сохранить видъ рыцаря угнетенной невинности, какъ въ той сценѣ, гдѣ онъ полу-живой выволоченъ изъ комнаты, бывшей для него могилой. Первые слова, какія отъ него можно ожидать, это о своемъ несчастіи, а въ духѣ натуральной школы мы даже вправѣ ожидать, что онъ попроситъ ѣсть; со всѣмъ тѣмъ первой его рѣчью было то, что онъ желаетъ зацѣпить честь непянно заподозрѣнной Воеводины, хотя онъ и знаетъ, что заподозрить ее было кое за что. Мазепа произноситъ молитвенныя обращенія; но Словацкій ни намекомъ не далъ замѣтить, что между Мазеной и поляками существуетъ религіозная разность. Можно также указать, что въ характерѣ Мазепы слишкомъ много роковаго, гибельнаго; его появленіе постоянно приписать несчастіе другимъ. Всѣ эти недостатки легко могутъ быть объяснены—но не искуплены—изъ особенностей таланта и позрѣлѣй Словацкаго. Какъ романтикъ, онъ заботится только о развитіи идеи, а не характера, вѣрнаго природѣ отъ начала до конца. Онъ притомъ чрезвычайно субъективенъ и весь интересъ его въ изображеніи лицъ—выразить тѣ чувства, которыя онъ къ нимъ питаетъ, а объ исторической и этнографической вѣрности онъ несколько не заботится. Знакомство Словацкаго съ твореніями Байрона обнаружилось въ этомъ произведеніи тѣмъ, что онъ придаетъ лицамъ титаническія силы и демоническія стремленія.

Такимъ титанизмомъ въ особенности запечатлѣно другое лицо драмы, занимающее въ ней самое видное мѣсто,—это Воевода. Какъ злой геній какой-нибудь, онъ связанъ съ Мазеной, и гдѣ онъ ни явится, тамъ буквально его присутствіе рождаетъ для всѣхъ несчастія. Со страшной силой развиваются въ немъ мрачныя

сторонѣ души. Въ немъ мы видимъ, какъ добрыя стремленія подъ вліяніемъ страсти получаютъ разрушающую силу. Вначалѣ какъ будто даже кажется, что онъ обладаетъ тѣми же качествами, что и два молодые герои, Мазепа и Збигнѣвъ; только жесткая старость отпила отъ его страстей всѣ цвѣты, которыми у нихъ скрапываются заблужденія. Его любовь скоро превращается въ безразсудную речность и даже ненависть, а его храбрость и мужество въ рассчитанную жестокость.

Въ этъ мѣ тицѣ слѣдуетъ отдѣлять бытовую сторону стариннаго польскаго магната. Онъ радушно и съ почетомъ встрѣчаетъ польскаго короля; но выѣстъ съ тѣмъ распоряжается самовластно въ его присутствіи. Онъ готовъ даже задержать у себя самого короля, а Мазепу совсѣмъ не выпускаетъ и предастъ казни, не смотря на протесты короля. „Шлихтичъ въ своемъ огородѣ равенъ воеводѣ“—этой пословицей оправдываетъ онъ свое самовластіе. А мы знаемъ, что это было основаніе обычнаго права у поляковъ, по которому магнаты считали себя самостоятельными даже относительно короля.

Согласно древне-польскому обычаю, Воевода желаетъ угостить короля нишніо съ славянскимъ хлѣбосольствомъ. Едва ли только не однимъ этимъ и сказывается въ немъ человѣческая черта. Далѣе, слишкомъ много звѣрскаго обнаруживаетъ онъ въ своей природѣ. Малѣйшее подозрѣніе возбуждаетъ въ немъ странную ревность. Нѣсколько неловкихъ словъ короля, сказанныхъ въ успокоеніе Воеводы, производятъ на него совсѣмъ противоположное дѣйствіе. „Такъ и нужно наказу,“ говоритъ король, „онъ вѣтренникъ; пусть не увлекается хорошенькими глазками.“ Эти слова для него были искрой. „Пажъ можетъ жестоко здѣсь опариться,“ заявляетъ Воевода, „пусть не ищетъ здѣсь любовницы; онъ рыскалъ за дѣвкой!“ Уже теперь проявленіе страсти въ Воеводѣ производитъ непріятное впечатлѣніе. „Старикъ—ревнивецъ,“ замѣчаетъ король, „какъ же такой характеръ въ старыхъ людяхъ смѣшанъ и противенъ. Онъ рвалъ усь и раздиралъ поясъ; кипѣлъ, но сдерживался; только краска выступила на увядшія старыя щеки; вздрагивалъ,

какъ бы двигалъ на плечахъ своихъ скалу. Я видѣлъ, какъ зловѣще блеснули у него глаза, когда сказалъ: публичная женщина, а въ умѣ прибавилъ—жена.“ (Д. I, сц. 1 и 2).

Когда Воевода увидѣлъ кровь подъ балкономъ жены, онъ настойчиво требуетъ отъ короля выпроводить изъ замка пажа: „Отправь эту золотую куклу: она можетъ здѣсь разбиться, или, пожалуй, украдутъ этотъ золотой кошелекъ.“ (Д. II, сц. 4).

Онъ не прочь наказать Мазепу; но и въ способѣ наказанія проводить свои плихетскія тенденціи. Онъ удерживаетъ сына отъ поединка съ Мазепой такимъ аргументомъ: „Стыдно съ нимъ рубиться: онъ изъ мужиковъ. Я его прибью палкой и научу уваженію. Я уже послалъ задержать его и отлутъ.“ (Д. II, сц. 7).

Когда онъ узнаетъ, что Мазепа съ дороги возвратился въ замокъ, мести его не знаетъ границъ. Онъ сейчасъ беретъ зарядъ ружья и готовъ убить его. Онъ даже рѣшился на болѣе жестокую и мучительную казнь. Зная, что Мазепа въ спальнѣ жены, онъ велѣлъ задрѣмать двери, и Мазепа такимъ образомъ оказался заживо погребеннымъ.

Самое главное свойство этого типа—ревность со всѣми жестокими ея проявленіями, которыя производятъ тѣмъ болѣе ужасъ, что предъ нами человѣкъ, пользующійся громадной силой по своему общественному положенію. Если Мазепа пострадалъ отъ ревности Воеводы, то что должна была вытерпѣть его жена, жившая въ условіяхъ старопольскаго быта, когда семейная строгость и подчиненіе не знали границъ. По замѣчанію самого Воеводы, она должна лежать у его ногъ и просить прощенія. Сцены ревности, какія дѣлаетъ Воевода, приводятъ въ содроганіе. Здѣсь для тенденціи Словацкаго—выразить силу страстей были самыя благопріятныя условія. Дѣйствительно, картины, гдѣ проявляется эта страсть, принадлежатъ къ самымъ яркимъ, поразительнымъ, и останавливающимъ на себѣ наиболѣе вниманія въ этой драмѣ.—Вотъ при какихъ условіяхъ разыгрывается сцена заключенія Мазепы, гдѣ Амелія терпитъ едва ли не болѣе послѣдняго. Въ комнатахъ происходитъ полуоблеченіе Амеліи съ пасынкомъ, замѣчательное по чистотѣ и цѣлому—

дрію чувства. Въ это время врывается туда вооруженный Воевода съ людьми съ цѣлю открыть здѣсь Мазепу. Збигнѣвъ отъ чрезвычайнаго напряженія чувствъ, которыя онъ только что пережилъ, и отъ страха падаетъ въ обморокъ. Воевода не подозреваетъ предстоявшей сцены, и радъ, что видитъ сына. „Но крайней мѣрѣ честь (honor) моя сохранена,—мой сынъ былъ здѣсь на стражѣ.“ По чрезъ это онъ самой Амелію заподозрилъ въ двухъ странихъ преступленіяхъ. „То ты его отравила“? обращается мужъ къ ней. „ты безъ чести, мерзкая безстыдница, знала, что любовникъ въ комнатѣ и прибѣгла къ чарамъ на дитя: вошелъ и упалъ безъ чувствъ.“ Очнувшемуся сыну онъ объявляетъ, что она виновна. Онъ уже послѣ этого нигдѣ не щадитъ ее, это слабое и хрупкое созданіе, какою она является у Словацкаго. Противоположность характеровъ дѣлаетъ картину чрезвычайно рельефною. Сынъ со всей силой человѣка, обожающаго свою матеку и убѣжденнаго въ ея невинности, выступаетъ противъ отца. „Отецъ, она невинна!“ утверждаетъ онъ. Но Воевода, видя плачь и тревогу жены, еще болѣе убѣждается въ своихъ подозрѣніяхъ. „Ты неосторожно всла свои похожденія,“ говоритъ онъ ей; „ты потеряла всякій стыдъ въ лицѣ. Приготовься, потому что скоро увидишь гробы, плачь и трауръ. Здѣсь козлы чорта.“ Затѣмъ Воевода объявляетъ страшную для нея вѣсть: „Ты имѣешь въ спальнѣ мужчину!“ Онъ велитъ слугѣ обыскать комнату. Амелія, чувствуя себя невинной, не желаетъ этого святотатства. „Стой,“ обращается она къ слугѣ, „прежде чѣмъ пронзить мою грудь, чѣмъ вы коснетесь здѣсь заповѣси.“—„У тебя, злая гадина, въ покоѣ мужчины,“ настаиваетъ Воевода.—„Збигнѣвъ,“ обращается къ нему Амелія, „нѣтъ у меня никого въ комнатѣ!“

Это обращеніе къ Збигнѣву психологически вѣрно. Только что она невольна высказала къ нему свое чувство, и вся человѣческая природа ея возмущается допущеніемъ какой-то интриги съ ея стороны. Онъ одинъ способенъ ей вѣрить, не смотря даже на то, что самъ подвергается страшному испытанію: онъ слышитъ шаги за дверью и не способенъ догадаться о существѣ дѣла, когда

Амелія заявляє, що в кімнаті єя єсть живеє сущєство. „Кто?“ задаєть онъ себѣ вопросъ, „развѣ самъ король?“ А она разумѣла бывшую тамъ канарейку.—Неймовѣрная жестокость, проявляющаяся во всей этой сценѣ, объясняется тѣмъ, что Воевода дѣйствительно былъ увѣренъ, что въ спальнѣ жены спрятался Мазепа. Онъ не щадить ни жены, ни даже сына, котораго любить по своему. „Обрешизовать этотъ страшный алькомъ,“ командуетъ онъ своимъ людямъ; „тамъ нѣтъ оконъ, никто не убѣжитъ; козагъ вытащить его за волосы.“ „Тогда ты,“ обращается онъ къ женѣ, „будешь лобызать его раны и цѣловать въ уста; прильнешь къ груди его, но она будетъ пуста, потому что сердце я вырву. Я позволю потомъ тебѣ спать при трупѣ, а если не захочешь, я велю пришить тебя, какъ суку. Я дамъ невѣрнымъ женамъ страшную науку: меня будутъ помнить, пока будетъ существовать Польна; мною будутъ пугать дѣтей.“

Амелія проситъ Воеводу пощадить хоть сына, который вложилъ въ уста пистолетъ, потому что не можетъ вынести этой сцены. „А знаешь, почему онъ взялъ пистолетъ,—потому что услышалъ шелестъ чловѣка за собой.“ Войти въ спальню нельзя было: Збигнѣвъ защитилъ ее собой; тогда въ Воеводѣ созрѣваетъ новый планъ мести. Онъ готовъ вѣрить Амеліи, если она на крестѣ поклянется, что въ комнатѣ никого нѣтъ. Она клянется „Задѣлать двери“—раздается страшное приказаніе Воеводы.

Сынъ: „Отецъ, что ты дѣлаешь; что-то страшное показалось на твоємъ лицѣ.“

Воевода: „Я спокоенъ; хоть сейчасъ въ танецъ: такъ мнѣ весело, такъ меня успокоила клятва. Но сердце во мнѣ умерло; чуть смерть меня коснется, мои кости, какъ прахъ, рассыплются.“

Стѣна задѣлана. „Иди прочь,“ обращается онъ къ плачущей женѣ, „я смѣюсь надъ пустыми слезами. Идите всѣ отсюда; здѣсь будетъ королевская часовня, а за нею страшная, гробовая тайна. Она между тобой, невѣрная жена, и адомъ схоронена. А вы, что здѣсь были, молчите, и вѣчная ему память!“ (Д. III, сц. 4).

Свою жену Воевода подвергнувъ заключенію.

Мазена, освобожденный королемъ, заявилъ о своемъ рѣшеніи защищать честь Амелія. Воевода сейчасъ же самъ рѣшается выступить съ нимъ въ поединокъ—не потому, чтобы рѣшить это дѣло съ достоинствомъ. Онъ считаетъ себя обезпеченнымъ на всегда и не можетъ разубѣдиться въ виновности Мазены. Поэтому то онъ и желаетъ наказать Мазену. „Развѣ Господь былъ бы очень ужъ не милостивъ,“ разсуждаетъ онъ, „еслибъ и не убилъ этого развратника.“ (Д. IV, сц. 6)—Король предлагаетъ, чтобы сынъ Воеводы бился съ Мазеной. Вотъ послышался выстрѣлъ. Интересно прослѣдить настроеніе души Воеводы въ это время. „Это мой сынъ выстрѣлилъ,“ разсуждаетъ онъ, „другаго выстрѣла не послѣдовало. Уже тотъ убитъ; страшная блѣдность покрыла его чело; уже на ступилъ разрывъ сердца. Онъ лежитъ у ногъ моего сына. Хвала тебѣ, Боже; по твоей это волѣ сдѣлалось, Пресвятая Дѣва, тебѣ славить душа моя!“ (Д. IV, сц. 7). Тѣмъ страшнѣе для него была вѣсть, что его сынъ убитъ; онъ палъ безъ чувствъ, сраженный ею, какъ громомъ; потомъ ходилъ, какъ привидѣніе. Ужасомъ и поруганіемъ дышетъ та сцена, гдѣ Воевода беретъ платокъ съ кровью сына и со своими слезами. Амелія говоритъ ему: „это для меня.“ Онъ бросаетъ ей платокъ въ лицо. Отъ этого она падаетъ безъ чувствъ.

Воевода проситъ на погребеніе короля и пажу. Онъ почти полонить ихъ, но не силой, а особымъ способомъ, который въ состояніи удержать каждаго на мѣстѣ: выносить гробъ сына и ставить на порогъ дома. Король онъ соглашается отпустить, но съ тѣмъ, чтобы катъ его сына остался. Мазену онъ обѣщается отпустить живымъ. „Хочу имѣть его хоть одинъ часъ въ рукахъ живаго, хочу, чтобы мои руки, какъ змѣи, обвили его.“ Король обѣщаетъ скоро явиться за Мазеной. „Не знаю, увидимся ли,“ разсуждаетъ самъ съ собою Воевода, „и, можетъ, пойду за сыномъ. Здѣсь смерть постигаетъ людей. О, смотрите, какъ человекъ несетъ свой крестъ: измучится и готовъ повалиться трупомъ.“ (Д. V, сц. 3).

Итакъ Мазена остался въ полной власти Воеводы. Послѣдній по отношенію къ своей жертвѣ проявляетъ ту утопченную же-

стокость, которая может идти въ параллель съ забавами коники съ мышкой. Онъ даетъ ему даже нѣкоторую свободу, но обращается къ нему, какъ приговоренному къ смерти, называя напередъ уже трупомъ. Мазепа заявляетъ, что имѣетъ передать Амеліи послѣднюю волю Збигнѣва, и Воевода соглашается прислать ее къ нему. Мазепа объявилъ ей о любви Збигнѣва къ ней, а также и о своей братской привязанности. Амелія кладетъ руку на голову колѣнопреклоненнаго пажла: „Пусть ангелы сдѣлаютъ твой путь блестящимъ. Я умираю.“

Воевода: „Какъ—въ присутствіи трупа?“ и отталкиваетъ ее отъ пажла. Амелія, отравленная, падаетъ на гробъ Збигнѣва. Воевода и этого не позволяетъ: „Не ложись тамъ на гробъ дитяти, потому что ты его обезчестишь.“—На дерзкую рѣчь Мазепы, которую онъ вступился за обиду дорогой для него покойницы, Воевода какъ будто не обращаетъ вниманія. „Ты глухъ,“ замѣчаетъ онъ Мажентъ, „говоришь, а вокругъ тебя слушаютъ трупы, да и ты самъ здѣсь третій трупъ“ (Д. V, сц. 7).

Патура Воеводы чрезвычайно сильна; но несчастія, обрушившіяся и на него, не прошли безслѣдно. Смерть единственнаго сына, измѣна жены, послѣдняя страшная тайна между сыномъ и женой вконецъ изломили его. Мстѣ, учиненная имъ надъ Мазеной, послужила малымъ утѣшеніемъ для него. Его преслѣдуютъ починны видѣнія, страшныя лица и быстро наступаетъ минута отчаянія, въ которую онъ все еще борется съ сомнѣніемъ, боится повѣрить тяжелому открытію. „О, встань изъ гроба, печестивецъ; прикажи, пусть доски расколются, а ты, гробъ, раскройся! Я готовъ извинить тебя, если наденешь къ моимъ ногамъ и скажешь, что это не правда. О, гробъ, я готовъ простить тебя, если у тебя выступятъ слезы о моемъ несчастіи! Но, довольно обмановъ, не нужно уже жизни.“ (Д. V, сц. 8).

При появленіи короля, Воевода потребовалъ кияжалъ. Слуга удерживаетъ его отъ самоубійства; „покорись,“ говоритъ онъ. „Убійрайся ты въ болото!“ было его отвѣтомъ на неумѣстный совѣтъ.—Король появляется и говорить, что Воевода отгнѣтитъ за все головой.

„Вотъ тебѣ моя голова,“ отвѣчаетъ онъ, „пронзалъ себя; пусть совлечутъ ее! но только прикажи мени похоронить отъ этихъ труповъ далеко.“ (Д. V, сц. 9).

Такимъ образомъ, характеръ Воеводы наиболѣе выдержанный въ драмѣ и вѣрный себѣ отъ начала до конца. Страсть развивается въ немъ съ такими эффектами, что невольно заставляетъ дрожать сердце за судьбу зависимыхъ отъ него лицъ.

Жена Воеводы сосредоточиваетъ на себѣ интересы почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ: Збигнѣвъ тайно ее любить, Мазепа сначала увлеченъ ею, а потомъ страдаетъ изъ-за нея—изъ безкорыстной любви къ ней. Ревность Воеводы также имѣла въ основѣ чистое чувство къ ней. Наконецъ, немолодой король плѣняется ея прелестями.

„Это еще невинное дитя, а каковы прекрасны,“ такъ рисуетъ Амелію Кастелянша. „Ни одна изъ сосѣдокъ не можетъ сравниться съ нею. Нужно было крыльями мушекъ украсить лицо: оно слишкомъ блѣлое, и напрасно ты такую блѣлую розу заткнула въ волоса.“ (Д. I, сц. 3).

Нѣжной и прекрасной ее всѣ изображаютъ. Хотя дѣйствіе обнимаетъ очень незначительное время; но она подъ конецъ такъ много испытала и выстрадала, что дѣлается способною покончить съ собой.

Рекомендація, какую сдѣлала Мазепѣ Кастелянша, и обращеніе его самого съ Амеліей были таковы, что не могли внушить симпатіи къ нему этой чистой и въ полномъ смыслѣ слова благородной женщины. Какъ ни примѣнялся онъ къ ея идеальной природѣ, она откровенно отстранила его отъ себя и не подала ему никакой надежды. Ея высокая натура видна и въ томъ приговорѣ, который она произнесла надъ Мазепой, когда самъ король отказался судить его за нахальный поцѣлуй. Вотъ ея сужденіе: „Подлое сердце у него бьется въ груди, а не сердце поляка, не сердце рыцаря. Скажи ему, что мы женщины такихъ людей наказываемъ презрѣніемъ. Я его презираю и забываю о немъ.“—Самъ король, пользуясь случаемъ ея прихода, пользаясь къ ней съ любезностями.

Обхожденіе ея съ королемъ полно достоинства и даже величія. Онъ полагаетъ, что его въпчанная короной голова подстрекнетъ ея честолюбіе и соблазнить; но она отвѣтила: „Я только вижу чело, холодное и безстыдное.“ (Д. II, сц. 3).

Къ Мазепѣ, чуждому ей по племени, по происхожденію, и притомъ съ такой сомнительной репутаціей, Амелія могла отнестись равнодушно; но какъ справиться со своей природой молодой женщины обокъ докучливаго и скучнаго мужа-старца, находясь въ постоянныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ молодымъ пасынкомъ, полнымъ романтическихъ грезъ и восторженныхъ порывовъ. Естественно, что между ними возгорается страсть, но такая чистая, идеальная, что ее можно причислить къ лучшимъ образцамъ романтической поэзіи. Збигнѣвъ не рѣшается даже объявить Амелію о своей страсти; но, ощутивъ ее, старается бѣжать навсегда отъ мачехи. При прощаніи она еще не подозреваетъ всей опасности своихъ отношеній и старается удержать его; но, замѣтивъ по его лицу и выраженію, что онъ страдаетъ, она поняла его и себя. „Иди прочь: я тебѣ ничего не могу дать, кромѣ слезъ, я сама страдаю. Мы невинны, и моя слеза, павшая на твою голову, тебя не обезчеститъ. Помни эти слезы; но не думай худо обо мнѣ, потому что я теперь говорю въ безсознательномъ состояніи.“

Видно, что на долю этой чистой и мягкой натуры выпали одни страданія, горести и мученія. Эта кроткая слабая женщина попала межъ такіе сильные характеры, надъ ея головой обрушиваются такіе сильные страсти, что невольно останавливаешься въ недоумѣніи, какъ она перенесетъ всю эту гору несчастій.

Только ея чистота и сознаніе своей невинности поддерживаютъ ее въ той сценѣ, когда Воевода велитъ заключить въ ея комнаты ея любовника. Она и не подозреваетъ и потомъ долго не вѣритъ, чтобы тамъ дѣйствительно былъ кто нибудь. Вся сцена для нея ужасна; она походитъ просто на пытку. Воевода безчеститъ ее хуже послѣдней трынди; но она ни въ чемъ неповинна, и ея правота выносить ее цѣлою изъ этой бури. Въ заключеніи своемъ она, кромѣ нравственныхъ страданій, терпитъ еще и физи-

чeskія: холодъ и голодъ. Туда является Збигнѣвъ подѣ видо́мъ монаха и изливаетъ на нее всю горечь своего разочарованія. Невыносимо для ней слушать его рѣчи; но она выходитъ изъ горячо любившей и не перестающей любить души: „Твоя душа была лучшей половиной моей души; я не говорилъ тебѣ этого, пока была ты чистой, — теперь ты очернена, и слова мои тебя не запятнаютъ. Хотя бы я сказалъ тебѣ, что я люблю, — глаза твои обманутъ; сердце твое чисто, уста горчимъ дыханіемъ палятъ и сунуть мнѣ чело. О, мать, стой издали, не приближайся ко мнѣ! Я пришелъ въ лицѣ твоѣмъ поругаться чело́вѣческой красотѣ. Не смѣй уже требовать отъ меня никакой клятвы, потому что я не могу допустить, что ты не вѣроломна. Впрочемъ, ты меня научила ложно присягать. Иди сюда, я тебѣ взаимно чему-нибудь научу. Скажу тебѣ на ухо: обрѣжь курчавые волосы и погнѣйся, — или лучше, закрой лицо волосами, потому что ты не горишь отъ стыда“. (Д. IV, сд. 5).

Въ такую страдальческую для нея минуту онъ явился не со словомъ утѣшенія, а съ осужденіемъ и проклятіемъ для нея. Ея отвѣтъ на его гнѣвъ дышетъ спокойствіемъ и справедливымъ укоромъ: „Зачѣмъ ты тревожишь меня бѣдную; для чего тебѣ проклинать меня, когда ты одинъ не имѣешь права этого дѣлать!“ (Д. IV, сд. 5).

Отъ Збигнѣва она убѣждается, что въ ея комнатѣ дѣйствительно заключенъ чело́вѣкъ; она желаетъ открыть королю истину и очистить себя. Результатомъ этого была смерть Збигнѣва, единственного во всѣмъ свѣтѣ дорогаго для нея лица; послѣ чего и она рѣшила страданія свои положить конецъ. Она приняла ядъ и умерла при гробѣ любимаго пасынка. Судьба Амеліи чрезвычайно трогательна. Ея красота плѣняетъ всѣхъ, но ей самой приносятъ одни страданія. Съ одной стороны ревность стараго мужа, а съ другой традиціонная мораль послужили для нея источникомъ всѣхъ безчестій, поруганій и внутреннихъ мукъ, какія ей наносили другіе и какія она сама для себя создавала.

Тихая, скрытная, преступная съ христiанской точки зрѣнія, страсть овладѣла еще одной жертвой. Збигнѣвъ, молодой, благородный, мужественный ротмистръ, вполне созналъ опасность своего положенiя въ присутствiи прекрасной мачехи. И потому, едва онъ почувствовалъ, что любить ее, какъ хочетъ навсегда оставить родительскiй домъ. Но опасность для нея со стороны Мазепы вовлекаетъ его въ борьбу съ послѣднимъ. Онъ доступенъ всѣмъ хорошимъ чувствамъ и послѣ поединка мирится съ Мазепой и даже его полюбилъ, когда узналъ лучшiя его качества. Защита Амелiи предъ отцемъ стоила ему тяжелыхъ минутъ самоиспытанiя. Его положенiе здѣсь исполнено истиннаго драматизма. Онъ вѣрепъ предмету своей страсти, и готовъ скорѣе убить себя, чѣмъ измѣнить ей. Онъ слышалъ въ комнатѣ Амелiи скрипъ сапогъ, и отъ душившихъ его чувствъ едва не ошалѣлъ; но все еще собралъ послѣднiя силы и энергически возсталъ противъ безчестiя, которое хотѣлъ нанести отецъ своей женѣ. „Отецъ, я положусь здѣсь и никто не войдетъ, развѣ вступишь въ кровь сына; имѣй состраданiе ко мнѣ,—вотъ уже у меня потемнѣло въ глазахъ, я лишуся чувствъ второй разъ; эта сцена меня мучить. Отецъ, сынъ клянется тебѣ безсмертной душой, что тамъ нѣтъ никого; не довольно тебѣ этого; а то со мной будетъ то, что съ моимъ братомъ, котораго ты печально убилъ. Смотри, я блѣденъ, дрожу—еще минута, и сердце у меня разорвется“. (Д. III. сц. 4).

Пришедши въ темницу съ укорами Амелiи, онъ скорѣе оплакиваетъ конецъ своей любви. „Ты мнѣ измѣнила, а какъ я тебя любилъ!“ — „Амелiя, я завидую тому человеку; я кричалъ, какъ онъ теперь кричитъ; я отъ боли погрызъ себѣ обѣ руки. И буду завидовать его покою во гробѣ, какъ теперь завидую его мукѣ и голоду. Дай мнѣ ножъ: мое сердце хочетъ превратиться въ ледъ. Увидишь, какъ я умѣю любить, страдать и умирать. Дай ножъ! я хочу убѣдить тебя, что еслибъ ты меня любила, я достоинъ былъ бы даже вѣчной любви!“ (Д. IV, сц. V).

Онъ всетаки имѣлъ утѣшенiе убѣдиться въ невинности Амелiи; но не выноситъ нравственныхъ страданiй. На поединкѣ

онъ самъ себя убиваетъ и умираетъ съ именемъ Амсліи на устахъ. Его смерть не имѣетъ ясно очерченныхъ поводовъ; они предвидятся въ далекомъ будущемъ, котораго драма не обнимаетъ. Онъ скорѣе умираетъ подъ наитіемъ какой-то романтической фантазіи: „Умираю отъ руки, поблагословенной ею“, заключаетъ онъ.

Король Янъ-Казимиръ, по замѣчанію Байрона, любилъ заниматься науками и прекраснымъ поломъ:

. . . . По сказать,
Что удалось избѣжать
Ему волненій—было-бъ ложь:
Онъ музъ любилъ и женщинъ тожъ. (Мазена Байрона).

Такимъ рисуется его и Словацкій, знакомый съ этой характеристикой у Британскаго поэта. Къ этому онъ прибавилъ еще ханжество короля. Онъ молится, правда, очень забавно; для него устраиваютъ въ замкѣ часовню, и онъ окружаетъ себя уніатскими понами.—Онъ сразу плѣняется Воеводшей и даже среди молитвы думаетъ только о ней. Эта молитва такъ интересна, что, я думаю, читатели не будутъ въ претензіи, если я приведу ее цѣликомъ. Король обращается къ Мазенѣ: Подай мнѣ молитвенникъ!—*Ave Maria, gratias plena.* (По нашему это будетъ: Богородице Дѣво, радуйся!)—Мазо! не знаешь, гдѣ спать мои придворные?—На лѣво.—А хозяинъ замка?—Не знаю.—Дуракъ!—Пусть будетъ такъ.—*Ave Maria*—не знаешь, гдѣ спать Воевода?—Не знаю.—То большой ты дурунь!—Второй разъ это слышу.—А ты гдѣ спишь?—Я не сплю.—А что жъ ты дѣлаешь?—Пишу дѣянія твои, милостивый государь!—Ты, вѣтренникъ, исторіографъ!—Мазена въ сторону: Чтобъ тебѣ лопнуть, Ех-кардиналъ!—Что ты тамъ бормочешь?—Ничего, стихи.—Да, я готовъ пари держать, что ты имѣешь свиданіе почью.—Быть можетъ.—Я знаю навѣрное: ты уже говорилъ съ женой Воеводы!—Я хвалилъ предъ нею Ваше Королевское Величество.—Ну, говори правду, ты будешь видиться съ нею сегодня еще?—Вотъ такъ напасть: лишь только я найду для сердца своего мѣстечко, какъ ты туда же мѣтишь; ты мнѣ

перебиваешь.—Дай мнѣ покой, такъ трубишь въ уши, что я долженъ убѣжать.—Беретъ плащъ Мазепы и убѣгаетъ на свиданіе. (Д. I, сц. 13)

Если здѣсь онъ поступилъ легкомысленно, то въ защитѣ Мазепы предъ Воеводой руководствуется чувствомъ справедливости и природнымъ добросердечіемъ. На просьбу и желаніе Воеводы, чтобы онъ остался на погребеніи сына, онъ съ дипломатическою ловкостью увертывается отъ несогласія пріятнаго и даже угрожающаго для него положенія.

Вотъ какую рѣчь держитъ онъ Воеводѣ, чтобы только его успокоить:

„Мой дорогой Воевода, съ большой бы охотой я остался поплакать на могилѣ твоего сына; тѣмъ болѣе, что онъ былъ нашъ храбрый воинъ. Дѣйствительно, печально глядѣть, какъ онъ былъ здѣсь еще вчера, смѣлся съ нами, разговаривалъ, а теперь гдѣ-то ужъ предъ Богомъ и на насъ смотритъ съ состраданіемъ. И скорбь тѣмъ глубже проникаетъ, когда такъ внезапно молодежь уходитъ изъ-подъ нашихъ глазъ и уноситъ съ собою на тотъ свѣтъ всѣ надежды. Удивительно, какъ человѣкъ можетъ еще смѣяться, живя на такомъ свѣтѣ; но что дѣлать съ долей! Старый мой другъ, когда у тебя эти раны излѣчатся, промну тебя въ столицу къ себѣ въ гости. Ей Богу, мнѣ тяжело бросать тебя; но есть интересы государственные, которые принуждаютъ меня выѣхать; пребываніе же мое здѣсь отозвется большой потерей для края“. (Д. V, сц. 2). Король выѣзжаетъ и дѣйствительно вскорѣ возвращается съ войскомъ выручать Мазепу; но было слишкомъ уже поздно!

Хотя личность короля обрисована въ драмѣ слегка и значительно шаржирована; но въ немъ есть и человѣческія стороны, которыя при лучшихъ условіяхъ для его развитія могли бы обратиться въ положительное достоинство его.

Есть еще въ драмѣ двѣ третьестепенныхъ личности.—Кастелянша—старая сплетница и сподница. Она находитъ удоволь-

стнѣ раздражить молодое чувство, и первал впускаетъ Збигнѣву, Амелію и Мазенѣ мысль о любви.—Не обходится здѣсь и безъ стараго вѣрнаго слуги. Хмара вскормленъ вмѣстѣ съ Воеводой, и остается ему вѣренъ въ счастіи и несчастіи до гроба.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть объ одной веселой бытовомой сценкѣ, которая происходитъ въ началѣ нашей драмы. Для принятія короля пріѣхало много шляхты, пановъ, и два маршалка, которые враждовали между собою. Вотъ они встрѣтились вмѣстѣ и изъ вѣжливости, которая практикуется въ польскихъ домахъ до сихъ поръ, каждый хочетъ дать первое мѣсто другому и не хочетъ первымъ войти въ домъ; наконецъ, чтобы рѣшить дѣло безъ обиды, входятъ оба вмѣстѣ въ дверь; но какъ были наны тучные, то завязли въ корридорѣ такъ, что для освобожденія ихъ должны были разломить стѣну. (Д. I, сц. 2).

Теперь предъ нашими глазами отдѣльно представлены были всѣ характеры драмы. Анализъ ихъ показалъ, что наибольше жизни и своей условной правды заключаетъ въ себѣ Воевода; остальные лица, не исключая и Мазены, играютъ страдательную роль. Они пассивно, а не съ ясно сознаннымъ стремленіемъ подготавливаютъ развязку драмы. Самъ Мазена, выразился бы мы, значительно ополчился. Онъ не сосредоточиваетъ на себѣ главнаго интереса, какъ бы можно судить по заглавію драмы. Но при этихъ недостаткахъ есть и значительныя выкупающія достоинства: искреннія чувства, идеальныя стремленія и характеры, романтичность положеній, глубина страданій, сильныя натуры и благородныя порывы, словомъ, все, что съ такимъ мастерствомъ производитъ талантъ Словацкаго, есть и въ этой драмѣ. Оно возбуждаетъ живучій интересъ въ зрителѣ и сообщаетъ ей цѣну въ глазахъ читателя.

ОТЕЦЪ ЗАЧУМЛЕННЫХЪ.

Восточные рассказы о чумѣ послужили сюжетомъ для поэмы Словацкаго, гдѣ геній эпидеміи представленъ во всемъ своемъ

ужасъ и неумолимой суровости. Передъ нами раскрывается постепенная скала несчастій, какія претерпѣваютъ родители, теряя отъ страшной заразы всѣхъ своихъ семерыхъ дѣтей. Этотъ правдивый разсказъ о томъ, какъ чума похищаетъ одно дитя за другимъ, основанъ на дѣйствительномъ событіи, и потому въ немъ съ такой поражающей вѣрностью изображены всѣ оттѣнки физическаго и нравственнаго страданія. Мѣстность и картины природы наблюдаемы были самимъ Словацкимъ на мѣстѣ изображеннаго имъ событія. Онъ самъ провелъ 14 дней въ карантинѣ. Этотъ карантинъ устроенъ былъ Магометомъ Али на границѣ Сиріи и Палестины среди сыпучаго песка, вблизи мѣстечка Эль-Аришъ. „Сразу,“ пишетъ Словацкій, „не могъ я понять, какъ пустое мѣсто, на которомъ нѣтъ ни одного домика, могло подлежать праву человѣческому; но мечъ наши, казалось, висѣлъ въ голубомъ небѣ надъ головами моихъ проводниковъ—Арабовъ. Едва они прибыли въ карантинную долину, какъ приказали изрѣкаятъ преклонить колѣни, а въ черныхъ ихъ лицахъ видна была глубокая покорность людей свободныхъ праву страшнаго человѣка“. Это мѣсто перерѣзывала небольшая рѣчка, вдали видѣлись пальмовые лѣса и слышенъ былъ шумъ Средиземнаго моря; подлѣ моря находился курганъ съ гробницей Шеха; вдали на возгорьяхъ стояла стража въ посточныхъ костюмахъ. Наканунѣ Рождества Христова 1836 г. Словацкій пережилъ здѣсь въ пустынѣ страшную бурю. Маленькая рѣченка вздулась, вѣтеръ съ ливнемъ разрывалъ полотно палатки и тушилъ огонь; вдругъ вода поднялась въ рѣкѣ и стала заливать мѣстность; едва Словацкій успѣлъ безъ ничего спастись на ближайшую возвышенность. „Безъ крова, безъ огня и нищи потерялъ я на землѣ почти кораблекрушеніе, а въ ближайшее мѣстечко не смѣлъ идти“.

Въ этой пустынѣ кончило жизнь и потеряло всякое счастье и всѣ радости не одно семейство. Словацкій въ своей повѣсти изобразилъ судьбу одного такого Арабскаго семейства. Арабъ съ женой и семерыми дѣтьми раскинулъ бивуакъ среди пустыни. Онъ мирно у очага среди привычной для него обстановки проводитъ

назначенное ему время. Вдругъ страшная болѣзнь посѣтила семью; старшій сынъ умеръ отъ заразы. Послѣ этого пришлось прожить новый карантинный срокъ, продолжавшійся 40 дней. Въ ту же самую ночь двѣ дочери, спавшія вмѣстѣ, умерли такъ тихо, что никто не замѣтилъ. Пропло нѣкоторое время спокойно, и старики начали отдыхать душой; но злая доля не дрежала: самый младшій и любимый сынъ снова сталъ жертвой. Снова должны были провести тягостный карантинный срокъ. Послѣ такого несчастія жили такъ тихо, какъ бы желали обмануть ангела смерти; но онъ пришелъ и взялъ среднего сына, который не пользовался любовью въ семьѣ. Отецъ такъ изстрадался, что не вѣлъ уже слезъ—пролить надъ его гробомъ. Оставалась самая любимая дочь, которая была послѣдней надеждой и утѣшеніемъ для родителей. Отецъ готовъ былъ пожертвовать собою и жизнью всего оставшагося семейства ради этой дочери; но неумолимая смерть не пощадила ея. На пятый день послѣ этого послышался ревъ моря и вой вѣтра, въ которомъ, казалось, плакали умершія дѣти; къ этому присоединяются послѣдніе отчаянные стоны грудного дитяти. Мать сама отнесла его на курганъ, гдѣ погребали зачумленныхъ. Прожили печально пасдинѣ мужъ съ женой и наконецъ приняли освободить ихъ изъ этого мѣста плача и болѣзней. Нужно было напередъ удостовѣриться въ здоровьи ихъ; ударили по суставамъ, гдѣ преимущественно заключается зараза, и жена посинѣла и пала мертвой. Оказалось, что она отконала свое наименьшее дитя, поцѣловала его въ уста и взяла на память поцѣсъ. Это ее убило, а старикъ одинъ остался безчувственный, болѣе похожій на привидѣніе, чѣмъ на человѣческое существо.

Въ области чувства Словацкій можетъ считаться лучшимъ живописцемъ. Эта поэма является точно картиной, гдѣ поразительно представлена свирѣпая природа и безпомощный предъ нею человѣкъ. Такъ ужасъ смерти нарисованъ на лицахъ всѣхъ и такъ переходъ отъ надежды къ отчаянію и полной безчувственности рельефно изображенъ, что по силѣ производимаго ею впечатлѣнія, эту поэму сравниваютъ съ группой Лаокоона.

Достаточно будет нѣсколькихъ картинъ, чтобы составить себѣ понятіе о достоинствахъ и силѣ чувства, которыми дышетъ вся поэма.

Арабъ, сынъ природы, въ такихъ плѣнительныхъ краскахъ выражаетъ свою скорбь о потерянномъ семействѣ: „О, неизвѣстна никому та горестъ, которая теперь заключается въ моемъ сердцѣ! Возвращаюсь я теперь дождь на Ливанъ,—на дворѣ моемъ дикій апельсинъ спроситъ меня: старче, гдѣ твои дѣти? Въ саду цвѣты моихъ дочерей спроситъ: старче, гдѣ твои дочери? Прежде всего синія облака на Ливанѣ будутъ спрашивать про жену, про сына, а дѣти всѣ погребены подъ тѣмъ страшнымъ курганомъ Шека. И эхо и люди будутъ спрашивать, въ добромъ ли здоровьи возвращаюсь—и что я имъ отвѣчу на это?“

Въ этомъ семействѣ господствуютъ тишина и идиллическія забавы; никто о смерти и не помышляетъ еще; но страшная гостья подкрадывается незамѣтно. „Я прибылъ въ долину и разбилъ наплатку на пескѣ. Мои верблюды вокругъ положились на землѣ; маленькое дитя, какъ ангелъ, кормило воробьевъ, а птички почти изъ рукъ его брали кормъ. Видишь ли ты эту маленькую рѣчку въ долинѣ? Отъ нея возвращалась самая младшая дочь съ кувшиномъ на головѣ, ровная и стройная, какъ тростникъ. Приблизилась къ огню и съ веселымъ смѣхомъ брызнула водой на братьевъ. Самый старшій братъ съ воспаленными глазами всталъ, взялъ кувшинъ дрожащими руками и сказалъ: самъ Господь наградитъ тебя за воду; я страшно пить хочу; потому что чувствую огонь въ груди. Съ этими словами онъ напился воды и тутъ же понахлебался, какъ сломянная вѣтромъ пальма. Я приближалъ, но спасти уже нельзя было. Сестры хотѣли цѣловать мертвого; я въ бѣшенствѣ закричалъ на нихъ: не смѣть этого дѣлать! Схватилъ трупъ и бросилъ его стражѣ, чтобы она взяла его желѣзными крючьями и на томъ мѣстѣ, гдѣ хоронятъ зараженныхъ, погребла его.“

Несчастія такой мракъ поселяютъ въ душу Араба, что самая природа, великолѣпная природа Востока, кажется ему, принимаетъ зловѣщій видъ: „Видишь ли это солнце на лазурномъ небѣ? Всегда

оно восходитъ тамъ за пальмовымъ лѣсомъ; всегда заходитъ за той песчаной горой. Ни одного облачка, ни одного пятнышка не видно на небѣ, а мнѣ тогда казалось, не знаю почему, что блескъ солнца не всегда одинъ и тотъ же, что оно теперь не такое, какъ было вчера, а какъ окровавленный вампиръ смотреть съ неба; самое небо, которое видѣло гибель моей семьи, покрыто такой непроницаемой мглой, что, казалось, моя молитва не долетитъ до Бога, который скрылся за облаками.“

Въ разсказѣ о смерти любимого сына Арабъ подробно описываетъ, какъ развивается эта страшная зараза. „Я началъ уже успокаиваться; потому что не вѣрилъ, чтобы Богъ, взявши трехъ, захотѣлъ забрать и всѣхъ моихъ дѣтей. О, была то адская минута. когда, смотря въ лицо самаго младшаго сына, увидѣлъ я смерть на немъ. Ахъ, какъ я его берегъ! Перинъ на лицѣ знакъ былъ маленькій, не замѣтный ни для кого; но я его подмѣтилъ; онъ становился подобенъ первому сыну моему, дѣлался блѣднымъ потомъ краснымъ; смотрю, по лицу его пошли сотни пятенъ желѣзнаго цвѣта. Я закричалъ: смерть между нами. схватилъ его съ большимъ трудомъ и вынесъ въ стѣну, чтобы тамъ смерть ужъ его доконала и чтобы не видѣла его мать. Я ломалъ надъ нимъ руки и громко извѣщалъ, чтобы не умиралъ,—или ужъ лучше бы ему не родиться! А тамъ надъ пальмами вознесъ блѣдный безчувственный мѣсяцъ; не знаю, какъ онъ могъ смотрѣть на это!“

Эта смерть любимого сына повергла родителей въ безчувствіе: „Мы жили, не говоря ни слова между собою, и въ присутствіи смерти сами похожи были на мертвыхъ, думая, что такимъ образомъ обманемъ Бога и что демонъ заразы пройдетъ; нѣтъ, онъ возвратился, этотъ ангелъ мститель; но нашелъ меня безъ слезъ и сердца, уже безчувственного къ собственнымъ страданіямъ. Я уже сказалъ: пусть Богъ все забираетъ... Умеръ средний сынъ, изъ любимыхъ; холодная смерть его пришла безъ боли; скоро окостѣлъ онъ и сталъ, какъ камень. Но такъ послѣ смерти страшно смотрѣлъ, какъ будто просилъ нашихъ всякихъ слезъ. Онъ хотѣлъ лицо свое запечатлѣть въ нашихъ сердцахъ, поразить наши

глаза и вѣчно остаться въ воспоминаніи родителей съ лицомъ, которое говорило: вы прокляты!“

Прелестная младшая дочь еще возвратила старика къ надеждѣ; но смерть не падить ни раннего ея возраста, ни красоты. „Я готовъ былъ себя принести въ жертву смерти; но о дочери я боялся и помыслить! и никакой тревоги я не имѣлъ о ней: она была такъ молода, такъ прекрасна! Она была такъ весела, когда брала мою плающую голову въ свои холодныя и бѣлыя, какъ лилія, ручки. Она, какъ паукъ, сповала около кедра по шелковой ткани и дѣлала мнѣ этотъ поясъ. Мои печальные глаза она кудрями своихъ золотистыхъ косъ заслоняла отъ солнца; такъ что сквозь слезы она отражалась въ моихъ очахъ, какъ пыльная роза. Она была госпожей моего дома, и какъ ангелъ хранитель, смотрѣла за маленькимъ дитятей въ колыбели. Гдѣ слышался плачъ, бѣжала и оплакала всѣ наши страданія и всѣ наши слезы осушила своими волосами. Наконецъ блеснула надежда. Тридцать дней провелъ я безъ сна; теперь потерялъ силы и память и заснулъ. Во снѣ я увидѣлъ окруженныхъ легкими облаками моихъ двухъ дочерей. Онѣ обѣ, держась за руки и привѣтствовавши меня въ гробовомъ спокойствіи, сверкая глазами, пошли наѣстить спящихъ; онѣ нагибались надъ ложемъ матери, надъ колыбелью дитяти; потомъ на младшую дочь положили свои свѣтлыя руки! Пробуждаюсь и, проклиная умершихъ дѣтей, кричу дико: Гатфе, моя Гатфе! Она прилетѣла тихо, какъ птичка, по ковру и бросилась ко мнѣ на шею. Я убѣдился, что она жива, слыша на своей груди ея бьющееся сердце. Но на другой день громъ поразилъ и ее: она умерла на моихъ рукахъ. И была одна страшная минута, когда ея терзали убійственные мученія, она кричала: спаси меня, отецъ! Коралловыя уста ея были подобны распускающейся розѣ, и послѣ смерти была она прекрасна, какъ ангелъ. Пришла стража, поплакала надо мной и вырвала у меня дочь. Тутъ кроческъ унать неся бѣлую твердую круглую грудь и разорвалъ ее въ моихъ глазахъ. Боже, припомни имъ это!“

Недостаточно было этих ударовъ для старика: сама природа пооружается противъ него и все строже и строже преслѣдуетъ его. У него осталось послѣднее грудное дитя. Тутъ всѣ нечистыя силы собрались, чтобы завершить несчастье своей жертвы. Разразился тропическій ураганъ надъ пустыней, и среди порыва вѣтра и борьбы стихій, готовыхъ сокрушить все живущее, послышался крикъ дитяти; но такой жалостный, такой глубокій и призывательный, что родители потеряли послѣднюю надежду и всякое чувство. Дитя двѣ ночи оставалось между ними и они чувствовали, что еслибъ хоть такъ недвижимое оно оставалось между ними, половина горя убыла бы для нихъ. Мать сама отвесла дитя къ общей могилѣ братьевъ.

Остались оба несчастныхъ родители въ пустой палаткѣ со своимъ горемъ; но общая печаль уже не соединяетъ ихъ, а разъдѣляетъ. У нихъ проявляется вражда противъ самихъ себя, проникающая въ сердце какимъ-то ядомъ, который развѣ самъ Господь въ состояніи очистить. Нестало и жены: предметы, взятые на память и отнятые у завистливой могилы, убили ее.

Послѣдніе удары, разражавшіеся надъ старикомъ, были все жестче и жестче; они вытравили въ немъ всякое чувство и всякій разсудокъ. Онъ превратился въ дитя; память ему сохраняла только мертвыя страшныя лица, и онъ разговаривалъ съ ними днемъ и ночью. Такъ проходили дни и недѣли безъ боли, безъ воспоминаній и представлений; онъ сталъ холоденъ и безчувственъ, какъ камень. Люди его забыли, но не забыло его вѣрное животное. Въ его палаткѣ показалась голова его стараго верблюда, который такъ печально смотрѣла, что онъ заплакалъ громко, какъ дитя. Этотъ плачъ возвратилъ ему чувство. Онъ сталъ собираться въ дорогу; но онъ отправился самъ одинъ: восемь верблюдовъ понесли только пустыне вьюки.

„Не осталось мнѣ ничего, кромѣ Бога,“ заключаетъ старый Арабъ, „здѣсь мое кладбище, а тамъ дорога.“

Мы видимъ теперь, съ какою силою правды и съ какимъ поражающимъ совершенствомъ развернулъ Словацкій предъ нами

картину страданій человеческихъ. Нужно согласиться, что сюжетъ для поэмы выбранъ имъ самый подходящій. Умираетъ одно за другимъ семеро дѣтей, и съ каждой выхваченной жертвой боль, какъ ядовитое жало, вонзается въ душу все глубже и глубже. Судьба героя дала поэту возможность выразить самые многообразные отбѣнки горя и мученій, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, и они представлены рѣзко и такъ сгруппированы, что производятъ цѣльное впечатлѣніе ужаса и невольнаго страха передъ грозными явленіями природы. Да, страшна смерть отъ заразы; но не легче видѣть себя пощаженнымъ ею и чувствовать, какъ оторвано рѣшительно все, что дорого и мило было сердцу.

Х. Ящуржикскій.

ДВА СЕРБСКИХЪ МОНАСТЫРЯ.

Статья проф. Платона Кулаковского.

Между памятниками, оставшимися отъ славянской старины въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова, самые замѣчательныя и самыя интересныя, конечно, монастыри.

Если въ Западной Европѣ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ монастыри имѣли значеніе хранителей высшихъ умственныхъ интересовъ, если сильные духомъ люди, которые чувствовали призваніе къ высшаго рода дѣятельности, чѣмъ та, которую имъ представляла практика жизни, искали удовлетворенія своимъ духовнымъ стремленіямъ въ стѣнахъ монастырей, гдѣ не было слышно звука рыцарскаго оружія и гдѣ въ спокойномъ уединеніи можно было посвятить себя литературному и духовному труду,—то въ многострадальныхъ предѣлахъ между Эгеємъ и Дунаємъ, Чернымъ моремъ и Адриатикою, лишь теперь освобождающихся отъ турецкаго ига, монастыри имѣли и большее значеніе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и дольше оставались центрами просвѣщенія и хранителями народности. На Балканскомъ полуостровѣ лишь теперь проходитъ средній вѣкъ, если подъ этимъ терминомъ разумѣть не опредѣленный періодъ времени, но извѣстный характеръ эпохи. Лишь въ 19-омъ столѣтіи воскресаютъ изъ развалинъ старыя славянскія государства, при ближайшемъ содѣйствіи Россіи, лишь въ наше время земли балканскихъ славянъ очищаются отъ азіатскихъ завоевателей, которые такъ долго удерживали господство среднихъ вѣковъ на Балканскомъ полуостровѣ. Патріархальность быта и простота нравовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балканскаго юга прямо переносятъ васъ въ средніе вѣка, равно какъ многочисленные рассказы

о турецкихъ подвигахъ и жестокостяхъ, совершающихся изъ этихъ многотрадальныхъ земляхъ, напоминаютъ вамъ средневѣковые нравы. Какъ нѣкогда какой нибудь рыцарь, окруженный толпою себѣ подобныхъ, совершалъ разбойническія нападенія на своихъ сосѣдей, такъ и теперь, какой нибудь старшій въ одномъ изъ албанскихъ родовъ, собравъ своихъ сородичей, способныхъ носить оружіе, нападаетъ на мирныхъ жителей сосѣднихъ областей, грабитъ ихъ имущество, уголяетъ скотъ, убиваетъ мужчинъ, забираетъ въ плѣнъ женщинъ. И какъ нѣкогда голосъ Германскаго Императора былъ безсиленъ остановить расходившагося самовольнаго рыцаря, такъ и теперь бессильна власть султана удержатъ въ повиновеніи и спокойствіи гордаго своего дерзостью восточнаго рыцаря нашего времени.

Такое положеніе многихъ частей Балканскаго полуострова и теперь еще поддерживаетъ за монастырями значеніе образовательныхъ центровъ. Какъ извѣстно, въ Болгаріи и Сербіи до ихъ основанія лучшіе писатели и дѣятели принадлежали или къ духовному сословію вообще, или вышли изъ монастырей.

Въ Сербіи, которая уже болѣе трехъ четвертей столѣтія пользуется относительно свободою въ политическомъ отношеніи, естественно, въ наше время монастыри имѣютъ меньшее значеніе, чѣмъ въ Болгаріи. Но въ Сербіи хорошо помнятъ народъ еще то недавнее время, когда монастырь былъ единственнымъ приближеннымъ слабого и угнетеннаго, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли уединиться люди, жаждущіе духовной пищи и умственнаго труда. Еще и теперь въ извѣстные праздники стекается народъ въ тотъ или другой монастырь. Это обыкновенно бываетъ въ дни празднованія монастыремъ „славы“, которая замѣняетъ нашу храмовую праздникъ. Въ эти дни устраиваются народныя собранія вблизи монастырей, базары и ярмарки, на которыхъ нерѣдко происходятъ разнаго рода совѣщанія и договоры. Такъ во время владычества турокъ на такихъ народныхъ собраніяхъ у монастырей договаривались между собою смѣлые предводители возстаній и условливались борцы за сербскую свободу и независимость о мѣстѣ и времени

возстанія противъ турокъ. И такъ, если монастыри на Балканскомъ полуостровѣ въ старое время давали пріютъ людямъ, которые требовали по своей природѣ другой, высшей дѣятельности, дѣятельности духовной, если монахъ стараго времени записывалъ „дѣнія родной земли“ и дѣтописи, составленныя въ монастыряхъ, представляютъ самый важный и лучший источникъ для изученія нашей и юго-славянской исторіи, то въ позднѣйшія времена сербскіе и болгарскіе монастыри исполняли сверхъ того патріотическую службу другого рода: въ нихъ хранилась память великихъ историческихъ событій прошедшаго и они поучали молодыя поколѣнія правдивымъ преданіямъ родной старины, они самымъ своимъ существованіемъ напоминали сербу о великомъ и славномъ его прошломъ, будили и поддерживали его національное самосознаніе и помогали сынамъ сербскаго народа въ ихъ борьбѣ за свободу и государственную самостоятельность родной страны. Но кромѣ того, монастыри на Балканскомъ полуостровѣ постоянно поддерживали связи между православнымъ славянствомъ (значеніе ихъ въ славянскихъ земляхъ въ этомъ отношеніи далеко еще не оцѣнено и не оцѣнено нашей литературой, а между тѣмъ въ самыя старыя времена мы находимъ слѣды связей между всѣми православными славянами, разбѣиными на громадномъ пространствѣ) связи, хранившіяся по преимуществу въ монастыряхъ. Какъ извѣстно, первыя книги пришли къ намъ на Русь со славянскаго юга, а когда татарское иго всею своею тяжестью придавило русскую землю, къ намъ стали приходить изъ Сербіи и Болгаріи просвѣщенные монахи, приносили къ намъ рукописи и списки церковныхъ книгъ, становились іерархами русской церкви. Такъ въ исторіи нашей церкви и старой словесности оставили по себѣ большую память Кипріянь, родомъ Болгаринъ, который былъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка митрополитомъ въ Кіевѣ, Пахомій Логоетъ, родомъ Сербъ, написавшій въ XV вѣкѣ житія многихъ русскихъ святыхъ, Григорій Цамблакъ, родомъ Болгаринъ, тоже бывшій митрополитомъ въ Кіевѣ въ XV в. и мечтавшій о соединеніи восточной и западной церкви (до своего прихода въ Россію онъ былъ въ началѣ

XV вѣка игуменомъ знаменитаго Дечанскаго монастыря) и многіе др. ¹⁾).

Въ ту пору, когда русская земля, собираясь около Москвы стала освобождаться отъ ига, наложеннаго на нее татарами и наконецъ сама стала наступать на востокъ,—Балканскій полуостровъ окончательно подпадаетъ подъ власть восточныхъ завоевателей. Коссовская битва, роковая для самаго существованія сербскаго государства, произошла въ 1389 г., слѣдовательно всего девять лѣтъ спустя послѣ побѣды, одержанной русскимъ народомъ надъ татарами на Куликовскомъ полѣ. Послѣ паденія всѣхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ и подчиненія туркамъ всѣхъ земель отъ Чернаго моря до Адриатики наступаютъ на Балканскомъ полуостровѣ вѣка варварства, ужасовъ и насилія. Съ этихъ поръ начинаютъ юго-славяне обращать свои взоры на сѣверную славянскую державу и тамъ искать помощи и опоры. Лучшіе люди духовнаго чина идутъ изъ Сербіи и Болгаріи въ русскую землю, переносятъ съ собою литературныя богатства изъ своихъ монастырей, а монастыри въ то же время шлютъ въ Москву просьбы о помощи и жалобы на безвыходное положеніе угнетеннаго народа. Взоры юго-славянъ устремляются на русскаго царя, отъ котораго юго-славяне въ теченіе долгихъ вѣковъ ожидали помощи и защиты. Даже католическое славянство выслало въ Россію своего духовнаго представителя въ лицѣ Юрія Крижачича, провозглашавшаго, что славянству нѣтъ дѣла до взаимныхъ отношеній Римскаго папы и Цареградскаго патріарха, и возлагавшаго всѣ надежды на Россію и Московскаго царя, который одинъ въ состояніи избавить славянство отъ турокъ и ифимцевъ. И эти ожиданія, какъ показала исторія, были не напрасны и не безплодны, но требуется еще многое слѣловать для нашихъ соплеменниковъ, ожидается ими еще многое отъ русскаго царя и народа, и русскіе люди должны исполнять задачу русской исторіи...

¹⁾ Сравня: Первозвѣтъ. Славянская взаимность, стр. 284.

Монастыри сербскіе строились преимущественно сербскими царями и князьями въ старыя времена сербскаго могущества и славы. Народная сербская пѣсня часто упоминаетъ о постройкѣ церкви или монастыря царемъ или княземъ за свою *душу*; отсюда и самое сербское слово *задушница* ¹⁾).

Мѣстность для постройки монастыря выбиралась обыкновенно живописная. Почти всѣ монастыри лежатъ среди горъ, причемъ бурный потокъ отдѣляетъ монастырь отъ остальнаго міра. По берегамъ этихъ потоковъ часто видны остатки мостовъ, спесенныхъ весеннимъ разливомъ. Поэтому весной и осенью, когда вода, стекая съ окрестныхъ горъ, превращаетъ ручей въ бурный потокъ, монастырь совершенно уединенъ и отрѣзанъ отъ остальнаго міра, а лѣтомъ приходится перебираться по каменистому руслу потока въ бродъ. Куполы монастырскихъ церквей и верхи башенъ и стѣнъ, окружающихъ монастырь, скрывались за высокими холмами, окружающими монастырь, открываются вашему взору лишь тогда, когда подойдешь къ нимъ на близкое разстояніе. Вслѣдствіе контраста съ горами, зданіе монастыря кажется очень незначительнымъ, но стоитъ только подойти ближе, и вы невольно поражаетесь грандіозными размѣрами крѣпостныхъ стѣнъ, окружающихъ самый монастырь.

Большинство сербскихъ монастырей воздвигнуто въ старыя времена сербской славы и могущества; но есть и такіе, которые преобразованы въ послѣднее пятидесятилѣтіе изъ приходскихъ церквей.

О многихъ монастыряхъ существуютъ преданія, приписывающія постройку ихъ различнымъ дѣятелямъ сербской исторіи. О времени и обстоятельствахъ постройки нѣкоторыхъ главнѣйшихъ монастырей имѣются вѣрные историческія свидѣтельства. Къ числу такихъ монастырей принадлежатъ Раваница и Манассія, о которыхъ я и намѣренъ сообщить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

¹⁾ Пишутъ и *задушница*, слѣдуя выговору, по фонетической системѣ Вука Караджича.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію положенія и исторической судьбы этихъ монастырей, считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. И Раваница и Манассія *зидужбинь* двухъ владѣтелей Сербіи: князя Лазаря и его сына Стефана, извѣстнаго въ сербской исторіи подъ прозваніемъ *Высокаго*.

Тогда были тяжелыя времена для Славянъ Балканскихъ. Нынѣшняя Восточная Румелія и часть Македоніи уже подпали подъ власть турокъ и платили имъ дань. Нужно было пройти лишь полустолѣтію и весь сѣверъ полуострова отъ Балканъ до Дуная окончательно потерялъ свою независимость и сталъ данникомъ азіатской орды. Болгарскій царь Шишманъ уже подчинился туркамъ и обязался платить имъ дань. Въ это время произошла знаменитая Коссовская битва, въ которой палъ князь Лазарь. Битва эта произошла 15-го іюня 1389 года въ *Видов дан*, т. е. въ день св. Вита. Нужно замѣтить, что послѣ царя Стефана Душана, громаднаго дрихлюю и разиратную Византію, доходившаго до стѣнъ Цареграда и дѣйствительно грознаго и сильнаго владыки, Сербское царство подверглось обыкновенной судьбѣ всѣхъ славянскихъ государствъ, не сдерживаемыхъ сильною единою рукою. Оно распалось, а междоусобныя распри разныхъ владѣтелей губили и тотъ остатокъ силъ, которымъ располагало сербское государство послѣ великихъ войнъ Душанова царствованія. Несчастный князь Лазарь выбралъ, по словамъ сербской нѣсни, „царство небесное“ вмѣсто земнаго и погибъ на роковомъ коссовскомъ полѣ со всѣмъ цвѣтомъ своего войска. На этотъ разъ Турки оставили за Сербами право самоуправленія, хотя наложили на нихъ дань и разныя обязательства.

Владѣтелями остатковъ нѣкогда могущественнаго, хоть и краткое время, Сербскаго государства, они оставили Степана Высокаго, сына погибшаго царя Лазаря, и его мать Милицу. Съ этихъ поръ сербскіе князья были извѣстны лишь подъ титуломъ деспотовъ. Сестра деспота Стефана Милена была выдана замужъ за султана Баязита и, по народному преданію, построила въ Крушевцѣ рядомъ съ церковью мечеть, въ угоду туркамъ, окружавшимъ ее.

Ко времени царствованія князя Лазаря и его сына Стефана относится постройка двухъ замѣчательнѣйшихъ въ Сербіи монастырей: Раваницы и Манассіи. Оба эти монастыря построены въ чисто византійскомъ стилѣ ¹⁾ и въ художественномъ отношеніи свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи вкуса и искусства у современниковъ. Но оба эти монастыря подвергались перахъ турецкимъ нападенимъ и лишь въ послѣднее время стали постепенно обновляться, но еще далеко не приведены въ прежнее ихъ состояніе.

І.

РАВАНИЦА.

Въ полутора часахъ ѣзды на сѣверъ отъ города Чупріи, на берегу рѣчки Раваницы, среди холмовъ лежитъ монастырь Раваница, задужбина князя Лазаря. Дорога изъ Чупріи ведетъ сначала черезъ прекрасную равнину, покрытую нивами и плодовыми деревьями; далѣе проѣзжаешь большую деревню Сенье, которая какъ вообще всѣ сербскія деревни представляетъ чрезвычайно пріятную для глазъ картину: бѣленькіе домики, крытые черепицей, утопающіе въ зелени садовъ, свидѣтельствуютъ о нѣкоторой степени довольства жителей среди прекрасной природы. Затѣмъ путникъ перебирается въ бродъ черезъ горную рѣчку Раваницу, а за нею дорога прорѣзываетъ горы, покрытыя богатой растительностью. Монастырь лежитъ въ долинѣ среди горъ. Я посѣтилъ этотъ монастырь въ первый разъ въ іюль 1879 г. Былъ темный іюльскій вечеръ, чувствовалось приближеніе грозы. Когда я въ 9 часовъ вечера подѣхалъ къ воротамъ монастыря, все въ немъ уже спало и лишь въ кельѣ игумена, выходящей окнами въ поле, свѣтился огонекъ. Намъ пришлось долго и сильно стучаться въ ворота монастыря, пока намъ наконецъ отперъ привратникъ, разбуженный старикомъ игуменомъ, встрѣтившимъ насъ на крыльцѣ. Это сѣдой старикъ, по имени Хаджи-Стефанъ. Хаджи—турецкое слово и зна-

¹⁾ Клици. Византійски Споменници по Србији.

читать собственно поклонникъ, посѣтившій священныя мѣста для магометанскаго міра—Мекку и Медину; хрістіане стали употреблять слово *Хаджи*, какъ прибавленіе къ имени хрістіанскаго паломника, благоговѣнно поклонившагося мѣстамъ страданія Великаго Учителя хрістіанства. Старикъ игуменъ отжедъ мнѣ помѣщеніе, какое было въ монастырскихъ кельяхъ, въ ту пору довольно запущенныхъ. Онъ объявилъ мнѣ, правда, что въ монастырѣ имѣются двѣ чистыя комнаты, но онѣ отпираются только для князя—господаря. русскаго *консула*, какъ въ Сербіи обыкновенно называютъ русскаго представителя. и для митрополита. Узнавъ, что я русскій, Хаджи-Стефанъ тотчасъ началъ говорить со мною на домашномъ русско-церковно-славянскомъ языкѣ, хотя въ этомъ не предстояло никакой нужды, такъ какъ мы могли разговаривать между собой и по сербски. По старій сербскій патриотъ, воспитавшійся на преданіяхъ и вѣрѣ въ Россію, постоянно читающій церковныя книги и выучившійся читать по часослону и псалтырю, считалъ для себя пріятнымъ говорить съ русскими на его языкѣ, предполагал, что онъ самъ знаетъ языкъ „русскаго Царя“, который, по выраженію старика игумена, отъ самаго начала спасалъ Сербію отъ всѣхъ ея враговъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ русскими путешественниками въ славянскихъ земляхъ,—рѣчь тотчасъ завелась о „политикѣ“. „Что будетъ съ Сербіей теперь?“ „Долго-ли русскій Царь попуститъ швабамъ?“ „Знаетъ-ли онъ, что дѣлается у насъ?“ „Что онъ думаетъ?“ „Горчаковъ конечно не дастъ Сербію въ обиду, а что Воевіна и Герцеговина въ рукахъ швабовъ.—это, конечно, политика, это на время, само собою разумѣется.“ Вотъ что спрашивалъ и говорилъ старикъ игуменъ, потерявшій нѣкогда отъ Австріи за свой патриотизмъ и потому еще сильнѣе недолюбливавшій ее. Но было уже поздно для старика игумена, встающаго въ 3 часа утра, и потому онъ вскорѣ ушелъ изъ моей комнаты, послѣ того какъ одинъ изъ монаховъ принесъ мнѣ на ужинъ ракію, овечьего сыра, яицъ и хлѣба. На другой день игуменъ показывалъ мнѣ церковь, монастырь и окружающія его развалины, а также разныя вещи, присланныя въ даръ изъ Россіи этой

старѣйшей святииѣ сербскаго племени, святииѣ, которая напоминаетъ потомкамъ коссовскихъ юнаковъ о томъ, что еще не отомщено это пораженіе Сербовъ, и что времена силы и могущества сербскаго племени могутъ быть возвращены, если только у теперешнихъ сербскихъ юнаковъ хватитъ энергій и ума примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ.

„Три великихъ имени, тѣсно связанныя съ погибелю великаго Сербскаго государства и многовѣспѣтыя въ національныхъ пѣсняхъ и героическихъ сказаніяхъ, удерживаютъ за развалинами замка Раваницы и его хорошо сохранившеюся монастырской церковью на всѣ времена то благочестивое почитаніе, которыми они пользуются далеко за предѣлами Сербіи,“ говоритъ Каницъ въ своей книгѣ *Serbien* ¹⁾.

Какія же это имена, съ которыми связанъ этотъ монастырь? Какъ выше сказано, построенъ онъ княземъ Лазаремъ. Въ замкѣ Раваницъ часто живали вмѣстѣ съ Лазаремъ его два зятя: знаменитый въ сербскихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ Милошъ Обиличъ, убившій на Коссовомъ полѣ султана Амурада, и Вукъ Вранковичъ, которому приписывается измѣна сербскому князю, измѣна, погубившая все сербское государство.

Вотъ какъ рассказываетъ народная пѣсня о построеніи монастыря Раваницы: „Князь Лазаръ служить службу въ Крушевцѣ, служить службу св. Амосію. Сзываетъ онъ всѣхъ своихъ дворянъ на праздникъ съ книгами и здравицами. Собрались всѣ сербскіе дворяне; онъ ихъ всѣхъ сажаетъ за столъ по роду и по старшинству, а вверху стола садится самъ славный князь Лазаръ. Когда пиръ былъ во полу стола и стали рѣчи вестись про разныя дѣла,—выходитъ госпожа Милица; легко ступаетъ она по царской, палатѣ, а на ней девять поясовъ, на шеѣ у нея девять ожерелій, а на головѣ девять поязковъ, поверхъ всего корона золотая, а въ

¹⁾ Стр. 30.

коронѣ три камни дорогіе, сіяють они почью, какъ днемъ солнце. И говорятъ княгиня Милица славному Лазарю: Государь, славный княже Лазарь! Стыдно мнѣ тебѣ въ лицо глянуть, а говорить и подавно! Жили нѣкогда въ старину Неманичи, царили, были, да уже перебыли. Не собирали они въ кладовыя богатства, но строили на нихъ задушбины. Построили они много монастырей: построили высокіе Дечаны, что выше Дыковины, Патріархію, что выше Печи равной, во Дренницѣ—бѣлый Деничъ, а подѣ Пазаромъ—церковь Петрову; немного выше—монастырь Георгіевы столбы, надѣ студеной Рашкой рѣкою—Сонотьяны. Построили и Троицу въ Герцеговинѣ, церковь Лнью въ старомъ Влахѣ, и Павлицу подѣ Ядовникомъ, Студеницу подѣ Бербеникомъ, церковь Жичу выше Карановца, въ Призренѣ святую церковь Петку, Грачаницу въ Косовѣ ровномъ; все это ихъ задушбины. Ты теперь сидишь на ихъ престолѣ, всюду собралъ богатства, но не построилъ нигдѣ задушбины. Но нѣрь, богатство не будетъ въ помощь ни при жизни, ни послѣ смерти, ни намъ, ни потомкамъ нашимъ

Тогда заговорилъ князь Лазарь: Слышите-ли вы, всѣ сербскіе дворяне, что говоритъ мнѣ госпожа Милица,—что нигдѣ не строю я задушбины? Хочу я и построить Раваницу въ Ресавѣ, на берегу рѣки Равана. Богатства у меня довольно. Солю и фундаментъ изъ свинца, стѣны воздвигну изъ серебра бѣлаго, а покрою краснымъ золотомъ, разукрашу мелкимъ жемчугомъ, а наполю дорогими каменьями. Встали всѣ дворяне и низко князю поклонилися: Строй, княже, будетъ она въ поминъ твоей душѣ, а на здоровье Высокому Стефану! Но тутъ же сидѣтъ и Милошъ Обиличъ; сидѣтъ онъ у края стола, сидѣтъ Милошъ и ничего не говоритъ. Примѣтилъ славный князь Лазарь, что Милошъ ему ничего не говоритъ и подпилъ ему на здоровье золотой кубокъ вина: Будь здоровъ, воевода Милошъ! Скажи я ты мнѣ что нибудь на то, что задумалъ я строить задушбину. Вскочилъ Милошъ быстро на ноги, снялъ съ головы свой шлемъ и привѣтствовалъ князя. Подали ему золотой кубокъ вина; Милошъ выпилъ его, но не пьетъ, а началъ рѣчь вестя: Спасибо тебѣ, княже, на твоимъ сло-

въ! Но не время теперь строить задужбины. Возьми, княже, книги цароставныя, посмотри, что онѣ говорятъ: настали послѣднія времена, хотятъ Турки царство отнять, скоро будутъ Турки властвовать; разрушатъ они наши задужбины, разрушатъ монастыри наши, разрушатъ и церковь Раваницу, выкопаютъ они фундаментъ свинцовый, перельютъ его на ядра, тѣми ядрами разбивать станутъ наши крѣпости. Разобьютъ они стѣны церковныя, перельютъ ихъ украшенія для лошадей, разобьютъ они крышу церковную и скуютъ ожерелья своимъ женамъ; повынутъ камни драгоценные и вставятъ ихъ въ рукоятки своихъ мечей и въ кольца своимъ женамъ. Но послушай, княже Лазарь! накопиаеиъ мы камня мрамора построимъ церковь каменную. Турки хотѣли отнять царство, но задужбины наши будутъ служить вѣка, до суда Божія: отъ камня никому ни камня не добыть. Выслушалъ это князь Лазарь и говоритъ тогда Милошу: Спасибо тебѣ, воевода Милошъ, спасибо на твоей рѣчи; правду ты сказалъ.“ ¹⁾

Въ другой пѣснѣ приписываетъ народъ мысль о постройкѣ Раваницы самому князю Лазарю, а Милошъ Обиличъ даетъ благой совѣтъ строить ее изъ мрамора и грозитъ ему проклятіями тѣхъ несчастныхъ, которыхъ будутъ бить Турки стальными прутьями, выкованными изъ стальныхъ столбовъ, какіе сначала князь Лазарь хотѣлъ поставять въ церкви.

И князь Лазарь дѣйствительно воздвигъ монастырь изъ мрамора, но богато украсялъ его и внутри, и снаружи, какъ повѣствуютъ современники.

Раваница построена въ 1381 г. Въ дарственной грамотѣ 1381 г., въ которой монастырю Раваницѣ князь Лазарь даритъ села и помѣстья, онъ такъ выражается о построеніи этого монастыря: „Я во Христа Бога благовѣрный князь Лазарь, соревнуя тѣмъ благочестивымъ царямъ, которые прежде меня были и на престолѣ которыхъ Богу было угодно меня вознести, украсить царскимъ са-

¹⁾ Вукъ Караджичъ II. 35.

номъ и славою, захотѣлъ принести въ жертву немногое изъ великихъ его даровъ.“¹⁾ Далѣе князь объявляетъ, что онъ воздвигъ этотъ монастырь во славу святаго Вознесенія, украсилъ его по-сильно и устроилъ въ немъ все для жительства иноковъ. Затѣмъ въ этой грамотѣ перечислится длинный рядъ селъ и виноградниковъ, доходы съ которыхъ долженъ былъ съ этихъ поръ получать монастырь. Въ одной позднѣйшей рукописи XVII вѣка²⁾ говорится, что Раваница, дивная по своей вышности и красотѣ, была утверждена на четырехъ столбахъ и вся живописана. Она была украшена золотомъ и разноцвѣтною живописью, одарена богатою серебряною и позолоченною утварью: потирами, кадильницами, рипидами и т. д. Князь Лазарь окружилъ монастырь стѣною съ семью башнями. Устроивъ великолѣпную трапезу, „иже нарече обѣдницю“, князь Лазарь, по словамъ рукописи, придѣлалъ кельи къ стѣнѣ, „якоже гнѣзда птицаа въ оупокоеніе инокомъ“, и обезпечивъ монастырь сѣлами и дѣлами, онъ собралъ много иноковъ и между ними устроилъ общежитіе.

Монастырь этотъ пережилъ много бѣдствій, какъ вообще все, что осталось отъ сербской старины. Въ 1398 г., по свидѣтельству лѣтописца, монастырь Раваница сгорѣлъ. Въ 1438 г. монастырь былъ занятъ Турками и султаномъ Амурадомъ. Когда палъ князь Лазарь на Коссовомъ полѣ, тѣло его было погребено сначала въ близости Приштины, а затѣмъ перенесено въ Раваницу, его задужбину.

Тутъ лежали мощи князя Лазаря и хранились остатки его подарковъ монастырю, неотнятые еще Турками. Но когда въ концѣ XVII вѣка послѣ удачной для австрійцевъ войны, окончившейся занятіемъ австрійскими войсками всей Сербіи, Ниша, Скопья и Софіи, поднявшіеся Турки выгнали Нѣмцевъ и стали опустошать эту область и мстить жителямъ за свои пораженія—раваницкіе монахи выѣхавъ со многими Сербами изъ нынѣшняго сербскаго кня-

¹⁾ Miklosich—Monumenta Serbica стр. 196.

²⁾ Гласникъ XXI, стр. 90.

жества бѣжали въ Австрію. На служебникѣ св. князю Лазарю и св. Ромилу проф. Лавровскій ¹⁾ нашелъ записъ, въ которой современникъ этихъ событій рассказываетъ, какъ монахи, между которыми былъ и составитель запися, бѣжали вверхъ по Дунаю, спасаясь отъ Турокъ, вымещавшихъ на христіанахъ свои прежнія неудачи. Монахи захватили съ собою мощи князя Лазаря и, пришедши въ Вудимъ, поселились въ Септъ-Андрю (вблизи Буда-Пешта). Тутъ они построили небольшую деревянную церковь, гдѣ и положили мощи князя. Когда былъ заключенъ миръ, монахи, взявъ мощи, сначала переехали въ городокъ Футокъ (въ Бачкѣ), а затѣмъ перешли по Фрушку гору ²⁾. Тутъ они наняли монастырь Вердникъ, оставленный монахами въ полуразрушенномъ состояніи. Раваницкіе монахи обновили этотъ монастырь и съ тѣхъ поръ Вердникъ получилъ имя Новой Раваницы. Тутъ они положили мощи кн. Лазаря и перенесенныя ими изъ Сербіи рукописи и драгоценности.

Между тѣмъ монастырь Раваницкій подвергся полному разрушенію. Церковь была обращена Турками въ конюшню для лошадей, внутренность храма отчасти выжжена, отчасти обезображена. Изображеніямъ святыхъ на стѣнахъ выцарапаны глаза, мѣстами живопись совсѣмъ отбита, также сильно пострадало весьма дорогое для Сербовъ изображеніе князя Лазаря и его семейства. Игуменъ Стефанъ, оставившій на служебникѣ записъ, о которой выше была рѣчь, позднѣе посѣтилъ Раваницу, которая уже почти разрушилась и поросла травой и деревьями. Онъ принялся за обновленіе монастыря и вѣроятно къ этому времени относятся тѣ передѣлки въ монастырской церкви, которыя очевидно не принадлежатъ къ первоначальному плану постройки чисто византійскаго стиля.

Къ этому же времени относится записъ на Раваницкой церкви: „Обнови сѧ церковь Вожією помонцію Римскаго цесаря Ка-

¹⁾ Гласник XII, 681—684.

²⁾ Arkiv za povjestnicu jugoslovensku Кукулевича, т. XII, стр. 121.

рола VI свободою, а трудомъ Стефана іеромонаха. 171... ¹⁾ (вѣроятно 10-го года).

Въ монастырѣ Вердникѣ или Новой Раваницѣ во Фрушкой Горѣ (въ Сремѣ, на юго-вост. Австро-Венгріи) и теперь находятся мощи св. князя патриота, который выбралъ, по словамъ народной пѣсни, „царство небесное“ изъ двухъ царствъ ему предложенныхъ чудеснымъ письмомъ, принесеннымъ ему св. Илией предъ Коссовскою битвою. ²⁾ 15 Іюня каждого года въ роковую день Коссовской битвы и смерти кн. Лазаря собирается въ этотъ монастырь народъ со всѣхъ сторонъ для поклоненія мощамъ Сербскаго благочестиваго князя, а слѣпцы поютъ печальныя пѣсни о „пропасти сербскаго царства и дѣяніяхъ кн. Лазаря.“ Въ Вердникѣ хранятся драгоценныя остатки богатствъ этого князя, принесенныя туда монахами изъ Раваницы. Тамъ можно видѣть еще позолоченную чангу кн. Лазаря съ надписью 1389 г. О другой чангѣ разсказывается, что она принадлежала царицѣ Милицѣ.

Тамъ же хранится и мечъ, принадлежавшій Степану Высокому, съ обозначеннымъ на немъ 1414 годомъ. Но всего интереснѣе и замѣчательнѣе модель изъ серебра, изображающая Раваницу въ томъ видѣ, какъ былъ построенъ этотъ монастырь кн. Лазаремъ. Впрочемъ эта модель не вполне согласна со всею техникой постройки и потому можно подозрѣвать, что она позднѣйшее произведение. ³⁾

Въ томъ же монастырѣ Вердникѣ хранится оригиналъ дарственной грамоты монастырю Раваницѣ, которою кн. Лазарь опредѣлялъ ему села и доходы на содержаніе ⁴⁾. Патриоты иноки хо-

¹⁾ Последній годъ стертъ. См. Византіянскія споменици по Сербіи Канца.

²⁾ Вукъ Караджичъ II, 295—296.

³⁾ Kanitz, Serbien. стр. 31.—Замѣтимъ, кстати, что подобная же модель монастыря Дечанъ, лѣтая изъ серебра, хранится еще въ Дечанскомъ монастырѣ. Юришичъ. Дечански Присенацъ, стр. 70 и 71.

⁴⁾ Грамота издана Миклошичемъ. Monumenta Serbica стр. 196—200.

тѣли въ Вердникомъ монастырѣ воскресити. Раваницкую обитель: поэтому иконы и украшенія въ церкви Новой Раваницы по содержанію принадлежать эпохѣ св. князя Лазаря. Въ трапезницѣ на восточной стѣнѣ изображено Вознесеніе Христомъ, съ правой стороны лѣва Спасителя стоитъ изображеніе кн. Лазаря и его сыновей Стефана и Вука, съ лѣвой изображена жена кнзя Лазаря въ одеждѣ инокини, рядомъ съ нею двѣ ея дочери: Мара, жена Вука Бранковича, измѣнившая кн. Лазарю въ роковую коссовскую битву, и Вукосава, жена Милоша Обилича, убиеннаго султана Амурада въ той же битвѣ. Ниже ихъ изображены три младшія дочери кн. Лазаря въ царскихъ одеждахъ съ коронами на головахъ. На западной стѣнѣ трапезницы изображены на полотнѣ коссовская битва, судьба кн. Лазаря и Милоша Обилича, измѣна Вука Бранковича и обрѣтеніе и перенесеніе мощей благочестиваго князя, а внизу сдѣлано изъясненіе изображенныхъ фактовъ, согласно съ народными преданіями и пѣснями.

Мощи кн. Лазаря покрыты краснымъ шелковымъ покровомъ длиною въ аршинъ и шириною въ 9 вершковъ; на немъ вышита большими золотыми буквами надпись. Покровъ этотъ былъ принесенъ въ даръ княгиню Милницею, которая послѣ смерти кн. Лазаря постриглась въ монахини, подѣ именемъ Евфиміи. Въ этой надписи она поручаетъ себя и своихъ двухъ сыновей, князей Стефана и Вука, небесному заступничеству своего святаго супруга.

Такимъ образомъ монастырь Раваница, оставленный монахами въ концѣ XVII вѣка и разрушенный Турками, не сохранилъ никакихъ памятниковъ сербской старины. Лишь полуразрушенныя башни, изъ которыхъ одна сливетъ подѣ именемъ Милошевой кулы, а другая Югъ-Богдановой, по имени тестя кн. Лазаря, да остатки фундамента крѣпостныхъ стѣнъ и развалины зданія, въ которомъ жилъ самъ ктиторъ монастыря, напоминаютъ о назначеніи этого монастыря въ старое время.

Освобожденіе Сербіи застало Раваницу въ самомъ плачевномъ состояніи, но и Карагеоргій, и Милошъ Обреновичъ, первые освободители Сербіи, обратили вниманіе на старую задушбину, столь

дорогую Сербамъ по своимъ воспоминаніямъ. При всемъ желаніи у Сербовъ княжества не было достаточно ни матеріальныхъ, ни научныхъ, ни техническихъ средствъ и знаній, чтобы возстановлять Раваницу въ чисто византійскомъ стилѣ постройки, о великолѣпнѣи которой можно лишь догадываться по линіямъ общаго плана, да по сохранившимся остаткамъ фресокъ, уцѣлѣвшимъ отъ времени и насилія турецкаго. Стѣны монастыря, построеннаго изъ разноцвѣтнаго мѣстнаго камня изъ породы мрамора,—замазаны къ сожалѣнію известкой неумѣлыми реставраторами. Какъ стиль постройки, такъ и орнаментика и остатки фресокъ—въ извѣстной степени оцѣнены и описаны Капицемъ въ его *Serbien* и *Визант*. Споменици по Србији, книгъ, изданной по повелѣнію Франца Іосифа, Импер. Австрійск. Профессоръ Вѣлградской Велікой Школы г. Вальтровичъ и г. Милутиновичъ-художникъ, сынъ извѣстнаго сербскаго поэта Сими Милутиновича, въ теченіе семи или восьми лѣтъ ежегодно проводятъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ сербскихъ монастыряхъ и дѣлають снимки всѣхъ архитектурныхъ особенностей и монументальныхъ ихъ богатствъ.

Это богатѣйшее собраніе снимковъ, чрезвычайно важное для исторіи искусства на славянскомъ югѣ, ждетъ пока своего издателя. Не смотря на возбужденный этимъ собраніемъ интересъ у любителей и знатоковъ искусства, оно до сихъ поръ не нашло достойной поддержки ни въ сербскомъ правительствѣ, ни гдѣ нибудь въ издательскихъ фирмахъ. Всѣхъ желающихъ ознакомиться съ монастырями въ художественномъ отношеніи отсылаю къ вышеупомянутымъ произведеніямъ Капица, а также и къ *проспекту*, напечатанному г. Вальтровичемъ въ Лейпцигѣ.

Начало связей монастыря Раваницы съ Россіей относится ко времени Петра и Іоанна Алексѣевичей. Въ это трудное для Сербіи время, когда она была постояннымъ центромъ войнъ между турками и австрійцами и подвергалась то турецкимъ, то австрійскимъ опустошеніямъ, взоры юго-славянскаго обратились къ славянскому сѣверу, на которомъ тогда началъ дѣйствовать гениальный Петръ

Великій. Инокѣ Раваницкіе выслали сборщикѣмъ подаяній на Русь и тогда по повелѣнію Петра и Іоанна Алексѣевичей была имъ выдана „жалованная“ грамота въ 1693 г., которая и теперь хранится въ Раваницѣ. Такъ какъ грамота эта, сколько мнѣ извѣстно, не была еще нигдѣ напечатана, то привожу ее въ подлинникѣ: ¹⁾

Божіею милостію мы пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы Московскіе, владимерскіе, новгородскіе, цари казанскіе, цари астраханскіе, цари сибирскіе, государи исковскіе и великіе князи смоленскіе, тверскіе, югорскіе, пермскіе, вятцкіе, болгарскіе и иныхъ государи и великіе князи новгорода низовскіе земли, черниговскіе, рязанскіе, ростовскіе, ярославскіе, бѣлоозерскіе, удорскіе, обдорскіе, кондинскіе, и всеа сѣверныя страны повелители и государи іверскіе земли карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскіе земли черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ сотчичи и дѣдичи и наследники, и государи и обладатели. Намъ Царское величество пожаловали Сербскіе земли вознесенскаго монастыря Раваницкаго, въ которомъ лежатъ мощи святаго Лазаря Сербскаго и чудотворца Романа, архимандрита Хаджи Арсенія з братіею і впредь по немъ будучихъ архимандритѣмъ, которые въ томъ монастырѣ будутъ, повелѣли имъ дать сію нашу царскаго величества жалованную Милостивую Грамоту; потому, билъ челомъ намъ великимъ государемъ онъ архимандритъ з братіею, что монастырь ихъ вознесенской построены благочестивыми греческими цари и патріархи; а ныне отъ насилія власти тамошней и великомъ утесненіи и скудости. А почему имъ приѣзжать бити челомъ намъ великимъ государемъ о милостинѣ и оныхъ монастырскихъ дѣлехъ и о томъ де въ тотъ ихъ монастырь нашей великихъ государей грамоты не

¹⁾ Я позволилъ себѣ лишь вывести изъ подъ титула слова, сохранявъ во всемъ остальномъ полное правописание подлинника.

дано, и чтобы намъ великимъ государемъ пожаловать его велѣть въ тотъ ихъ монастырь дать нашу царского величества милостивую жалованну грамоту, чтобы имъ приѣзжать почему было повол'но, и мы пресвѣтлѣйшіе, и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы Наше Царское величество Сербскіе земли вознесенскаго монастыря Раваницкаго архимандрита Арсенія и кто по немъ иной архимандритъ въ томъ монастырѣ будетъ, пожаловали, повелѣли имъ ис того монастыря къ намъ великимъ государемъ и нашему царскому величеству для милостыни и о иныхъ монастырскихъ дѣлахъ бити челомъ приѣзжать въ седмой годъ, а съ нимъ одному или двумъ старцомъ да служке. И какъ того монастыря архимандритъ с сего нашего царского величества грамотою в наше велико Російское государство поѣдетъ, или кого ис того монастыря в указной годъ пошлетъ и по городамъ нашего царскаго величества боиромъ и поеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, того вознесенскаго монастыря архимандрита, а с нимъ одного или дву (sic) старцовъ и служекъ к намъ великимъ государемъ к Москвѣ и с Москвы пропускати и подводы подъ нихъ и подъ рухледь ихъ велѣть давать и приставовъ съ ними до Москвы посылать во всемъ какъ иныхъ монастырей такіе архимандриты по нашимъ царского величества жалован'нымъ грамотамъ пропускаютца; а какъ они приѣдутъ въ наши царскаго величества малороссійскіе города и нашего царскаго величества подданному войска запорожскаго обоихъ сторонъ Дѣйбра Гетману Ивану Степановичю Мазепѣ, к полковникомъ и инымъ урядникомъ кому гдѣ вѣдати надлежитъ нашего царского величества малыя Россіи городами пропускати Іюго архимандрита, и старцовъ с служками безо всякаго задержанія и зацѣпки; и по городамъ таможенныхъ головамъ и целовальникомъ и по рѣкамъ перевозчикомъ и всякимъ поплинникомъ с рухледи ихъ поплин и перевозу и мостовщины не имать а пропускать ихъ беззадержанія, а кто на нихъ что возметъ или чѣмъ изобидитъ, и тѣмъ от нас великихъ государей быть в опалѣ; а ему архимандриту, и старцомъ того мо-

настыря в наше московское государство и из нашего государства иных монастырей старцовъ, и слугъ, и лошадей, и товаровъ, и людсей не провозить, тѣмъ на себя нашего государственного гнѣву не наводить; дана сѧ (sic) наша царского величества жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ велицѣмъ граде Москвѣ, лѣта отъ создания мира 7201 (1693 г.) іюлю 31 дня, государствованія нашего в 3 году.

Въ печатномъ приказѣ въ книгу записана

У великихъ царей ихъ царского величества Дѣакъ
Алексѣй Никитинъ.

Къ грамотѣ привѣшена печать на шелковомъ переплетенномъ серебряными нитями шнуркѣ съ двумя кистями.

Другая грамота, находящаяся въ томъ же монастырѣ, относится къ 1748. Она была выдана Святѣйшимъ Синодомъ игумену Раваницкаго монастыря Гавріилу. Эта грамота представляетъ также много интереса для исторіи нашихъ связей съ югославянами потому и ее привожу цѣликомъ: ¹⁾

Божією милостію
Святѣйшій Правительствующій
Всероссійскій Синодъ.

Обрѣтающемуся в сербской землѣ православнаго познесенскаго Раваницкаго монастыря Игумену Гавріилу с братією благодать и миръ отъ Бога Отца Нашего и Господа Іисуса Христа.

Пршедшаго 1747 года в декабрѣ мѣсяцѣ честность наша со іеромонахомъ Софроніемъ являсь намъ в царствующемъ градѣ Санктъ-Петербургѣ прошеніемъ объявили: что выѣхали вы изъ того познесенскаго Раваницкаго монастыря, по благословенію и позво-

¹⁾ Kanitz ошибочно приписываетъ эту грамоту Екатеринѣ II. (см. Виз. Спом. стр. 22, Serbien, стр. 33.)

ленію восточныя церкви святѣйшаго Арсенія патріарха сербскаго въ Россію для полученія пожалованной отъ созданія міра въ 7201 году іюля 31 дня Блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти отъ Государи Царя и великаго князя Іоанна Алексіевича и Государи Императора Петра Алексіевича Самодержцевъ Всероссійскихъ данной онаго Раваницкаго монастыря архимандриту Арсенію Гадже с братією грамматѣ, милостиннаго жалованья: по которой грамматѣ всемилостивѣйше повелѣно изъ онаго монастыря для милостыни и о иныхъ монастырскихъ дѣлѣхъ въ Россію бѣти челомъ пріѣзжать въ седмой годъ, точію де отъ времени онаго какъ та граммата пожалована изъ онаго монастыря для различныхъ нуждъ и препятствіевъ за имѣвшимися въ вашихъ странахъ между народами разныхъ немецкихъ земель съ турками войнами, к тому ж и недостатками въ дорожномъ пути чемъ себя содержать: пріѣздъ въ Россію для полученія милостиннаго жалованья пенѣлся: какъ и въ вышеозначенной данной вамъ отъ упомяннаго святѣйшаго патріарха Арсенія свидѣтельствующей грамматѣ объявлено иманно: что и по справкѣ съ государственною коллегією иностранныхъ дѣлъ явилось. А понеже прешедшаго 1735 лѣта соизволеніемъ всероссійскаго Престола учреждено: какъ святѣйшимъ восточнымъ патріархамъ, такъ и обрѣтающимся въ тѣхъ областяхъ архіереомъ и монашескимъ наместимскимъ обителемъ [которые прежде не всегда равную милостыню отъ російскаго престола получали] тое милостыню изъ казны Ея Императорскаго величества получать в том числѣ въ оной вознесенской Раваницкой монастырь на каждой годъ по тридцати по пяти рублей и тое дачу для отдаленнаго путевого отъ Россіи разстоянія отпускать чрезъ каждую пять лѣтъ, на которыя имѣетъ быть по сту по семидесяти по пяти рублей въ отпускъ: въ которой отпускъ шнѣншаго: 1748 лѣта в генварѣ мѣсяцѣ вамъ Игумену с помянутымъ Іеромонахомъ Софроніемъ исчисляя отъ вышеозначеннаго 1735 по сей 1748 годъ всего на тринадцать лѣтъ по оному опредѣленному числу на годъ итого чотыреста пятдесятъ пять рублей, да что по выше означенной жалованной во оной вамъ монастырь грамматѣ слѣдовательно дачи ми-

лостинной бытъ с вышенаменнаго 7201 года, хотя с того года по оной 1735 годъ на такой дачи суммы денежной у насъ и не положено: однакожь въ разсужденіи показанныхъ въ свидѣтельствующей свѣтѣйшаго патріарха грамматѣ, вашего монастыря крайнихъ нуждъ: в награжденіе другимъ не в образецъ сверхъ вышепоказанной суммы сто рублей: тако же по прошенію вашему церковныя книги вамъ и выданы. [кромѣ того что съ пребывающими при себѣ къ содержанію денежнымъ подалніемъ не оставлены:]—впредь же отъ васъ Ігумена с братією в богохранимыя царствующія города Москву или Санктъ-Петербургъ. только въ вышеомянутое опредѣленное время по прошествіи отъ нынѣшняго 1748 года чрезъ каждыя пять лѣтъ присылать изъ духовныхъ лицъ по единому іеромонаху да свѣтскихъ служителей по два человека чрезъ Кіевъ и куда способѣе, и есть ли посланные возимъютъ путь въ Кіевъ, тамо повелѣно имъ давать подводы и кормовые для проѣзду денги: сверхъ же того по пріѣздѣ въ Россію въ Москвѣ или Санктъ-Петербургѣ, что до нужнаго въ томъ времени тѣмъ посланнымъ прокормленія слѣдуетъ на двѣ и также на пріѣздѣ и отпускъ вмѣсто прежде производимыхъ товаровъ изъ казны Ея Императорскаго Величества денежное подаліе имѣеть бытъ на роздѣлъ; буде оной пути кромѣ Кіева или чрезъ Кіевъ, да въ Кіевъ зачемъ дачи не будетъ: въоба пути по шестидесяти по девяти рублей по девяносту по двѣ копейки въ пріѣздъ, да на платежъ за ямскія подводы прогонныхъ денегъ въ обаъ пути двадцать одинъ рубль тридцать шесть копѣекъ [которые за нынѣшней пріѣздъ вы Ігумень съ іеромонахомъ и получили]. Токо же тѣ посылаемые въ каждомъ въ Россію пріѣздѣ имѣли о себѣ ко всероссійскому свѣтѣйшему правительствующему синоду писемныя отъ вашего свѣтѣйшаго патріарха, также и отъ васъ и кто по васъ будетъ игумень, с показаніемъ чиновъ и именъ ихъ, и что они подлинно для полученія оного посланы: за собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ, и печатію свидѣлственно: а при томъ ради лучшаго вѣроятія привозить имъ и отъ Россійскаго въ вѣнѣ пребывающаго Резидента писаніи.—Естьли же каковыхъ ради препят-

ствующихъ притчинъ, или какая крайняя невозможность для пріятія вышеупомянутой дачи отъ васъ нарочныхъ отправить въ Россію когда не допустить, то пріискавъ благопадежнаго человѣка и испрошавъ на оную учрежденную дачу вексель за свидѣтельствомъ російскаго Резидента по прошествіи пяти же лѣтъ пересылать въ Москву или въ Санктъ-Петербургъ. почему та опредѣленная сумма отправляема быть имѣетъ. Прочее же честность ваша со всю о Христѣ обители нашихъ братію о многолѣтнемъ здравіи і благополучіи Благочестивѣйшіи, Всепресвѣтлѣйшіи, державнѣйшіи великіи Государини нашей Императрицы Елисаветъ Потровны Самодержицы Всероссійскіи и наслѣдника Ея Императорскаго величества, внука Государя Императора Петра Великаго, Его Императорскаго высочества благовѣрнаго Государя великаго князя Петра Θεодоровича; и супруги Его Императорскаго Высочества благовѣрной государини великіи княгини Екатерины Алексіевны и благостояніи всеи священныя благочестивыя Россійскіи Имперіи всеблагаго Господа Бога молятъ да не престанете. Сія грамота дадеся въ царствующемъ градѣ Санктъ-Петербургѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1748-е, Феврарія въ 3 день.

Божією милостію смиренный Сімонъ Епископъ Псковскій
и Нарвскій.

Божією милостію смиренный Арсеній Архіепископъ Переславскій
и Дмитровскій и Архіандритъ Святотроицкія Сергіевы
Лавры.

Владимірскаго Рождественскаго монастыря Архіандритъ Платонъ.

Къ грамотѣ прикрѣплена синодальная печать на шелковомъ
желтаго цвѣта шнуркѣ.

Помощь въ 35 руб. въ годъ, опредѣленная монастырю въ
этой грамотѣ, получалась и получается довольно неаккуратно. Въ
1847 году на прошеніе архимандрита этого монастыря послѣдовало
рѣшеніе святѣйшаго синода, которымъ это пособіе было возобно-
влено. Императоръ Николай I-й 7 апрѣля 1847 утвердилъ резо-

люцію Синода: „возобновить таковую дачу со времени вступленія на престолъ благополучно царствующаго Государи Императора.“ Это пособие получается монастыремъ каждые пять лѣтъ, хотя далеко не всегда въ свое время по разнымъ причинамъ. Было бы желательно, чтобы продолжалась эта помощь, необременительная для Россіи, но имѣющая значеніе, какъ историческая традиція со временъ Петра и Елизаветы. Но сверхъ этого такъ сказать казеннаго пособия, Раваницѣ была оказана помощь и въ повѣйшее время русскими. Такъ—самое монастырское зданіе было возобновлено въ 1850 году при денежной помощи со стороны русскаго общества. Изъ Россіи были получены два евангелія въ серебряныхъ вызолоченныхъ окладахъ и нѣсколько такихъ же церковныхъ сосудовъ. Въ Востъ починающая императрица Александра Феодоровна послала въ этотъ монастырь на помяну души Императора Николая—икону св. Николая въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ съ лампадою и иконою. Графиня Антонина Блудова принесла въ даръ Раваницѣ образъ Благовѣщенія также въ серебряно-вызолоченномъ окладѣ и икону на аналой. Церковныя книги тоже по преимуществу присланы въ даръ изъ Россіи.—Все эти русскія пожертвованія хранятся въ монастырѣ и свидѣлствуютъ о взаимной связи Сѣвера и Юга.

Значеніе церковно-духовной связи между Русскимъ и Сербскимъ народамъ еще недостаточно оцѣнено. Извѣстный изслѣдователь Балканскаго полуострова Каницъ такъ выражается объ этой помощи сербскимъ монастырямъ, идущей изъ Россіи: „Подарки, поддержка, орденоскія отличія, расточаемыя со щедростью по истинѣ царской, должны обезпечить за Московитскимъ царствомъ (Moskowitzreiche) приверженность вліятельнаго духовенства въ прежнемъ византійскомъ царствѣ. Фактическому завоеванію его должно предшествовать моральное.“ ¹⁾—Такъ выражается ученый писатель, австрійскія тенденціи котораго слишкомъ очевидны изъ его полныхъ интереса сочиненій. Но такое толкованіе русской помощи,

¹⁾ Kanitz. Serbien стр. 33.

оказываемой Юго-славянамъ,—со стороны нѣмецко-австрійскаго ученаго, можетъ быть лишь объяснено полнымъ незнаніемъ русскаго человѣка и непониманіемъ его духовныхъ движеній. Нѣтъ сомнѣній, что церковно-религіозная связь русскаго и сербскаго народовъ играетъ весьма важную роль и въ исторіи политическихъ отношеній Россіи и Сербіи, но изъ этого факта никакъ нельзя еще сдѣлать выводъ, подобный тому, какой сдѣлалъ Капицъ. Пусть австрійскіе политики и ученые пробуютъ всѣ средства, чтобы разрушить или уничтожить русское вліяніе на балканскихъ Славянъ, пусть подозрѣваютъ въ малой русской помощи какому нибудь монастырю—заднюю политическую мысль,—Россія и русскіе люди поддержать православіе среди родственныхъ племенъ и помогутъ нуждающемуся безъ задней мысли.

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ Ежегодника.)

Философствующій поэтъ, пѣвецъ астрономическихъ міровъ.

(Піснѣ Космичке од *Іна Перуды*. Прага 1878.) *)

Обыкновенно привыкли о такъ называемой рефлектирующей поэзіи отзываться холодно, иногда даже презрительно, какъ о предметѣ, недостойномъ просвѣщеннаго вниманія, заключающемъ въ самомъ себѣ противорѣчіе: поэзія и философія—ну какъ онѣ могутъ быть совмѣщены! Однако есть явленія въ природѣ, съ одной стороны глубоко поэтичныя, съ другой—поражающія непроницаемой тайной, окружающей ихъ, и потому вѣчно досадливо волнующія человеческую мысль и погружающія ее въ трудную и мучительную умственную работу. Поэтическія произведенія, вызываемыя такими явленіями, имѣютъ полное право на вниманіе просвѣщеннаго читателя, потому что они суть продуктъ глубокаго вдохновенія и вмѣстѣ мучительныхъ усилій ума, стремящагося разгадать интригующую спосій непроницаемостью тайну. Безсильный въ этомъ стремленіи, онъ призываетъ на помощь поэтическое воображеніе, и въ наглядныхъ образахъ, чисто земнымъ способомъ, тайна открывается, какъ крыловскій ларчикъ, легко и просто.

Таково звѣздное небо съ тѣми поэтическими грезами и мечтами, которыми оно пробуждаетъ въ чуткой и воспримчивой человеческой душѣ, съ той обольстительной фантастичностью и непонятнымъ очарованіемъ, которыми такъ поражаютъ пламенное воображеніе человека, напримѣръ, на Востокѣ. Чарующимъ образомъ привлекаетъ оно къ себѣ пугливую мысль, увлекательно дѣйствуетъ на фантазію; поэтъ и мыслитель одинаково возбуждены и увлечены его чудной силой и легко могутъ представиться намъ въ одномъ лицѣ. Звѣздный фатализмъ Востока и астрологическія бредни сред-

*) Нѣсколько позднѣе появился нѣмецкій переводъ этихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: *Kosmische Lieder. Uebersetzt von Gustaw Pawikowski. Стр. 48 in 12°.*

невѣковой Европы одинаково основываются на смутномъ сознаниі того неотразимаго вліянія, которое имѣютъ небесныя тѣла на судьбу людей; по другимъ вѣрованіямъ, звѣзды состоятъ въ близкомъ родствѣ съ человѣческими душами...

Какъ бы то ни было—въ бытовой исторіи народовъ звѣзды играютъ очень видную роль, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онѣ нерѣдко будили и творческое воображеніе поэта. Названная выше книжка чешскаго поэта Я. Неруды состоитъ изъ 38 небольшихъ пьесъ, вдохновленныхъ именно необычайнымъ разнообразіемъ и непостижимостью звѣзднаго міра. Затрудненія мыслителя и астронома поэтъ рѣшаетъ легко и просто, облекая непонятное въ матеріальный обликъ и земную одежду. Вы читаете и невольно увлекаетесь, хотя и сознаете, что подобное рѣшеніе неразгаданныхъ явленій въ сущности ничего не рѣшаетъ. Но вы знаете, что это неразгаданное все равно такимъ же и останется для насъ, а между тѣмъ возбужденное воображеніе такъ волюно и развязно чувствуетъ себя среди таинственнаго міра, что вы легко миритесь съ явной несообразностью и спокойно, беззаботно остаетесь въ той матеріальной средѣ, которою поэтъ облекъ непостижимое. И вамъ дѣлается хорошо и отрадно, хотя въ концѣ концовъ вы и сознаете, что были лишь въ заблужденіи. Но таково ужъ свойство поэтической наслажденія, что вы несколько не досадуете на это; напротивъ, остаетесь довольны, что нѣкоторое время были въ этомъ очаровательномъ заблужденіи... Конечно, не всѣ стихотворенія Я. Неруды производятъ такое впечатлѣніе; между ними нѣкоторыя возбуждаютъ лишь невольную улыбку снисхожденія въ читателѣ, но есть и такіе, при чтеніи которыхъ наслаждаешься глубоко и безъ всякой предвзвѣженной мысли. Таково, напримѣръ, прекрасное стихотвореніе подъ № II, гдѣ поэтъ созвѣздіе Плеядъ сближаетъ съ чешскими дѣвками:

Кудж к Вамъ веселъ гледи, злата Вы куржатка, (*цыплята*¹⁾)
Слышимъ наше писиѣ, чешка зржимъ дѣвчатка.

¹⁾ Известно, что у Малоруссовъ созвѣздіе Плеядъ называется Квочкой

* * *

Наше дивкы слѣнце раннѣйши бываѣи,
Ве потоку хладнем очи си (себѣ) мываѣи (моютъ).

* * *

В ноци красне гвѣзды до воды напрыши (отражаются)—
Бѣда гоу (парню), на нѣйж (на которая) очи ты (ты, т.е.
дѣлаи) засрыши (искинутъ).

Въ стихотвореніи № VI изображается, будто звѣзды также скорбятъ и хлопчутъ, какъ и люди. Вотъ, наприимѣръ, послѣдняя строфа:

(Звѣзды) До упавы се лопоти (до усталости хлопчутъ)
Трызвы (мучатъ) сва злата тѣла,
Космицкы прах (мировую пыль) си (себѣ) стираѣи
Се взнешенега чела (съ высокога чела).

Въ стихотвореніи № IV звѣзды, словно рой пчелиный, толпятся; чтоже одна такъ уныло стоитъ поодаль отъ всѣхъ и задумчиво смотреть въ даль? Поэтъ видитъ въ ней молодую особу— „дѣтинне в очку зарже“ (по дѣтскому блеску въ очахъ), страдающую отъ любви.

Вообще на всемъ небѣ поэтъ замѣчаетъ жизнь и движеніе, для изображенія которыхъ примѣняетъ людскія отношенія и страсти. Въ этомъ отношеніи особенно характерно стихотвореніе под № V, изъ котораго, да проститъ читатели мнѣ обиліе выписокъ, считаю необходимымъ для большей наглядности привести три куплета.

т. е. насѣдкой; этимъ послѣднимъ именемъ зовутся Плясы и въ нѣкоторыхъ областяхъ Великой Руси. У чеховъ куржатка (т.е. цыплята)—тоже, въ сущности, названіе.

Видим там роузноту скупени (*собраний, группъ*),
Велькости (*величины*), твароу (*формъ*) а зарже (*блеска*),
То муси (*должны*) роузне особы
Быт, кде јсу роузне тварже (*лица*).

* * *

Бѣгаји сполу (*вмѣстѣ*), а пржедце (*а всеже*) је
Кажды свыхъ (*своихъ*) прав си бдѣлы (*заботиться*),
Јк лиди (*людей*) нас zde хладна заштѣ (*несианость*),
Је (*ихъ*) хладны этер (*эфиръ*) дѣли.

* * *

Животем (*жизнью*) роузным се небе скви (*блистаетъ*),
Доста виакъ там теж ровоу (*но однакоже достаточно*
тамъ и могила),
А свате тихо в кутечках (*и святая тишь въ уголкахъ*),
Јк слуши на гржбатову (*какъ и приличествуетъ клад-*
бищу).

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ рефлексъ обнаруживается въ ущербъ работъ воображенія, и отъ нихъ дѣйствительно вѣетъ сухостью и ригоризмомъ. Такны, напр., №№ IX, XXV, XXXIII (поэтъ старается обосновать патриотизмъ указаніемъ на міровой законъ тиготѣнія) и нѣкоторыя другія. Но большая часть стихотвореній, надо отдать справедливость Нерудѣ, написана съ большимъ поэтическимъ чувствомъ, перѣдко съ вдохновенной восторженностью, и полна живыхъ образовъ, дѣйствій и картинокъ. Вотъ, наприимѣръ, прекрасная пѣска (№ XXXVII), выражающая благородную увѣренность въ способность челоѣческаго духа постигнуть тайну мірозданія:

Пржед жадноу (*никакой*), жадноу загадоу
Све шіе не склониме,
О небес кленбы (*сводъ*) пейзажни (*самые далекіе*)
Сным духомъ жазнониме!“

А вотъ и поселяя спенка, гдѣ жабы занимаются рѣшеніемъ астрономическихъ вопросовъ (№ XXII):

Седѣлы жабы в калюжи,
Гледѣлы взгоуру к неби,
Стары им жабак учены
Одвирял (отворилъ) твърде леби (лбы)

Назвавши астрономовъ „кротами міра,“ старая жаба объясняетъ прочимъ, „нѣмымъ отъ удивленья,“ удивительные способы измѣренія міровыхъ тѣлъ и пространствъ, употребляемые „кротами міра,“ которые нашли, что изъ солнца можно настругать триста тысячъ земель, что звѣзды

„Скоро (почти) сама слыще јсоу
Зелене, модре (голубя), руде

и, если лучъ ихъ изслѣдовать помощью спектроскопа, то

„В нем пальцемъ (найдемъ) ковы (металлы) тыж,
З нихж (изъ коихъ) се и Земѣ сплетла.“

Окончивши свою любопытную лекцію, „жабакъ“ спрашиваетъ, не желаютъ ли его слушатели узнать еще что-нибудь, на что былъ полученъ такой отвѣтъ: намъ было бы интересно узнать,

„Јсу ли там творжи (творенія), лко мы,
Јсу ли там жабы такы?“

Изъ этого послѣдняго стихотворенія видно, что Я. Неруда обладаетъ и силой юмора, который въ данномъ случаѣ такъ пріятно поражаетъ читателя среди массы вещей серьезно-поэтического характера.

Въ заключеніе обзора книжки изложу для большей полноты и сюжеты остальныхъ пьесъ, находящихся въ ней.

№ VII. Пьеса довольно слабая вследствие преобладанія рефлексъ. Поэтъ удивляется неизмѣримости міроваго пространства и съ ужасомъ спрашиваетъ, около чего же обращается то огромное солнце, вокругъ котораго ходитъ наше солнце.

№ VIII. Поэтъ обращается съ умиленіемъ къ поэту всѣхъ поэтовъ—Міру, автору грандіозной эпопеи, отдѣльными стихами которой служатъ звѣзды и планеты, изъ хаоса возведенныя въ стройную гармонію. Гимнъ поэта-Міра слышится постоянно въ процессѣ жизни всего живущаго.

№ X. Быть можетъ, уже и звѣзда та погасла, лучъ которой теперь лишь дошелъ до насъ. Пораженный этой неизмѣримостью міра, поэтъ подбираетъ объясняющее явленіе изъ жизни людей:

„Яко та людска мышлемка:

По вѣщихъ (*спустя мною вѣковъ*) тепрѣ грѣхима (*лишь*
гремить),

По вѣщихъ людствомъ захвѣе (*волнуеть чловѣчество*)—
Мыслитель давно дрема (*дремлетъ*)

№ XI. Полетъ въ міровомъ пространствѣ и характеристика планетъ. Юпитеръ оказывается „промрзели кологнатъ“ (*дуралей, оболтусъ*). Марсъ „руды—гбиты піакъ“ (*веселый пьяница*), какъ и вообще „воинъ“ (*воинъ*) по свѣтѣ впуды“ (*вездѣ*).

Земля—„ахъ Земѣ! тотъ женушка!

Пржи праці (*работѣ*) вѣчнѣ ен (*лишь*) гравъ (*шрива*)

Плъна е квѣтоу а писничекъ,

Млада, якъ лепечка здрава.“

Многія планеты уже умерли и обратились въ кометы, и солнце, какъ любящая мать, тоскливо вспоминаетъ о нихъ; но наста-

нетъ времени—и оно стянетъ ихъ снова къ себѣ. Сближеніе солнца съ любящей матерью проведено и въ № XIII.

№ XII. Происхожденіе планетъ (изъ солнца) и ихъ будущая судьба (соединеніе съ солнцемъ).

№ XIV Появленіе дѣвицы—Земли въ первый разъ на балу звѣздъ, и пріятное впечатлѣніе, произведенное ею на дамъ. Мѣсяцъ влюбляется въ нее и приглашаетъ танцовать.

№ XV. Ухаживаніе Мѣсяца за Землей и кокетство послѣдней: подобно всякой другой красавицѣ, она относится къ нему, повидимому, равнодушно днемъ, по ночью заливается любовными слезами (ночная роса).

№ XVI. Изъ всѣхъ ухаживателей за Землей вѣрнымъ оказался лишь Мѣсяцъ—эмблема неизмѣннаго постоянства влюбленного.

№ XVII. Изображается другое достоинство Мѣсяца: онъ труженикъ, неустанно свѣтящій людямъ.

№ XVIII. Изображеніе мертвенности дня и ночи на Мѣсяцѣ.

№ XIX. Облака и Земля: они се молодятъ, оспѣиваютъ, красятъ.

№ XX. Что говорилъ прежде человекъ? (Скромность по отношенію къ природѣ.).

№ XXI. Что говоритъ онъ нынче? (Гордость силой своего ума и смѣлая надежда со временемъ посѣтить съ земли далекіе міры и небесныя пространства).

№ XXIII. Внутреннее пламя, жжетъ землю и возбуждаетъ страсти во всемъ живущемъ.

№ XXIV. Въ этой пьесѣ отношеніе къ звѣздамъ слабое: онѣ почему то даютъ возможность поэту развеселить порой унылый видъ придавленного судьбой народа (Чеховъ.)

№ XXVI заключаетъ въ себѣ призывъ къ совершенствованію (большія газообразныя тѣла притягиваются малыми, но крѣпкими по своему ядру).

ММ XXVII и XXXIV—изображаютъ вѣчную мировую борьбу за существованіе и скорбь, царствующую въ мировыхъ тѣлахъ.

М XXVIII. Человѣкъ и Солнце: человѣкъ постоянно стремится къ свѣтлому идеалу, между тѣмъ какъ солнце все болѣе загрязняется (намекъ на солнечныя пятна).

М XXXIX. Мертвый Мѣсяцъ и Солнце—эмблемы будущаго и прошедшаго.

М XXX. Жизнь и дѣятельность Земли—единный мигъ въ вѣчности, все равно, что короткая нѣсенка.

М XXXI Мимолетность и бренность всего существующаго: отъ всего остается для человѣка лишь воспоминаніе и докучливая слеза.

М XXXII. Предположеніе о необыкновенной силѣ вдохновенія и таланта поэтовъ на Солнцѣ, сравнительно съ землей.

М XXXIII. Любовь и борьба на Землѣ необходимы: подаркомъ она искони поставлена между Марсомъ и Венерой. Такъ рѣшено неизмѣнной Судьбой. Стихотвореніе довольно слабое, оставляющее читателя въ недоумѣніи...

М XXXV. Кончина Земли. Она умретъ въ морозномъ зенитѣ и беззвучно падетъ въ объятія матери—Солнца.

М XXXVI. Дупа вѣчна. Это говорятъ намъ—постоянное возрожденіе Мировъ изъ праха Вселенной и вѣчные источники жизни, существующіе въ Мирѣ.

М XXXVIII. Умрутъ планеты и упадутъ въ объятія Матери—Солнца; зародится гдѣ нибудь въ углу Вселенной новая жизнь, и въ этомъ новомъ мирѣ думасть поэтъ:

Паки снад (*опять можетъ быть*) zase дробувны атомъ моуй
Тамъ зазвони космицкоу писни!"

Теперь необходимо еще сказать нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности Я. Неруды:

Многосторонній и высокоталантливый чешскій писатель Янъ Неруда родился 10 іюля 1834 года въ Прагѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ народной нѣмецкой школѣ, изъ которой перешелъ въ Малостранскую гимназію, гдѣ, начиная съ 1846 года, занимался чешскимъ языкомъ у Кубека. Когда Старомѣстская гимназія была объявлена чешскою, молодой Неруда перешелъ въ нее. Въ Старомѣстской гимназіи онъ и кончилъ курсъ. Получивши аттестатъ зрѣлости, сталъ онъ заниматься правомъ, а черезъ нѣсколько времени случайнымъ образомъ поступилъ въ военную канцелярію. Черезъ годъ Неруда снова возвратился къ научнымъ занятіямъ и началъ преподавать чешскій и нѣмецкій языкъ въ высшей нѣмецкой реальной школѣ. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности. Сначала съ Вилимкомъ, а потомъ самостоятельно онъ редактировалъ „Образы живота.“ Въ 1860 году Неруда сдѣлался сотрудникомъ „Часа,“ въ которомъ велъ фельетонъ. Когда „Часъ“ измѣнилъ свое направленіе, онъ присоединился въ „Гласу.“ Въ настоящее время выходитъ полное собраніе его фельетоновъ. До сихъ поръ вышло пять выпусковъ; далѣйшіе выпуски должны выйти въ непродолжительномъ времени.

Первыя его стихотворенія были помѣщены въ „Люмірѣ“ 1854 г. за подписью Janko Novoga. Въ 1858 г. онъ издалъ собраніе стихотвореній подъ заглавіемъ „Кладбищенскіе цвѣты“ (64 стр. in 16°). Въ 1860 году многія изъ его стихотвореній и комедія „Жена милује срднатост“ были помѣщены въ альманахѣ „Май,“ который онъ издалъ въ сообществѣ съ Баракомъ, Фричемъ и Галькомъ. Въ послѣдующее время онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ „Чешскоморавской Покладницѣ“, въ „Юмористическомъ Календарѣ“, въ альманахѣ „Руже“, въ альманахѣ „Кракопоше,“ въ „Родинной хроникѣ“, которую редактировалъ въ 1863—64 гг., въ „Чехѣ“, въ „Люмірѣ“, въ „Юмористическихъ листахъ“. Въ настоящее время собраніе его стихотвореній составляетъ томъ въ 233 страницы in 12°.

Кромѣ того Неруда подвизался и на поприщѣ драмы; изъ его комедій извѣстны четыре: „Ја то нейсеи“, „Продана ласка“, „Жена милује срднатост“ и „Жених з гладу“, а изъ его трагедій „Franceska di Rimini.“ *)

Андроникъ Степановичъ.

*) Въ старинныхъ изданіяхъ „Еккерлингенъ“ мы найдемъ повѣствованіе читателей съ извѣстными изъ произведеній Гюльке-рема Н. Неруда. Писати и разсказъ его содѣланъ въ двѣ книги: „Ам ека.“ (1800 г. 100 стр.) и „Нерудъ вѣд-судиваетъ“ (1800 г. 100 стр.).

А. С.-м.

БОЛГАРЕ,

поселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи.*

Начало поселенія Болгаръ въ Новороссійскомъ краѣ современно утвержденію Русской державы на берегахъ Чернаго моря: притѣсненія Турокъ и разныя смуты въ Оттоманской Имперіи (въ послѣдней половинѣ протекшаго столѣтія) были главными причинами бѣгства Болгаръ въ Россію, и потому время послѣдней войны Русскихъ съ Турціею было временемъ наибольшаго переселенія Болгаръ изъ-за Дуная: съ 1828 по 1830-й годъ Болгары цѣлыми сотнями семействъ выходили особенно въ Бессарабію и Новороссійскія губерніи. Милостивое Правительство приняло ихъ подъ свою защиту, обратило особенное вниманіе на этихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ нашихъ, позволило имъ занять самыя лучшія земли, и такимъ образомъ получили начало свое извѣстныя въ Новороссіи Болгарскія колоніи.

Колоніи Болгарскія, особенно изъ давнѣйшихъ, находятся въ отличномъ состояніи по всѣмъ вообще отношеніямъ. Процвѣтанію ихъ способствуетъ: наиболѣе милостивое вниманіе Отца отечества къ этимъ новымъ дѣтямъ Русскаго царства (льготы, права и преимущества предоставленныя колонистамъ;), усердная заботливость Г. Генерала отъ пѣхоты Ивана Шкит. Шилова, истиннаго отца поселенцевъ Южнаго края Россіи; также земля, занимаемая ими (парочко плодородная и удобная, особенно на Буджакѣ), наконецъ неутолимое трудолюбіе Болгаръ, цѣлость ихъ нравовъ и скромная жизнь.

* См. Москвитинъ 1845, ч. VI, № 12, отд. 1-е, стр. 159-187.

Во многомъ, такъ напр. въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, въ житейскомъ быту, въ языкѣ и пр., нельзя не примѣтить неблагопріятнаго вліянія на Болгаръ прежнихъ властителей ихъ; даиѣ же поселившіеся между Русскими и вошедшіе въ сношенія съ ними, обрусѣли. Но вообще въ частной жизни Болгаръ-колонистовъ много есть и своего національнаго, природнаго; есть черты, обнаруживающія самобытный, ни откуда не заимствованный характеръ Болгаръ, неизгладившіяся ни отъ времени ни отъ угнетеній. Думаю, что для насъ Русскихъ знать эти черты важнѣе, чѣмъ знать, что дѣлаетъ въ Парижѣ Палата депутатовъ, особенно же потому, что черты сіи оригинальны и новы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ нихъ—скажу словами Болгарскаго поэта

си ясно теглятъ,
Чи Славенски са народъ,
Славенски, но забуравенъ,
И напустенъ жалостно
Отъ свои те брати славни... а).

I.

Жилища, столъ, занятія и одежда Болгаръ.

Поселившіеся въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи Болгары живутъ колоніями болѣе или менѣе обширными. Немногія семейства, изъ болѣе зажиточныхъ, соединенныя союзомъ родства, рѣшились отдѣлится отъ своихъ единопоросенъ, купили земли или наняли, и живутъ особо.

Дома Болгаръ—всюду, гдѣ ни поселяются они, почти одинаковы. Они раздѣляются на двѣ большія половины: одна соста-

а) Ясно открывается, что они (Болгары) народъ Славяскій, но забытый своими славянскими братьями и въ жалкомъ запустѣніи (подстрочный переводъ).

являетъ свѣтлицу (горницу); въ ней живутъ хозяева; другая половина—для работниковъ наемныхъ и для складки нѣкоторыхъ хозяйственныхъ орудій. Когда случится гость, то и сами хозяева, или, покрайней мѣрѣ, женщины и дѣти, удаляются въ эту послѣднюю половину, предоставляя горницу въ распоряженіе гостю. Однакожъ никогда не случалось примѣчать, чтобъ эта черная половина дома превращалась въ хлѣвъ для телятъ, или ягнятъ, какъ избы нашихъ крестьянъ. Подворье колониста имѣетъ всѣ постройки, необходимыя въ хозяйствѣ: конюшню, погребъ, хлѣвы для овецъ, телятъ и пр.—Большую частію Болгаре живутъ нѣсколькими семьями вмѣстѣ въ одномъ домѣ; такъ, что кромѣ старика архип-хозяина, въ томъ же домѣ живутъ также полные почти хозяева: сынъ съ неѣсткою, иногда два и три съ женами, или дочери съ зятями... это обстоятельство довольно важно, и стоитъ замѣчанія въ томъ отношеніи, что указываетъ на Славянское происхожденіе Болгаръ. Правда, и всякій народъ, въ томъ возрастѣ своемъ когда у него еще не развилось право личности, слѣдуетъ одному инстинктивному побужденію—жить семьями, управляться патриархально и пр. Но если вспомнимъ, что и у Русскихъ, и у нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ племенъ, считается не только полезнымъ, но даже честнымъ и славнымъ, когда многолюдное и обширное семейство живетъ вмѣстѣ: то не усомнимся и сей обычай Болгаръ приписать наиболѣе ихъ древнеславянскому духу, котораго не могло уничтожить и самое порабощеніе Турокъ, ибо во время угнѣтенія, притѣсненія, жили вмѣстѣ, въ большомъ союзѣ, тѣмъ больше могли имѣть силъ противостоять бѣдѣ и горю.

И въ самомъ образѣ занятій Болгаръ можно найти основаніе этому обычаю, или наоборотъ: не пѣзъ этого ли обычая произошелъ у нихъ и тотъ образъ занятія, по которому они (какъ послѣ увидимъ подробнѣе) трудятся всѣ, общими силами, для общей пользы. Чѣмъ больше рукъ, тѣмъ больше работы:—можетъ быть и это побуждаетъ ихъ жить не отдѣльными семьями, а вмѣстѣ.

Единственное занятіе Болгаръ-колонистовъ составляютъ: хлѣбопашество и скотоводствъ.—въ Бессарабіи еще садоводство и винодѣліе. Во всякой колоніи можно найти не одинъ домъ, который—хлѣбомъ, виномъ скотомъ, особенно овцами—богаче иного помѣщичьего. Зато, въ рабочее время, семья колониста вся, безъ различія пола, отъ ребенка до старика, не сидитъ даромъ, а трудится для общей пользы. Въ лѣтніе мѣсяцы колонія оживлена постояннымъ движеніемъ. Отъ зари до зари по дорогамъ къ колоніи и по улицамъ, движутся ряды повозокъ, нагруженныхъ золотоколысьми снопами На гарманахъ*), которые у Болгаръ болѣею частію расположены за колоніею, тамъ складываютъ одонью, здѣсь раскидываютъ снопы по гумну. Мальчики, и дѣвочки *гармануютъ* лошадей Любо посмотрѣть, какъ малютокъ, иной лѣтъ десяти и меньше,—стоятъ или сидятъ на доскахъ**), и погоняютъ привычныхъ лошадокъ—(ихъ закладываютъ по три и по четыре въ доску);—кружатъ себя весь день по гумну, и, будто играючи, дѣлаютъ дѣло. Женщины также участвуютъ во всѣхъ мужскихъ работахъ лѣтомъ: зимою—придуть и ткнуть ковры, холстъ, сукно, мѣшки, чулки,—все, чѣмъ одѣться Болгарину, во что обуться, все дѣлаетъ для него сама жена.

Въ горницѣ Болгарской почти нѣтъ мебели. Вдоль стѣны, у оконъ, напротивъ двери,—широкій диванъ, мягкій, устланный коврами, довольно красными,—особенно если въ домѣ дочь невѣста... У темной стѣны—постель, застланныя килимомъ (ковромъ), на которой пельзя утонуть въ пуховикахъ, потому, что перинъ вовсе нѣтъ, а только войлока, или киче, два три, или тифакъ; чѣзглавницы-подушки, симметрически сложенные одна на другой, возвышаются иногда до потолка: онѣ набиты мягкой волною, и

*) Гарманъ—гумно, или токъ, гдѣ складываютъ и моголятъ хлѣбъ.

**) Эти доски, изъ крѣпкаго и тяжелаго дерева, въ ширину имѣютъ около 1 1/2 аршина, въ длину болѣе 2-хъ аршинъ, толщиною—вершка въ два; передняя часть, къ которой привираютъ лошадей, немного приподнята, какъ колода; изюмная поверхность вся плотно усажена кремнями.

обтянуты тоненькимъ пестрымъ сукномъ домашней работы *). Кровать есть вмѣстѣ и гардеробъ Болгаръ; на ней опрятно сложены, большими кучами, мужское и женское платье. По этому она иногда завѣшена, отъ потолка до низу, большими красивыми килимами.—Рѣдко въ какомъ домѣ у Болгарина можно найти столъ; гдѣ есть столъ, тамъ встрѣтите и нѣсколько стульевъ и скамеекъ: это уже заимствовано ими, значить, у Русскихъ. У большей же части Болгаръ-только маленькіе Турецкіе столики о трехъ ножкахъ.

Кухня Болгаръ,—въ зимнее время, большой очагъ въ сѣняхъ, или печь, сложенная изъ кирпича на подобіе усѣченного конуса, поставленная на своемъ основаніи. Эта печь углублена въ стѣну, и, одною стороною своею выдается въ горницу; такъ, что въ тоже время и нагреваетъ ее. Для лѣта, Болгары имѣютъ печи на дворѣ, въ землѣ; эти печи очень похожи на горшечные горны, и довольно обширны; въ нихъ помѣщаются даже большіе котлы.

Домашняя посуда у нихъ вся почти мѣдная, горшки и ведра, кастрюли, ручкомойники, сковороды, блюда и тарелки—все битой красной мѣди, выбѣлено, вылужено. Это вещи, вывезенныя Болгарами изъ подъ Турецкаго девлета. И въ Новороссійскихъ колоніяхъ есть мастера этого дѣла, особенно въ Бессарабіи: но, замѣтно уже начала выводиться мѣдная посуда у Болгаръ, живущихъ между Русскими. Ежедневную пищу Болгаръ составляетъ лѣбъ (хлѣбъ)**) съ урдою, или овечьимъ сыромъ, который они приготавливаютъ дома: этотъ сыръ заливается у нихъ въ баранью шкуру. Праздничный богатый столъ Болгаръ состоитъ изъ нѣсколькихъ блюдъ: 1) Чорба:—всякая уха и вся-

*) Вѣсело одѣлая уногребляютъ толстый коверъ, называемый черга.

**) Болгары больше любятъ прѣсный хлѣбъ, называемый у нихъ пита, похожій на малороссійскій коржъ; онъ печется на небольшомъ огнѣ, или въ горячей золѣ.

кое жидкое кушанье называется чорба; на пр. борщъ, но преимущественно-супъ съ сарачинскимъ ишеномъ и съ уксусомъ. 2) Сладка чорба—собственно сунъ съ разными пряностями. 3) Их ния—соусъ, пилавъ. 4) Печено-жареная баранина или свинина съ подливкою. 5) Кибапъ—жареное на вертелѣ. 6) Наконецъ Банца—или большая плачинда, слоеный пирогъ съ творогомъ, жиромъ и яицами. Безъ банцы не обойдется праздничный столъ: прочія блюда могутъ быть и не быть.

Напитокъ, любимый Болгарами—сладка ракия,—водка заваренная на меду. Это единственный ихъ напитокъ, приготовляемый самими Болгарами. Пьютъ также вино—въ Бессарабін, и дѣлаютъ его имѣющіе виноградные сады.—Но слѣдуетъ замѣтить, что между однимъ народомъ не встрѣтите такъ мало пьяницъ, какъ между Болгарами. Народная черта ихъ трезвость...

Одежда Болгаръ вся почти суконная: лѣто и зиму, и женщины и мужчины ходятъ въ одинаковомъ суконномъ платьѣ. Сукно это, такъ же какъ и холстъ—домашняго произведенія *). Вся верхняя одежда—синяго цвѣту, у женщинъ только иногда пестрая.—Въ частности полный костюмъ мужчины Болгарина состоитъ, исключая 1) кунулю, или ризу, т.е. рубаху, которая обыкновенно имѣетъ широкіе рукава, по краямъ вышитые цвѣтною бумагою (заполочью), или шелкомъ, а иногда—суконными нитками, 2) гашты—штаны,—слѣдующая одежда: 3) беденчи—родъ фуфайки, безъ рукавовъ, или жилетъ; поверхъ—повязывается поясъ червеный (пунцоваго цвѣту), или шареиъ (пестрый). Далѣе: 4) аба, не что иное какъ куртка съ гладкою синною, 5) калцуны—чулки. обыкновенно суконныя, и наконецъ 6) ферджп—родъ эпанчи, бѣлаго, или краснобѣлаго сукна, очень толстаго; она употребляется въ холодную и дождливую погоду. Обувь Болгаръ:

*) Болгарское домашнее сукно похоже на грубую фланель, ворсомъ почти не имѣетъ.

1) пустаы—турецкіе башмаки со вздернутымъ кверху носками и 2) царвули—постолы, родъ лаптей, изъ толстой бычачьей, буй-воловоы или свиной кожи. Царвули въ употребленіи у однихъ бѣдныхъ.—Это мужской весь уборъ! На головѣ всегда у Волгарина баранья шапка, называемая у нихъ—калпакъ.

Гораздо многосложнѣе, разнообразнѣе и изысканнѣе костюмъ женскій: 1) Кушули, 2) Сукманъ—нѣчто въ родѣ сарафана; подоль его, также и у колѣнъ, вышивается шерстью разныхъ цвѣтовъ: 3) Ивица—кушакъ плетеный бумажный или шерстяной, или шитый; украшается мѣдными, посеребренными, или чистаго серебра пофтами или иначе кулаками. Замокъ также металлическій. 4) Подъ кушакомъ—пристилка—фартухъ до колѣнъ, суконный красный или пестрый. 5) Минте—родъ халатика по колѣни 6) Сверху надѣваютъ касакъ, платье, похожее на халатъ, длиною нѣсколько ниже колѣнъ. Касакъ—собственно принадлежность замужнихъ; дѣвушка можетъ ходить въ одной сукманѣ, а замужняя не можетъ явиться безъ касака.—Руки украшаютъ гривнамъ—(браслеты), металлическими, или шитыми, либо плетеными. Волосы убираютъ, назади заплетая въ одну косу. Потомъ накрываютъ голову 1) канюю—родъ чепца, вмѣсто котораго употребляютъ иногда красную феску; 2) повязываютъ чумбѣръ—цвѣтной платокъ, сложенный въ ширину на два или больше вершка; онъ обвивается вокругъ головы, такъ что макушка остается открытою. 3) Сверхъ всего покрываютъ голову дялбенемъ,—изъ бѣлой кисеи, или коленкору, покрываломъ на подобіе чадры,—съ тѣмъ различіемъ, что дялбенъ не закрываетъ всего лица и вообще гораздо меньше чадры. Уши украшаютъ серьгами—обяцами. Шею увѣшиваютъ монистами, также гирданами; т. е. разными монетами и металлическими фигурами, напаянными на шнурокъ.—Къ канѣ привѣшиваютъ также нѣсколько нитокъ мелкой турецкой монеты, такъ, что онѣ висятъ до подбородка: это называется мацалки.—Обувь: калцуны, побольшей части суконныя, мѣстовы—мегити, или мягкіе турецкіе башмаки желтаго сафьяну; папу-

цы—башмаки безъ задниковъ со вздернутыми носками, и—для непогоды—катуры; тяжелые и толстые большіе башмаки, родъ галошъ.

II.

Забава и увеселеніе Болгаръ.

Особенно замѣчательныя забавы Болгаръ: хоровадъ, хоръ и сидянки или посидѣлки.

Въ праздникъ, или въ воскресный день ергени и момы, т.е. молодые парни и совершеннолѣтнія дѣвушки *), собираются на лужайкѣ, приглашаютъ музыканта, или какъ говорятъ они, гайду—волынку, и начинаютъ подъ монотонную музыку водить хоровадъ, припѣвая пѣсни. Момы, взявши за поясъ дружка дружку, составляютъ полукругъ; ергени и момцы—другой полукругъ такъ же, и потомъ соединяются въ одинъ кругъ. Гайда помѣщается въ срединѣ круга, тамъ же становятся четыре пять дѣвушекъ, у которыхъ лучше голоса. Пѣвицы раздѣляются на два хора; каждый хоръ обращенъ лицомъ къ своему полукругу. Начинаетъ одинъ хоръ, и окончивъ куплетъ, замолкаетъ; другой повторяетъ тоже и т. д. Подъ конецъ пѣсни играетъ гайда, а кругъ дѣлаетъ мѣрно движенье, переступая съ ноги на ногу, направо и налево, и—только всего! Танецъ самый пляшый и скучный! выручаютъ его одинъ пѣсень. По окончаніи одной пѣсни, кругъ распадается мгновенно дѣвушки въ разсыпную, ергени преслѣдуютъ ихъ; бѣганье, рѣзвость, хохотъ; усталые—снова потомъ собираются въ кружокъ и

*) Ергень—совершеннолѣтній юноша. Изъ двухъ неженатыхъ братьевъ, хотя бы они были одного лѣтъ, только старшій называется ергенемъ; другой—моманъ или момче—мальчикъ. Ергень имѣетъ право искать себѣ невесту и водить любовныя связи; момцы ни подъ какимъ видомъ. Такое-жъ различіе между момами—дѣвками, и момцами—дѣвочками.

отдыхаютъ въ мертвомъ хороводѣ.—Къ несчастію я не имѣю возможности представить теперь хороводныхъ пѣсенъ. Впрочемъ во время хоровода поются и историческія, илѣ другія пѣсни. Нѣсколько ихъ помѣщаются ниже, (подъ IV).

Теперь о сиднякахъ.

Снуется часъ или болѣе послѣ сумерекъ Сентибрекихъ,—(потому, что сидники рѣдко начинаются раньше Сентября, когда не кончены еще работы въ полѣ, въ садахъ, на гумнахъ), по всѣмъ почти улицамъ колоніи зардѣлись огнища, за клубился дымъ. У огняицъ собирается отъ четырехъ до осьми момъ, (момицъ же никогда не бываетъ), съ фурками (прилками) за поясомъ. Съ каждою изъ нихъ непременно, въ качествѣ зинуха, мать, тетка, или какая нибудь родственница. Каждое такое собраніе служить центромъ, къ которому стекается извѣстное число ергеней, всегда почти одиѣхъ и тѣхъ же. Ергеней бываетъ постоянно на извѣстной сиднякѣ столько, сколько тамъ момъ; рѣдко больше или меньше. Это отъ того, что всякая мома имѣетъ ергеня, который непременно уже долженъ быть на сиднякѣ, если не хочетъ получить упрёковъ и даже—быть отвергнутымъ. Если гдѣ на сиднякѣ больше молодыхъ парней, чѣмъ дѣвушекъ, то это явный знакъ, что въ томъ кружку есть красotka, на которую ходитъ любоваться молодежь, даже не причисленная ни къ одной сиднякѣ. Лишніе эти, по большей части—безусые момче, которымъ нельзя однакожь долго забавляться на какой нибудь одной сиднякѣ; свечера они посѣтятъ нѣсколько сидняковъ, поглазѣютъ, и возвращаются стеречь домъ, между тѣмъ какъ настоящіе ергени проводятъ на улицахъ всю ночь; дѣвушки расходятся по домамъ только съ разсвѣтомъ.

Что же дѣлаютъ здѣсь, на сидникахъ, момы и ергени? Момы прилутъ, распѣвая по временамъ, дружнымъ хоромъ, національныя свои пѣсни;—ергени забавляютъ и смѣшатъ ихъ разсказами, шутками и т. п. Но каждый ергень занимается исключительно своею момою, сидняка—это единственное мѣсто, гдѣ онъ можетъ, хотя и въ присутствіи строгаго стража,—какой-нибудь старухи—нѣсколько часовъ сряду бесѣдовать съ своею возлюбленною. Иногда мома, пе-

иначе впрочемъ, какъ черезъ руки своей подруги, или родственницы, подаетъ ергеню своему веретено, наполненное нитками, которыя онъ наматываетъ на клубокъ.—Это осеннія сидянки. Зимнія почти тоже по запитіямъ, съ тѣмъ различіемъ, что бывають въ домахъ.

О сидянкахъ надобно замѣтить еще то, что онѣ бывають въ вечера: противъ Субботы, Четвертка, Вторника и Понедѣльника; иногда бывають со Вторника на среду, и въ этомъ случаѣ мома свободна отъ надзора какой-нибудь старой компаньонки, а бываетъ на сидянкахъ одна.

Къ играмъ и забавамъ Болгаръ должно также отнести борьбу и катанье зимнее. Насчетъ борьбы замѣчательно то, что борцы облажаются совершенно, и мѣрять силы въ борьбѣ не отказываются иногда самые почтенные старики.—Катанье, зимою о сваткахъ, бываетъ общее, выѣзжать иногда, гуськомъ на саняхъ, цѣлая колонія.

III.

Правы и обычаи Болгаръ.

Говорить и пишуть, будто Болгары отродѣ Турокъ. Я не намѣренъ опровергать этого мнѣнія, хотя и не признаю его. Укажу на одну только черту въ характерѣ ихъ, которая гораздо болѣе благоприятствуетъ тому старинному, вѣковому убѣжденію и Русскихъ и самихъ Болгаръ, что они происходятъ отъ Славянскаго корня. Эта черта—гостепріимство—безкорыстное, искренное, радушное, свойственное всѣмъ племенамъ Славянскимъ. Болгаринъ никогда никакому Христіанину не откажетъ въ пріютѣ, охотно будетъ дѣлить съ нимъ свою трапезу. И это дѣлаетъ онъ не изъ низкихъ видовъ корысти, не по какимъ нибудь предосудительнымъ побужденіямъ,—единственно потому, что всякій христіанинъ для него—братъ. Иго Турецкое не только не убило, но еще болѣе

вило въ Болгарскомъ племени эту расположенность къ едино-
рицамъ, сообщило ей значеніе высшее и достойнѣйшее.

Въ семейной жизни Болгаръ царствуетъ неподражаемый по-
докъ, совершенный миръ и согласіе во всемъ. Жена Болгари-
—въ строгомъ подчиненіи мужу своему, какъ тѣло-головѣ. Во-
ще женскій полъ, по своему значенію, у нихъ ниже мужчинъ.
о особенно ясно выражено во всеобщемъ обычаѣ Болгаръ, по
горому женщина или дѣвушка цѣлуетъ руку мужчины, какъ бы ни
инко было различіе въ ихъ возрастахъ. Болгарка почитетъ оскор-
нженіемъ для себя, если вы мужчина, не позволите ей поцѣловать
себя руку: точно также, какъ жена иного Городничаго въ ***
нгибалась бы на насъ, если бы вы осмѣлились не подойти къ
і подѣ ручку.

Любопытны обыкновенія Болгаръ при сватовствѣ и предъ-
идбою.—Главѣжницы—сваты, посланные отъ молодаго человѣка
момъ, если она и родители ея согласны, предлагаютъ ей пер-
нѣ. Дѣвушка цѣлуя руки сватовъ, потомъ родителей, принима-
ъ подаркомъ, и—въ замѣтъ, предлагаетъ чрезъ нихъ для жениха
стокъ, болѣею частію вышитый шелками, собственной своей
юты.—Когда общимъ совѣтомъ родителей жениха и невѣсты
значенъ день свадьбы,—родители жениха дарятъ невѣсту день-
ги (отъ 50 до 500 и болѣе рублей, смотря по состоянію), а
нихъ пофтою, гривною, сергами и еще чѣмъ-нибудь. За тѣмъ
ннаются приготовленія къ свадьбѣ, продолжающіяся около се-
дней.

Предположимъ, что свадьба назначена быть въ воскресенье,—
четвергъ предъ симъ мы увидимъ вотъ что! У жениха собралось
жолько дѣвушекъ, (не менѣе 4 хъ). Онѣ распоряжаются у не-
какъ дома; берутъ, сколько нужно, муки, сѣютъ ее, принимая
бенныя на сей случай пѣсни, закваиваютъ, и дѣлаютъ мно-
ство хлѣба разнаго роду: калачей, булокъ и пр. Часть закваски
ивляютъ и относятъ ее въ домъ невѣсты, гдѣ также собрались
и другія дѣвушки, которыя на сей закваскѣ готовятъ также

хлѣбы къ свадебному пиру. — Вечеромъ приходитъ, по приглашенію жениха, на дворъ невесты музыкантъ, или гайда (волынка); собираются молодые люди, танцуютъ, поютъ, и это продолжается далеко за полночь. Здѣсь бываетъ и женихъ, который выбираетъ перъ, изъ числа молодыхъ парней, слугарей, или поѣздъ для се и приглашаетъ на завтра къ себѣ. — Музыкантъ, отъ сего дня, въ кій вечеръ уже, до дня свадьбы, долженъ приходитъ на дворъ невесты и развеселять ее; потому и танцы во все эти вечера прекращаются на дворѣ невесты. — Дѣвушки, въ этотъ вечеръ, сътаютъ вѣночки, и дарятъ ими невесту, припѣвая разные пѣсни.

Въ пятницу — чѣмъ свѣтъ — слугари жениха уже собрали къ нему; стали сходитьсь въ домъ его и дѣвушки, накануне : топить хлѣбы; гайда (волынка) загудѣла сильнымъ голосомъ по мышкому старика музыканта и медленный влиный танецъ разстилается по двору жениха. Дѣвушки выносятъ четыре большихъ хлѣба намазанные медомъ, и потому называемые медники, кладутъ и на коверъ, разостланный по двору, дѣлаютъ нѣсколько круговъ танца вокругъ нихъ, и потомъ подносятъ все, начиная съ : нихъ, по чаркѣ водки, или вина, и даютъ на закуску по лому медника. Когда все опотчивано, — гайда выходитъ на улицу, nimmtъ все въ домъ невесты. Несутъ съ собою вино и медники и никто повстрѣчавшійся съ этою процессією не можетъ отказаться отъ чарки вина и отъ медника, предлагаемыхъ за здравіе благополучію молодыхъ углавленныхъ (сосватанныхъ). На дворѣ невесты тоже танцы, музыка, потчиванье повторяются. Расходятся поздно ночью.

Наканунѣ свадьбы слугари также съ утра являютъ къ : нуху, или главенику. Угощенные отъ него, они получаютъ флягъ вина каждый, садятся на коней и отправляются къ родственникамъ, знакомымъ и пріятелямъ жениховымъ на домъ приглашеніемъ на свадьбу, и тутъ же всякаго потчиваютъ виномъ изъ своихъ флягъ.

Возвратившись къ жениху, слугари его, въ сопровожденіи гайды, идутъ приглашать, кого изберетъ женихъ, въ шаферы. I

ремоніально провожають въ домъ жениха, гдѣ бывають порядоч-
е пированье.

Въ день свадьбы, слугари съ утра гарцуютъ уже на лихихъ
чняхъ возлѣ женихова дому, разриженные, какъ на свѣтлый празд-
икъ. Между тѣмъ, какъ они, получивъ отъ главеника по флягѣ
на, ѣдутъ къ невѣстѣ и къ шаферамъ извѣщать ихъ, что на-
уинилъ срокъ, когда женихъ возьметъ невѣсту навсегда въ свой
омъ, къ жениху собираются приглашенные предварительно чрезъ
угарей на свадьбу; женихъ наряжается.

Когда слугари возвратятся изъ своего посольства, женихъ,
вершено готовый, садится на коня, и въ сопровожденіи ватаги
млодыхъ людей и всей толпы, предшествуемый гайдою, ѣдетъ въ
омъ шаферовъ, а оттуда, вмѣстѣ съ ними къ невѣстѣ. Здѣсь на-
пастся между молодыми людьми верховая скачка. Первый при-
заканній къ невѣстѣ, которая ожидаетъ жениха у двери своего
ома, получаетъ отъ нея въ подарокъ платокъ; второй по немъ—
утылку вина, которымъ онъ подчууетъ всѣхъ, и получаетъ на та-
лку по нѣскольку денегъ въ пользу невѣсты.

Въ домѣ невѣсты открывается трапеза, за которую однакожъ
е приглашаются женщины, (какъ и большею частию бывають;
олько въ своей семьѣ женщины за однимъ столомъ съ мужчина-
и; при постороннихъ онѣ не участвуютъ въ общей трапезѣ). Первое
ѣсто за столомъ здѣсь занимаетъ вѣнчальный отецъ. Вообще вѣн-
альному отцу, а еще больше крестному отцу (крестникъ) у Бол-
аръ—почетъ необыкновенный....

Въ это самое время, вѣнчальная мать, въ другой половинѣ,
ли за широю, наряжаетъ невѣсту въ подвѣнчное платье,—(оно
остонть изъ обыкновеннаго дѣвическаго костюма), и когда одѣ-
еть совсѣмъ—покрывасть голову, и даже лице закрываетъ шел-
ловымъ покрываломъ бѣлаго или розоваго цвѣту. Это покрывало
нимають, когда вводятъ невѣсту съ женихомъ въ церковь.

Между прочимъ, при одѣваньи, вѣнчальная мать поетъ нѣсню:

І стой, почакой, мила кума,
Та погледай и прикрывай тази невяста,
И, какъ са дълга раздялива,
Отъ майчица и баптица
Отъ пейзина мила роду расмучиса...
„Миле брайно, миле брайно!
Скрий ма, брайно, въ сиво стадо,
Въ сиво стадо не бросено.
Миле брайно, миле брайно,
Скрий ма, брайно, въ желто жито
Въ желто жито не мирено.“ —
— Ой та сестро, мила сестро!
Какъ пита, сестро, да та скрия?
Отъ сега си продадена,
Продадена, заложена,
Предъ кумовъ предъ сватовъ,
На юнакъ предадена. —
Како тебе прикрываю,
На стои, брату при тебе,
На стоятъ два ма млади,
Кденъ юнаку, друго денеру?
И азъ не мога, да та скрия....

Ахъ, постой, подожди, мила кумушка!
Ты посмотри, да приодѣнь эту невѣсту, —
Что какъ горы долиною раздѣляются,
Такъ она отъ отца матери
Отъ своего любезнаго роду-племени отлучается...
„Милый братъ, любезный братъ мой!
Скрой меня, братецъ, въ сѣромъ стадѣ,
Въ сѣромъ стадѣ нечитанномъ...
Милый братъ, любезный братъ мой!
Спрячь меня, братецъ, въ желтое жито,

Въ желтое жито немѣренное.“
— Охъ, сестрица, милая сестрица моя!
Какъ мнѣ, сестра, скрыть тебѣ?
Ты отсюда продана,
Продана, заложена,
Предъ кумами, предъ сватами;
Молодцу ты отдана. —
Какъ мнѣ скрыть тебѣ?
При тебѣ брать стоитъ
И два молодца стоятъ:
Одинъ—женихъ, другой денерь.
Нельзя я мнѣ скрыть тебѣ..

Кончивъ одѣваніе, вѣнчальная мать садится за особливую
женскую трапезу, за которою ей—первое мѣсто. Невѣсту усажи-
ваютъ въ темномъ уголку, гдѣ остается ей одно занятіе—плакать
по своей дѣвичьей волюшкѣ.

Когда встаютъ изъ за трапезы,—дѣвицы подруги невѣсты
выводятъ ее на дворъ; играетъ гайда; дѣвицы разносятъ вѣночки
всѣмъ приглашеннымъ на свадьбу: мужчинамъ прикалываютъ вѣн-
ки на груди или на шапкѣ, женщинамъ надѣваютъ на головы. За
вѣночки получаютъ плату отъ гостей.

До церкви идетъ невѣста объ руку съ женихомъ. За ними—
шаферы и вси свита...

По совершеніи брака—отправляются прямо въ домъ жениха.
Родители его, или занявшіе на сей случай ихъ мѣсто встрѣчаютъ
ихъ, и угощаютъ шаферовъ виномъ, а потомъ приглашаютъ къ
трапезѣ. Родители невѣсты не могутъ здѣсь присутствовать, а по-
тому имъ посылаетъ женихъ на домъ—вино и закуски, и пригла-
шаетъ къ себѣ невѣстину мать. Она не идетъ сама, а посылаетъ
кого нибудь изъ родственницъ съ подарками отъ себя: для жени-
хова отца и для шафера—рубахи, а для матери жениха и для

вѣнчалъной матери—махрами, или тонкія головныя покрывала; для прочихъ же всѣхъ родственниковъ—платки, для слугъ—утиральники и т. п.

Затѣмъ у жениха бываетъ столъ; молодые люди танцуютъ; но невѣста не въ правѣ пойти танцовать, и вообще ничего сдѣлать, пока не прикажетъ ей женихъ. Въ такомъ строгомъ подчиненіи она у него должна быть до совершеннаго конца свадьбы, что продолжается иногда три и четыре дня.

Къ вечеру—шаферъ и главный слугарь—буирингъ—даритъ молодую деньгами, и отправляются съ слугарями по домамъ. Пиръ продолжается почти всю ночь. Новобрачныхъ отправляютъ въ спальню.

Молодой мужъ даетъ обыкновенно знать о благополучіи своимъ—выстрѣломъ въ окно изъ пистолета или ружья. Это же служитъ сигналомъ къ сбору на новое пированіе. Слугари, собравшись въ домъ жениха, получаютъ отъ него вина и закусокъ и отправляются къ родителямъ новобрачной, или, какъ отсель называютъ ее, невесты, т. е. молодой жены, и къ родственникамъ съ поздравленіемъ и приглашеніемъ. Такимъ образомъ снова приходятъ къ жениху шаферы, родственники, знакомые—и снова пиръ горой. Шаферы приносятъ кое-что къ обѣду отъ себя изъ дому. Во время пира танцы и пѣсни не прекращаются до вечера. Отсюда нѣкоторые идутъ еще съ шаферомъ выпить сладка ракія, водки, заваренной на меду.

Весь послѣдующій день молодой мужъ употребляетъ на угощеніе своихъ слугарей и дѣвицъ, которое также не обходится безъ гайды и пресловутаго хоро. Невѣста обдаривается всѣхъ платочками.—Свадебный пиръ конченъ совершенно.

Въ продолженіе шести недѣль сряду, послѣ свадьбы, невеста не должна ни слова говорить съ своимъ свекромъ и свекровью, а только—посредствомъ мужа или сестры его.—По истеченіи этого срока испытанія, свекровь и свекоръ ведутъ свою невѣстку на

скотной дворъ, заставляютъ ее сказать себѣ нѣсколько словъ, и дарятъ за терпѣніе, что нибудь изъ скота.

Когда родился младенецъ, отецъ приглашаетъ кого-либо въ воспріемники. Воспріемникъ готовитъ для принятія новорожденного изъ купѣли: кушулю, интерійку (шлафрокъ), джураппи (бумажные, или нитяные чулочки), капичку, повой (повивальникъ) и пелены.

На крестьбинахъ—бабка даритъ воспріемника отъ матери младенца рубахою,—жену его, если есть, дюлбенемъ, всѣхъ присутствующихъ—платками; за это получаетъ небольшой сборъ денегъ, которыя раздѣляетъ родильница съ бабкою.

Въ продолженіи 40 дней послѣ родовъ, мать младенца, каждый день, получаетъ отъ родственницъ, пріятельницъ и знакомыхъ сосѣдокъ—обѣдъ, ужинъ и пр.

Крестный отецъ, послѣ роднаго отца, пользуется особннымъ уваженіемъ; его называютъ кресникъ.

IV.

Нѣсколько пѣсенъ болгарскихъ

1

Радо, бяла Радо!
Улацы дойдоха,
Брата-ти фанаха
И—перво-то либи
Што давашъ, да ги искупимъ?
Ти имъ говори:
За брата си давамъ,
Давамъ и не давамъ
Мои вѣти грини,
И мой кусунитка; (а.)
А за либи давамъ,
Давамъ и наддавамъ,
И сама са залагамъ
Съ моя тенка мага,
Съ мое бѣло лице.
Чи куда то бѣше
Размянна година,
Центрна дружина:
Секій съ брата бяга,
И азъ съ брата бягахъ.
Брататъ ма нуведе
Та чи ма заведе
На путь, на крестунуть,
Та чи мени рече:
„Врави сига, сестро,
Кой ти путь наймилъ.“
Та пакъ ма остави.
Азъ викнахъ, заплакахъ:
„Либи мой, либи,

1

Рада, бѣлоликая Рада!
Принесли Улаки,
Схватили твоего брата,
И твоего перваго любовника;
Что даешь за выкупъ ихъ?
Она говорить имъ:
„За брата даю;
Даю и не даю
Свои плетеные браслеты
И свой уборъ головной;
А за милаго даю,
Даю и передаю,
Себя закладываю самое
Съ своимъ тонкимъ станомъ
Съ своимъ бѣлымъ лицомъ.
Вотъ какъ было когда то
Смутное времечко:
Невѣрная дружина,
Всякій уходить съ братомъ,
Уходила съ братомъ и я.
Брать отъ меня вель,
Да и вывести отъ меня
На путь на перекрестокъ,
И сказалъ онъ мнѣ:
— „Ступай теперь, сестра,
Любою дорогою.“
И—покинулъ меня.
Завопила я, заплакала:
„Милый мой, любезный!

Де ту си, да додешь.. “
И той ма зачулу
Отъ стара планина;
При мене доде,
Та чи ма облече
Въ овчарска примяна;
И въ рука ми даде
Овчарска туяга;
Та чи ма проведе
Чрезъ голема войска;
И те гуртуваха:
„Какъ ни бѣ дивойка,
Коня си быхъ прудалъ,
Дѣвойка быхъ купилъ “
А други гуртуваха:
„Какъ ни бѣ дивойка,
Руже си быхъ прудалъ
Дѣвойка быхъ купилъ.“

2

Станке, Стана хубава
На бѣлъ каменъ станила
Бѣло лице бѣлила
Черни очи стрѣляла,
Долу, горе гледала:
Турчинъ иде отъ долу,
Кривия конятъ надъ стана.
Стана скочна да бяга.
Турчинъ Стани говоре:
„Стой Станко, ни бѣгай.
Чи ни ли ма познавашъ?...
Азъ самъ у васъ доходахъ

Гдѣ ты, приходи.“
Онъ слышалъ меня
Съ большой древней горы;
Онъ пришелъ ко мнѣ,
Онъ одѣлъ, меня
Въ пастушескую одежду:
Онъ далъ мнѣ въ руку
Пастушескую палку;
Проводилъ онъ меня
Посреди великаго войска.
— И говорили тамъ:
„Почему она не дѣвица,
Продать бы своего коня,
Купить бы дѣвицу я.“
А другіе говорили:
„Почему она не дѣвица,
Ружье бы продать свое,
Купить бы дѣвицу ту.

2

Стефана, дорогой Стефана
На бѣломъ камнѣ стояла,
Лицо бѣлое мыла,
Черными очами сверкала,
То внизъ то въ гору смотрѣла...
Ѣдетъ снизу Турка,
Оборотилъ коня на Стефану,
Стефана вскочила—бѣжать...
Турка говоритъ Стефанѣ:
„Стой, Стефана, не бѣжи.
Ужель ты не узнаешь меня?
Я самъ бывалъ у васъ,

Съ тейку-ти вино пилъ,
Съ братамъ-ти ракія,
Съ майна ти гуртувалъ,
Тебе самъ сгледувалъ.
Забуравих'си, Стануле,
Тенка пушка буйлія
И остра сабін фрипкія;
На пушката празано:
Тенка бѣла махрама,
Въ махрама та празану
Два мала престяны,
На престянитѣ писану
Твой-ту име и мой-ту.
Мой-ту име: Мустафа,
А твой-ту име: Зюлифа,
Зюлифа—Кадино!

3

Што ми са люлей, бѣлей
Гори камъ за гори,
Долу, камъ бѣлъ Дунавъ?
Да ли са ледуни,
Или са сибгови?
А тѣ и говорятъ:
„Ни то са ледуни,
Ни то са сибгови,
А ми е Царъ надналъ
Съ гулими войска.
Та са ризметнали
Се бѣлы чадыры:
Бѣлы и червлени,
Сини и зелени;

Съ отцомъ твоимъ вино пилъ,
Съ братомъ—водку,
Съ матерью говаривалъ,
Тебя все разглядывалъ.
Оставилъ я у насъ, Стефаночка,
Тонкое ружье охотничье
Да саблю острую, булатную.
Къ ружью-то привязанъ
Бѣлый тонкій платокъ,
А въ платкѣ завернуты
Два малыхъ колечка,
На кольцахъ написано
Твое имя и мое,—
Мое имя: Мустафа,
А твое: Зюлифа—
Зюлифа, супруга моя!..

3

Что колыхнется предо мною, бѣлѣтся
И вверхъ—черезъ горы
И внизъ къ бѣлому Дунаю?
Не льды ли то,
Не снѣга ли наля?
Говорить въ отвѣтъ:
„Нѣтъ, не льды то
И не снѣги бѣлые,
То царь пришелъ
Съ великою ратью;
Да раскинуты тамъ
Все бѣлыя палатки,
И бѣлыя и красныя,
И синія и зеленныя;

Се те яничары,
Піятъ и ядятъ
И борба са боратъ,
И бѣлъ каманъ мятатъ.
А едно яничарче
Ни піе и ни яде
Ни борба са боре;
А ми са царю моле:
Пусни мене, царє!
Дома да си ида.
Спла девятъ годинъ
Моята майка
И мои-ти сестри
Мене живъ жалѣть,
Расплетени ходятъ,
Черни крени посятъ.

4

Ой Ино, Яичице,
Израсло чудно древо,
Урихово, черишево.
Па древо-то дуганъ стои,
Горе стои, долу гледа,
Селени—отъ говори:
Ой селени, ой клетонѣ!
Што стоите, што гледате?
Турцы земя напълниха,
Клети Турцы Анадолицы,
Поробяга Влашка земя,
Влашка земя, мила рая;
Што е дребно, се подъ коню,
Што е старо, се подъ калычъ.

Все то янычары,
Они пьютъ, ѣдятъ,
Борьбою забавляются,
Метаютъ камень бѣлый.
Одинъ лишь молодой янычаръ
Ни пить, ни ѣсть
И въ борьбѣ не участвуетъ;
Онъ такъ умоляетъ царя:
„Пусти меня царю!
Пойду я домой....
Вотъ ужъ девять лѣтъ,
Какъ и мать моя
И сестрицы мои
Взникъ оплакиваютъ меня,
Ходить съ распущенными косами,
Носить черные крепы.“

4

Ой ты Ивана, Иванова жена!
Выросло дерево чудесное,
Орѣховое, черешневое,
На томъ деревѣ ястребъ стоялъ,
Высоко стоялъ, въ землю смотрѣлъ,
Такъ говорилъ онъ селянамъ:
„Вы жители, проклятые!
За чѣмъ стоите, чего смотрите?
Турки землю наполнили,
Проклятые Турки Анадольцы,
Полонили Вланскую землю,
Вланскую землю, что милѣй раю.
Что было мелкаго—все подъ кономъ,
Что было стараго—все подъ ножомъ,

Што е младо—се млади робѣ.
Поробига Янулъ и Яна,
Завели ги въ Цариграда:
Янулъ въ Дренополъ,
А Янчица въ Царигради,
Да слугува при Царица та,
Кофе Яна вари, чаши налива.—
Чаши налива, селзи долива.
Отъ де и сглица Царица та,
Какъ е сглица и отъ гонори:
„Ой та теби, Янчице,
Што чаши наливашъ, селзи доливашъ.“
—Какъ да наливамъ
Селзи не доливамъ,
Заналиса нашта земля,
Поробили мое братацъ!
Моя та майка въ карви лази,
Въ карви лази, синови тарси.

5

Прочулиса, прочули
Тызи ни клети

Кирджалин, Кирджалин, *).
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Пиджеовоевода **).

*) Кирджалин—разбойники, такъ названные отъ имени предводителя своего Кирджали, родомъ изъ Болгаръ, производили грабежи въ Турецкихъ областяхъ,—въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка.

**) Карафазій, Караманахъ и Пиджеовоевода—знаменитые начальники шаекъ, принадлежавшихъ къ обществу Кирджали. Карафазій—родомъ Турокъ Ана-

Что было молодого—все молодые невольники,
Полонили они Ивана и Ивану,
Отвели ихъ въ Царьградъ.
Иванъ въ Адрианополь,
Ивана въ Цареградъ
На службѣ при Царицѣ—
Кофе ей варить, чашки наливають
Она кофе варитъ, чашки наливаютъ,
Паливаютъ и слезами доливаютъ.
Вотъ и примѣтила это Царица,
Какъ увидѣла и говорить ей:
—Вотъ я тебя, Ивана:
Что ты наливаешь чашки, слезами доливаешь?“—
— Ахъ какъ мнѣ наливать, слезами не доливать:
Сгорѣла наша земля,
Полонили моихъ братьевъ,..
Матушка моя въ крови бродитъ:
Въ крови плаваетъ, сыновей ищетъ...

5

Послышалось, пронесся слухъ
Про этихъ проклятыхъ.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Ниджевосвода.

долецъ. Ниджевосвода—Юлгаринъ; командовалъ наѣскою, составленною собственно изъ Болгаръ. Въ послѣдствіи онъ отдѣлялся было отъ Кирджалиевъ: убить мальчишкой сидѣльцевъ изъ Грековъ, при переходѣ чрезъ мостъ. Объ Ниджевосводѣ сохранился доселѣ память между Юлгарами; есть въ живыхъ даже видѣвшіе его лично. Семь нѣсень, существующихъ въ устахъ новаго поколѣнія Болгаръ, передадутъ позднѣйшему потоку исторіи его похваленій.—Караманъ—вначальствовалъ разбойниками изъ Грековъ, Арнаутовъ.—(Шреданіе Болгаръ.)

Наретъ са села Дуяни
Карнабашката каза,
Каваклиските селяни.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода

Сички ти чули, бигали;
Мандю Чорбаджи не с чулъ,
Ни ту с бигалъ,
И Кирджалин довтасага.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Триста са пушки пукнали,
И триста гласа викнали,
Мандю Чорбаджи фанали
Пазатъ му руци варзали.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

И два та му сына фаналыни,
И две тѣ му снаги узели,
И даштеря му Иринка,
Иринка майцы мизинка.
За срамота ги сторили....

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Мандю Чорбаджи са молише,
Инджевоевода молба прѣнна,
Карафазин измола пима..

Рядомъ въ селахъ Дурянскихъ,
Въ Карнабашинской округѣ,
Разогнаны жители.

Кирджалин и пр.

Всѣ, слыша это, бѣжали.
Мандю Чорбаджи *) не слышалъ,

Не уходилъ.

Кирджалин настигли его.

Кирджалин и пр.

Триста ружей выстрѣлило,
Триста голосовъ вскрикнуло,
Мандю Чорбаджія поймали,

Связали руки назадъ.

Кирджалин, и пр.

Два сына у него были,
И двѣ снохи схватили,
И дочь его Иринку,
Иринку, самую меньшую у матери,
Обезчестили ее...

Кирджалин и пр.

Мандю Чорбаджи просьбу приносить,
Инджевоевода ее принимаетъ,
Но у Карафазія нѣтъ жалости...

*) Чорбаджи—староста вообще, или старшина.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Опти са лютѣ расарди,
Та си Иринка кайдиса,
Иринка майни мизинна.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Иринне глава скачеше,
И майци си моляше:
„Мале ле, мила мале,
Да ми при мене раздадениъ подале
Боси цыгане—мычпари и делижин

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Та да ми пѣспя исполнатъ,
Та да си чуи, прочуи
На Влапската земи Богданска,
По христіански кадалаци“.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Караманафъ и Инджевоевода.

Еще больше онъ разъярился,
И ударилъ пожемъ Иринку,
Иринку, самую меньшую у матери.

Кирджалин и пр....

Иринкина головка запрыгала,
И такъ просить свою матушку:
„Матушка, милая мать моя!
Раздай за меня, раздѣли по жеребью
Восьмъ цыганамъ мои дорогіе уборы.

Кирджалин и пр.

Пусть про меня пѣсню споютъ,
Пусть слышится, проносится пѣсня та
Въ Валанской землѣ Богданской,
По всѣмъ христіанскимъ жилищамъ.

Кирджалин, Кирджалин,
Карафазій, Карафазій,
Карамапафъ и Инджевоевода.—

Эти пѣсни распѣваются больше музыкантами Болгарскими, подъ звуки гайды. Голоса ихъ дикі; нѣкоторые пріятны своею естественностію и простотою, но больше—утомительны по однообразію и монотоніи.—Вообще можно сказать о Болгарахъ, что они любятъ пѣть, особенно старики любятъ вспомнить старицу, такъ просто, но вѣрно и притомъ подробно переданную въ ихъ національныхъ пѣсняхъ.

П. Э. Задержкій.

Бібліографическія замѣтки.

Хотя многимъ изъ Русскихъ приходится учиться польскому языку, но до сихъ поръ на русскомъ языкѣ нѣтъ порядочной польской грамматики, нѣтъ даже книжки, въ которой толково изложены были бы элементы польскаго языка. Счастливѣе насъ въ этомъ случаѣ Нѣмцы: въ 1881 году вышло въ Торнѣ у Ламбека *седьмое* изданіе превосходной польской грамматики І. Поплинскаго, обработанное вновь извѣстнымъ Бреславльскимъ профессоромъ, сотрудникомъ Archiv'a für slavische Philologie, В. Нерпінгомъ: I. Poplinski's Grammatik der Polnischen Sprache. Neu bearbeitet von Professor Dr. W. Nehring; а въ 1882 году у Брокгауза въ Лейпцигѣ появилось *одинадцатое* изданіе книжки А. Поплинскаго: Elementarbuch der Polnischen Sprache für den Schulgebrauch und zum Selbstunterricht. Von Professor A. Popliński.

Много стали заниматься въ послѣднее время исторіей польскаго языка. Янъ Ганушъ издалъ въ Краковѣ въ 2-хъ выпускахъ (1880—81 гг.) огромный трудъ—*Materyjały do historyji form deklinacyjnych w języku staropolskim*. Специалисты отзывались о немъ неблагоприятно. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, въ Русскомъ Филолог. Вѣстникѣ (см. 1882 № I-й стр. 168) молодой, но многообѣщающій, лингвистъ г. Карлъ Аппель: „На меня лично книга г. Гануша производитъ странное впечатлѣніе: вся громадная ея эрудиція кажется мнѣ просто ребячествомъ! Право забавно напечатать списокъ какой-нибудь сотни тысячъ формъ языка и не найтись сказать о нихъ ничего дѣльнаго!“

Въ 1881 году вышелъ въ Краковѣ *четырнадцатый* томъ знаменитаго Этнографическаго сборника Оскара Кольберга *Lud*. Онъ заключаетъ въ себѣ 111 нумеровъ великопольскихъ волшебныхъ сказокъ, легендъ, рассказовъ о чертяхъ, разбойникахъ, дуракахъ и бабахъ, басенъ и побасенокъ, и представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для такъ называемаго *Volkskunde* (терминъ, введенный Либрехтомъ). Пользуясь случаемъ, чтобы сообщить здѣсь читателямъ нѣкоторые свѣдѣнія о жизни и дѣятельности почтеннаго издателя сборника *Lud* Оскара Кольберга.

Оскаръ Кольбергъ родился въ 1815 году въ мѣстечкѣ Пржи-супѣ Опочинскаго округа Сандомирскаго уѣзда. Съ 1824 по 1831 годъ онъ воспитывался въ Варшавскомъ Лицеѣ и учился игрѣ на фортепиано. Прослуживъ нѣкоторое время въ банкирской конторѣ въ Варшавѣ, онъ отправился въ 1835 году въ Берлинъ, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ занимался гармоніей. Возвратившись на родину, онъ вполне посвятилъ себя музыкѣ и въ 1838—39 г.г. былъ учителемъ музыки въ Вѣлоруссіи. Съ 1840 года онъ постоянно жилъ въ Варшавѣ, гдѣ съ 1845 по 1858 г. служилъ онъ чиновникомъ при управленіи варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Послѣ 1863 года Кольбергъ поселился въ Краковѣ. Изъ первоначальныхъ музыкальных его произведеній назовемъ, кромѣ множества куйявяковъ, мазурокъ, краковяковъ, вальсовъ, фантазій и романсовъ—оперетку на слова *Król rasię z y* Ленартовича, которую давали на Варшавской сценѣ въ 1859 году. Сверхъ того онъ положилъ на музыку другую картину: *Janek z rod Ojcow* и хранитъ въ рукописи оперу *Wielisław* (либретто Северины Прушаковой), написанную на тему пѣвѣстной идилліи Бродяжнаго. Кольбергъ рано обратилъ вниманіе на народную музыку и оцѣнилъ высокое ея достоинство. Въ 1842 году онъ издалъ первый сборникъ польскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ: „Пѣвѣ—это душа народной пѣсенъ; въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются—мысль и сердце народа; онъ обнаруживаетъ духъ каждого поколѣнія. Собравъ съ большими хлопотами эти пѣвѣ въ раз-

личныхъ польскихъ краяхъ и преодолевъ различныя затрудненія, которыя на каждомъ шагу преграждали мнѣ путь, я смѣло передаю моимъ землякамъ этотъ снопъ, собранный на полѣ нашей музыки“. Этого сборника вышло пять выпусковъ; они заключаютъ въ себѣ 126 пѣсенъ съ напѣвами.—Между тѣмъ Кольбергъ не переставалъ собирать пѣсни и въ 1847 г. началъ издавать въ „Варшавской Библіотекѣ“ *Pieśni ludu weselne* (свадебныя), которыхъ за два года издалъ 281; потомъ онъ опять выпустилъ въ свѣтъ *Pieśni ludu polskiego* (Варшава 1857). На этомъ онъ не остановился, но, имѣя случай непосредственно наблюдать польское простонародье, онъ рано началъ обращать вниманіе и на другія, духовныя и матерьяльныя, стороны его жизни, сталъ описывать его бытъ, жилища, покрой платья, мебель и утварь, характеръ, привычки и обычаи, записывать обороты рѣчи, преданія, присловья и пословицы, замѣчать его забавы и игры и т. д.—и это дало ему возможность предпринять великолѣпное изданіе, которое вотъ ужъ шестнадцатый годъ (съ 1865) выходитъ подъ заглавіемъ: *Lud. Jego zwyczaj, sposób życia, mowa, rodania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce*, и для котораго Кольбергомъ собрано столько матерьяла, что онъ и самъ не знаетъ, когда приведетъ къ концу все изданіе. Чтобы составить свой запасъ, Кольбергъ, начиная съ 1872 г., совершилъ цѣлый рядъ поѣздокъ съ этнографическою цѣлью. Въ 1872 г. онъ объѣхалъ Познань, въ 1875 г. снова былъ въ Познани, а затѣмъ въ восточной и западной Пруссіи, въ 1876, 1877 и 1880 гг. онъ объѣхалъ такъ называемое Покутье.

Въ 1877 г. Кольбергъ издалъ въ 3-мъ томѣ *Zbiórui wiadomości do antropologii krajowej* собраніе литовскихъ пѣсенъ въ оригиналѣ съ нотами, польскимъ переводомъ и прекраснымъ введеніемъ.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: у Поляковъ было много выдающихся этнографовъ; назовемъ, напримѣръ, Ходаковского, Лукаша Голембіовскаго, Вуйцицкаго, Вацлава изъ Олеска, Жеготу Паули, Збѣнкевича, Юцевича, Лининьскаго, Конопку; но ни од-

ного изъ нихъ нельзя поставить на ряду съ Кольбергомъ: онъ—лучшій изъ *славянскихъ* этнографовъ

Р. И. Сементковскій предпринялъ въ С. Петербургѣ изданіе подъ заглавіемъ „Польская Библіотека.“ въ которомъ онъ имѣетъ намѣреніе знакомить читателей съ жизнью современной Польши. До сихъ поръ вышелъ одинъ томъ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ (стр. 1—321) помѣщены въ переводѣ рассказы современныхъ беллетристовъ Вл. Оконьскаго, Генриха Сенкевича, Элизы Оржешко и Болеслава Пруса; переводамъ изъ каждаго писателя предшествуетъ общая характеристика его литературнаго дарованія. Второй отдѣлъ (стр. 325—482) занятъ польскими письмами издателя (числомъ ихъ 14). Вотъ ихъ сюжеты: Варшавскіе клерикалы и прогрессисты. Новые фазисы польскаго вопроса. Австрія и Поляки. Мнѣніе польскаго публициста о русской печати. Варшавская журналистика. Непрошенный представитель польскаго общества. Польская беллетристика и нигилизмъ. Доктринерство и патріотизмъ въ польскомъ вопросѣ. Минималъ опасности (къ вопросу о расширеніи свободы слова въ Польшѣ). Голось поляка о русско-польскомъ примиреніи. Законъ и произволъ. Итоги газетной кампаніи въ пользу примиренія. О русскихъ, польскихъ и русско-польскихъ палюзіяхъ — Нельзя не порадоваться выходу въ свѣтъ этой книги. Она знакомитъ насъ съ Поляками лучше, чѣмъ могли-бы познакомить десятки ученихъ сочиненій изъ области польской филологіи въ широкомъ смыслѣ.

Маленькое племя Лужичанъ, хотя оно, начиная съ XII вѣка, окружено уже Нѣмцами, до сихъ поръ сохранило много древнеславянскихъ обычаевъ и большой запасъ сказокъ, рассказовъ и суевѣрій чисто славянскаго происхожденія. Въ послѣдніе годы Нѣмцы стали усердно собирать это наслѣдіе сѣдой старины. Въ

1880—82 гг. вышло три сборника лужицкаго этнографическаго матерьяла:

1) Векенштедта—Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt. Graz 1880.

2) Вилпальда фонъ Шуленбурга—Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Von Wilibald von Schulenburg. Leipzig 1880.

3) Того-же автора—Wendisches Volksthum im Sage, Brauch und Sitte. Berlin 1882.

Можно, пожалуй, пожалѣть, что всѣ эти интересныя сказки, рассказы и суевѣрія—записаны не на языкѣ того народа, которому они принадлежатъ: они носили-бы болѣе народный отпечатокъ; но съ другой стороны нужно согласиться, что въ нѣмецкой формѣ весь этотъ матерьялъ доступенъ ученой публикѣ, тогда какъ его никто не понималъ-бы, если-бы онъ изложенъ былъ на мало распространенныхъ лужицкихъ говорахъ. Чтобы показать читателямъ, въ какомъ видѣ сохраняется этотъ матерьялъ въ устахъ народа, Векенштедтъ въ концѣ книги прилагаетъ образцы говоровъ Вудишинскаго, Мужаковского, Гродкойскаго и Хотѣбузскаго, а Шуленбургъ, пересказывая по-нѣмецки, вездѣ приводитъ въ скобкахъ замѣчательныя чѣмъ-нибудь лужицкія выраженія.

Переходя къ Чехамъ, остановимся прежде всего на маленькой книжкѣ, появившейся въ Пильзенѣ въ 1880 году. Это г. Кораба: *Вывой книжтискаржестви а ческе првотискы. Ку чтырстлстему юбилеу ческе типографіе написал Язіукъ Корабъ*. Изъ нея мы узнаемъ, что книгопечатаніе появилось въ Чехіи почти тотчасъ послѣ того, какъ оно изобрѣтено было въ Германіи Іоганномъ Гутенбергомъ. Едва вышли въ свѣтъ первые оттиски книгъ, набранныхъ въ Майнцѣ и Вамбергѣ, какъ и въ Чехіи отпечатана была книга, шрифтъ и наборъ которой ясно доказываютъ, что первые чешскіе книгопечатники были вполне посвящены въ тайны типографіи. При какихъ обстоятельствахъ искусство это про-

никло въ Чехію, объ этомъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Фактъ тотъ, что въ 1468 г. была уже устроена типографія въ Пльзени, а вскорѣ послѣ того появились типографіи въ Прагѣ (съ 1478), въ Кутной Горѣ (съ 1489 г.), въ Младо-Болеслави (съ 1500 г.) и въ Литомышлѣ (съ 1503 г.)—Въ книжкѣ Кораба мы находимъ полный списокъ первопечатныхъ чешскихъ книгъ, издаваемыхъ въ поименованныхъ выше городахъ. Первые Пльзенскія изданія описаны подробно, другіе и для образца представлены снимки съ нихъ. Первой печатной чешской книгой была, какъ извѣстно, Троянская хроника. Отрывокъ изъ нея напечатанъ г. Корабомъ въ видѣ приложенія къ его книжкѣ. Въ заключеніе пужно отдать г. Корабу полную справедливость въ томъ, что трудъ его составленъ замѣчательно добросовѣстно и представляетъ важное пособіе для всякаго, занимающагося исторіей чешской литературы.

Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ существуетъ въ Прагѣ литературное общество „Славія.“ Основаніи его лица имѣли въ виду, чтобы оно содѣйствовало объединенію славянскихъ ученыхъ и литературныхъ силъ и распространяло идею о необходимости славянской взаимности какъ среди чешской молодежи, такъ и въ чешскомъ обществѣ. Нужно отдать справедливость обществу „Славія“, что оно всегда было вѣрно своему назначенію. Въ послѣднее время дѣятельность его обнаружилась слѣдующими изданіями:

1) Въ 1881 году по мысли общества изданъ былъ г. Эдвардомъ Йелинкомъ на средства книгопродавца Отты въ Прагѣ „Славянскій Сборникъ—статей изъ области этнографіи, культурной исторіи и исторіи литературной и общественной жизни“ подъ девизомъ „Poznejme se!“ При изданіи „Сборника“ приняты были во вниманіе отзывы критики о Петербургскихъ *Сборникахъ* и нашихъ *Ежегодникахъ* и онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Допсторическія кладбища и могилы въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси А. Г. Киркора.

2) Единоборство Марка Мильянова съ Пекомъ Павловичемъ. Черногорскій очеркъ Іос. Голечка.

3) Польскія женщины и дѣвушки. Отынокъ изъ исторіи народной и общественной жизни Эдварда Йелника.

4) О послѣднемъ пятилѣтіи у лужицкихъ Сербовъ. Михала Горника.

5) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С. Петербургѣ. І. К. Ставѣка.

6) Истрія и Истрійскіе Хорваты. Этнографическій очеркъ Бронислава Брежки.

7) Король Польскій Сигизмундъ добывается чешской короны въ 1526 году. Ант. Резека.

8) Литературное движеніе у Хорватовъ въ 1880 году. Іосифа Кубле.

9) Этнографическая выставка въ Коломиѣ. Вл. Левницкаго.

Кромѣ того въ концѣ книги (стр. 146—182) подъ рубрикой *Розказы* помѣщено много мелкихъ статей и замѣтокъ. Тутъ, между прочимъ, помѣщено письмо А. Г. Киркора объ Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ покойнаго: „Александр Котляревскій не только яко ученец, але и яко чловѣкъ, срдцем, идею, вши сплюу плехетныхъ циту миловал Слованство, и далека йса вши ненависти, неб и пржедсудку к тому неб опому шѣни, был му кажды Слован братрем в плем смыслу того то слова.“ Этотъ отзывъ, произнесенный Полякомъ, лучше всякихъ длинныхъ разсужденій опровергаетъ тѣхъ, кто хотѣлъ записать покойнаго въ лагерь славянофиловъ.

II) Такъ называемая *сказочная* комиссія Общества издала въ 1882 г. прекрасный сборничекъ чешскихъ простонародныхъ сказокъ подъ заглавіемъ: *Погадки а повѣсти нашего лиду* (въ Прагѣ у Рейнвартъ). Этотъ сборникъ составляетъ продолженіе цѣлой серіи изданій Комиссіи, носящихъ общее заглавіе *Сбирки простонародни*. Мы должны поблагодарить комиссію за обнаруженіе сказокъ. Чешскія сказки были извѣстны до сихъ поръ преимущественно въ нѣмецкомъ пересказѣ Громана: *Sagen aus Böh-*

men. Gesammelt und herausgegeben von Dr. Josef Virgil Grohmann. Prag 1863. Теперь мы знакомимся съ чешскими сказками въ ихъ подлинной формѣ. Многія изъ нихъ весьма важны для міеологій, этнологіи и народной психологій.

III) Наконецъ намъ остается обратить вниманіе читателей еще на одно изданіе Общества „Славія.“ Мы имѣемъ въ виду *Слованска чтени*. Исходя изъ той мысли, что славянской взаимности наиболѣе препятствуетъ различіе славянскихъ нарѣчій, которое обуславливаетъ, что представитель одного славянскаго племени не понимаетъ представителя другаго, Общество задалось цѣлью облегчить для Чеховъ изученіе языковъ русскаго, польскаго, сербскаго и болгарскаго. Для этого оно начало издавать нѣкоторые литературныя произведенія на этихъ языкахъ съ подстрочнымъ чешскимъ переводомъ. Изданіе раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ помѣщены произведенія русскія и польскія, во второмъ—сербскія и болгарскія. Ежемѣсячно изъ перваго отдѣла будетъ выходить два выпуска, а изъ втораго—одинъ. Все изданіе должно закончиться къ 1-му января 1883 года. Для изученія русскаго языка выбраны: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки Гоголя.

Имя Примуса Сobotки, редактора извѣстнаго чешскаго иллюстрированнаго журнала „Свѣтозоръ“ въ послѣдніе годы заняло почетное мѣсто въ чешской наукѣ. Въ 1879 году г. Сobotка выступилъ съ превосходнымъ трудомъ—„Ростлиństwo а ѣго významъ въ народныхъ пѣсняхъ, повѣстехъ, байкахъ, обрядахъ а повѣржахъ слованскихъ. Прѣписи ѣвекъ къ слованске символницѣ. Сенсал Примус Сobotка.“ Въ настоящее время онъ издалъ собраніе статей своихъ, писанныхъ въ періодъ 1872—1880 гг. и разбѣянныхъ по разнымъ журналамъ, подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ: „Выклады протонародни з обору јазыкознѣту, бајесловн, психологіе народни и т. д. Сенсал а себрал Примус Сobotка.“ Вотъ перечень ихъ: 1) о славянской символницѣ, 2) Перунъ на небѣ и пра-

отецъ Пржемысль на землѣ, 3) слово и мнѣ, 4) сочиненныя и выдуманныя причины, 5) о наследственности душевныхъ особенностей, 6) птицы въ народной славянской поэзіи, 7) значеніе прикосновенія, 8) языкъ миники, 9) красный цвѣтъ, 10) Лемки и ихъ юморъ. Всѣ статьи эти стоятъ вполне на высотѣ современной мнѣологической науки и въ то же время отличаются ясно-стью, простотой, можно сказать—прозрачностью изложенія. Это дѣлаетъ ихъ въ высшей степени пріятнымъ и въ то же время полезнымъ чтеніемъ для широкаго круга читателей. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживали бы перевода на русскій языкъ.

Въ Бирнѣ въ Моравіи вышла книга важная для изучающихъ славянскую народную поэзію и музыку. Это—Новое народныя писанія моравскія с напѣвы до тексту вряждѣнными. За дополнѣе сборки Сушиловы выдал Франтышек Бартош. В Бирнѣ 1882.—Старосвѣтскія народныя писанія у всѣхъ славянскихъ племенъ постепенно вымираютъ. Новое поколѣніе смотритъ на нихъ презрительно, какъ на произведенія деревенщины, не знакомой съ плодами цивилизаціи. Поэтому мы должны отъ всего сердца приветствовать всякую попытку спасти отъ забвенія поэтическое наследіе, заглавное не просвѣщенной, но напѣвной и искренней стариной. Дай Богъ, чтобы у всѣхъ славянскихъ племенъ побольше являлось такихъ дѣятелей, какъ Мельгуновъ, Кольбергъ, Кухачъ и др. Тогда сокровище народной поэзіи и музыки Славянъ будетъ спасено.

Путешествіе по Чехіи значительно облегчено въ настоящее время тѣмъ, что фирма Ррживнача въ Прагѣ издала *Проводце по королевству чешскому* (проводникъ по чешскому королевству) съ 12 картами и планами. Содержаніе проводника весьма богато и составлено на основаніи самыхъ надежныхъ источниковъ (перечи-

слены на стр. XII—XIII). Къ книгѣ приложенъ указатель мѣстъ, который весьма облегчаетъ пользованіе ею.

У насъ вообще мало переводятъ съ славянскихъ нарѣчій (исключеніе составляютъ переводы съ польскаго, встрѣчающіеся въ послѣднее время довольно часто), такъ что не знакомый съ ними рѣшительно не въ состояніи слѣдить даже за выдающимися явленіями славянскихъ литературъ. Поэтому намъ пріятно отмѣтить, что въ недавнее время г. Гилякъ издалъ въ Москвѣ прекрасный переводъ одной изъ повѣстей даровитаго чешскаго писателя Проконія Хохолунка „Послѣдній король Босніи.“ Повѣсть эта принадлежитъ къ циклу повѣстей, носившихъ общее заглавіе: *Коль*—картины изъ историческаго прошлаго южныхъ славянъ. Въ непродолжительномъ времени Г. И. Гилякъ думаетъ издать въ переводѣ и слѣдующія повѣсти этого цикла: Косово поле, Мплева, Ангора.

Мысль перевести на русскій языкъ повѣсти Хохолунка первому пришла въ голову покойному Николаю Петровичу Задерацкому еще въ 1868 году. Онъ тогда же взялся за ея осуществленіе и перевелъ три повѣсти: Косово поле, Мплева и Ангора, но напечатать ему удалось только первую, остальные же двѣ были разрѣшены даже цензурою въ печати, но по недостатку средствъ въ свѣтъ не появились, а такъ и завалялись въ бумагахъ покойнаго. *Косово поле* въ 1874 г. было издано вторично въ исправленномъ видѣ и до сихъ поръ находится въ продажѣ въ Кіевѣ (цѣна 40 к.).

СОДЕРЖАНІЕ

Славянскаго Ежегодника 1876 года.

	СТР.
I Календарныя свѣдѣнія (святцы православныя и католическія и пр.)	1.
II Успѣхи славяновѣденія въ Россіи до 1872 года по А. А. Майкову, Н. А. Лаптевскому и А. А. Котляревскому.	1.
III О славянской взаимности въ XVIII и XIX вѣкѣ проф. I. Первольфа	49.
IV Славянская міеологія, проф. Г. Крека (съ вѣм.)	91.
V Славянскія имена мѣсяцевъ. К. Я. Эрбена	114.
VI Бѣлградъ. Изъ путешествія по Сербіи. К. Иречка.	150.
VII Краткій очеркъ библіографіи чешской литературы съ 1860 по 1873 годъ	167.
VIII Черногорія. Очеркъ современнаго положенія, проф. А. С. Будиловича	172.
IX Боснія и Герцеговина. Статистико-географическій очеркъ	182.
X Смѣсь и мелочи изъ области славяновѣдѣнія: а) Лужицкіе сербы; б) Болгарія и болгары (по поводу книгъ Канитца и Иречка); в) русская печать за предѣлами Россіи; г) посольство Буковина; д) черногорскій князь; е) сербскій князь Миланъ IV Обреновичъ; ж) содержаніе „Славянскаго сборника“, изд. петербургскимъ отд. славянскаго комитета; з) славянскіе журналы, на которые принимается подписка въ почтовыхъ конторахъ; и) славяне и славянки, воспитывающіеся въ Москвѣ и въ Кіевѣ; i) находка колоколовъ въ Сербіи; к) находка короны Душана тамъ-же; л) пражскій университетъ въ 1875 г.; м) печеная біблія; н) къ исторіи чешской грамматики; о) общества въ Прагѣ; п) курьезы изъ жизни князя Милоша сербскаго	207.
XI Статистическія таблицы распредѣленія славянъ А) по государствамъ и народностямъ, Б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ) проф. А. С. Будиловича	237

СОДЕРЖАНІЕ

Славянскаго Ежегодника 1878 года.

I Воспоминанія и замѣтки стараго Чешскаго патріота. Ян. Малаго (I—XXVII гл.)	1.
--	----

II	Современные Болгары. Этнографическій очеркъ <i>Канитца</i>	-	-	-	-	110.
III	Два письма К. Гавличка изъ Москвы	-	-	-	-	177.
IV	Школа и жизнь въ Черногоріи. <i>М. Костица</i>	-	-	-	-	191.
V	О современной борьбѣ Черногорцевъ съ Турками и о бѣдственномъ положеніи Черной Горы <i>Веселитскаго-Божидаровича</i>	-	-	-	-	224.
VI	Чешскій исторіографъ Францъ Палацкій	-	-	-	-	237.
VII	Боснія. (Изъ записокъ Англичанки)	-	-	-	-	256
VIII	О будущности и всемірно-исторической роли Славянъ. <i>Графа Я. Гаррала</i>	-	-	-	-	280.
XI	Усѣхы славянонѣдѣнія за послѣднее время	-	-	-	-	295.
X	Янко Шафарикъ (некрологъ)	-	-	-	-	305.
XI	Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Рѣчь <i>проф. А. А. Котляревскаго</i>	-	-	-	-	308.
XII	О Борисѣ-Михаилѣ Волгарскомъ, праотцѣ Славянскаго просвѣщенія. <i>В. И. Григоровича</i>	-	-	-	-	316.
XIII	О Вибліи на Славянскихъ нарѣчіяхъ. <i>П. А. Виноградова</i>	-	-	-	-	325.
XIV	Славянский маршъ <i>Г. Н. Аристови</i>	-	-	-	-	326.

СОДЕРЖАНІЕ

Славянскаго Ежегодника 1878 года.

I	Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма <i>проф. Н. А. Попова</i>	-	-	-	-	1.
II	Забытый польскій поэтъ <i>проф. В. В. Макушев</i>	-	-	-	-	51.
III	Народныя пѣсни Хорватовъ, записанныя въ XVI вѣкѣ <i>М. П—аю</i>	-	-	-	-	63.
IV	Очерки изъ новой польской литературы. I—VIII гл. <i>Э. Н. Каля</i>	-	-	-	-	70.
V	О Славянской народной поэзіи. Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ Славянскихъ народовъ. Соч. <i>проф. В. В. Лича</i> , перев. съ хорватскаго <i>П. З—цаю</i>	-	-	-	-	140.
VI	Францъ Ладиславъ Челяковскій <i>Н. З—цаю</i>	-	-	-	-	271.
VII	Письма Челяковского, сообщ. <i>проф. А. С. Будиловичъ</i>	-	-	-	-	285.
VIII	Черногорія. Этюдъ по соч. архим. <i>Н. Дучича. Н. П. З—цаю</i>	-	-	-	-	396.
IX	Осипъ Максимовичъ Бодяпскій, <i>проф. А. А. Котляревскаго</i>	-	-	-	-	343
X	Взглядъ Мадьярскаго этнографа на Славянъ соч. <i>П. Гунфальви</i> . Перев. съ нѣм <i>Н. З—цаю</i>	-	-	-	-	353.

СОДЕРЖАНІЕ

Славянскаго Ежегодника 1880 года.

I	Голубой аббатъ. Романъ соч. <i>Шмилевскаго</i> . Пер. съ чеш. <i>Н. З—цкаго</i>	1.
II.	Несчастная семья Повѣсть соч. <i>Друмева</i> (вып. оп. Климента) Пер. съ болгарскаго <i>Китинцева</i> и <i>Н. З—цкаго</i>	133.
III	Іоаннъ Гусъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ соч. <i>І. К. Тыля</i> . Пер. съ чеш. <i>Н. З—цкаго</i>	213.
IV	Іоаннъ Гусъ. Стихотвореніе соч. <i>В. П—ва</i>	284.
V	Іоаннъ Гусъ. <i>В. Б. Томка</i> . Пер. съ чеш. <i>Н. З—цкаго</i>	288.
VI	Сочиненія Гуса. Соч. <i>Я. Э. Воцеля</i> . Пер. съ чеш. <i>еюже</i>	298.
VII	Іосифъ Добровскій. Біографическій очеркъ, соч. <i>В. Н. К.</i>	304.
VIII	Вячеславъ Ганка. Соѡ. <i>д-ра Леписъ-Гюкзелина</i> . Пер. съ нѣм. <i>Н. З—цкаго</i>	325.
IX	Три письма В. В. Ганки къ А. Б. Ашику, сообщ. <i>Л. С. Мацкевичемъ</i>	379.
X	І. И. Крашевскій, біографическій эскизъ по поводу юбилея соч. <i>Вл. Куницаго</i>	382.
XI	И. И. Срезневскій (некрологъ съ приложеніемъ „Поминки“ въ историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтовисца) <i>Н. З—цкаго</i>	390.
XII	Славянская бібліографія за 1878 годъ: отдѣлы польскій, галицко-русскій, чешскій, лужицко-сербскій, хорватскій, сербскій и русскій, <i>Н. З—цкаго</i>	406.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- I Николай Петрович Задерацкий. Матерьялы для біографіи.
Собралъ А. С—ко - - - - - стр. I—XXXIII.

Отдѣлъ беллетристическій.

- II Горные разсказы Алоиза Ираска: Прутовскій, Анчаръ,
за наслѣдіе отцовъ. Переводъ съ чешскаго А. Степо-
вича - - - - - стр. 1—54.
III Зимніе вечера М. Миличевича: Невѣдомые апостолы, Село
Водопьяно. Переводъ съ сербскаго А. Стороженка стр. 55—94.

Отдѣлъ научный.

- IV Ученіе А. Товинскаго, преимущественно соціально-поли-
тическое. Проф. В. В. Макушева - - - стр. 95—131.
V Юлій Словацкій. Хр. Ящуржинскаго - - - стр. 132—156.
VI Два сербскихъ монастыря. Проф. П. Кулаковскаго стр. 167—190.
VII Философствующій поэтъ, пѣвецъ астрономическихъ
міровъ. Андроника Степовича - - - стр. 191—200.
VIII Болгаре поселенцы Новор. Края и Бессарабін.
Петра Задерацкаго - - - стр. 201—231.
IX Библіограф. замѣтки. А. С—ко - - - стр. 232—241.